МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
Учреждение образования
«Брестский государственный технический университет»
Брестская епархия Белорусской Православной Церкви

МОЛОДЕЖЬ. ДУХОВНОСТЬ. ОТЕЧЕСТВО

Христианское учение о человеке и вызовы современных технологий

сборник научных статей
Республиканской научно-практической конференции
с международным участием
в рамках епархиального этапа XXXV Международных
Рождественских образовательных чтений

Брест 2026

УДК 37.015.31:94(47+57)
ББК 63.3(2)622:74.200.51

Общая редакция:
Яловая Н. П., проректор по идеологической и воспитательной работе БрГТУ, кандидат технических наук, доцент

Редакционная коллегия:
Малыхина Л. Ю., заведующий кафедрой гуманитарных наук, кандидат исторических наук, доцент
Ковалева Н. Н., доцент кафедры гуманитарных наук, кандидат исторических наук, доцент
Грибова С. В., доцент кафедры гуманитарных наук, кандидат исторических наук, доцент
Бурко О. П., старший преподаватель

Рецензенты:
А. В. Мощук, ректор ГУО «Брестский областной институт развития образования», кандидат исторических наук, доцент;
А. В. Климович, доцент кафедры философии и экономики БрГУ им. А. С. Пушкина, кандидат философских наук, доцент

Молодежь. Духовность. Отечество. Христианское учение о человеке и вызовы современных технологий: сборник научных статей Республиканской научно-практической конференции с международным участием в рамках епархиального этапа XXXV Международных Рождественских образовательных чтений / Брестский государственный технический университет; редкол.: Н. П. Яловая (гл. ред.), Л. Ю. Малыхина, Н. Н. Ковалева, С. В. Грибова, О. П. Бурко. – Брест : Издательство БрГТУ, 2026. – 142 с.

Сборник научных статей включает результаты гуманитарных исследований, апробированных на Республиканской научной конференции с международным участием «Молодежь. Духовность. Отечество» (12 ноября 2026 г.). Посвящен осмыслению вопросов духовности и патриотизма в современном мире и рекомендован для широкого круга читателей.

УДК 37.015.31:94(47+57)

© Издательство БрГТУ, 2025

УДК 253

«ВСЁ МНЕ ПОЗВОЛИТЕЛЬНО, НО НЕ ВСЁ ПОЛЕЗНО»: ПРАВОСЛАВНОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ВЛИЯНИЯ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА НА ДУШУ ЧЕЛОВЕКА

Архиепископ Брестский и Кобринский Иоанн (Хома)

кандидат богословия, доцент, почетный профессор БрГТУ
Беларусь, Брест, Брестская епархия БПЦ, МДА

Стремительное развитие технологий в XXI веке ставит перед человечеством вопросы, которые ещё сто лет назад казались достоянием научной фантастики. Редактирование генома, искусственный интеллект, интерфейсы «мозг-компьютер», крио́ника, клонирование, репродуктивные технологии – всё это не просто меняет условия жизни, но бросает вызов самому пониманию того, что такое человек. В этой ситуации христианское учение о человеке, сформированное на протяжении двух тысячелетий, оказывается

неожиданно востребованным: оно предлагает целостную антропологию, в центре которой стоит не биологический организм, а личность, сотворённая по образу Божию. И потому слова апостола Павла из Первого послания к коринфянам – «*Всё мне позволительно, но не всё полезно; всё мне позволительно, но ничто не должно обладать мною*» (1 Кор 6,12) – звучат сегодня весьма актуально [1]. Написанные почти две тысячи лет назад, эти апостольские слова оказываются востребованным инструментом оценки вызовов сегодняшнего дня.

Чтобы понять, как технологии могут повлиять на душу, надо вспомнить, что такое душа в православном учении. Фундамент христианской антропологии заложен в первой главе Книги Бытия: «*И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему и по подобию Нашему*» (Быт. 1:26) [1]. Человек, согласно христианскому вероучению, есть единственное творение, которое несёт в себе образ своего Творца. Этот образ не сводится к какой-то одной способности, но охватывает всего человека целиком, в единстве его духовной и телесной природы. Как писал преподобный Максим Исповедник (VII век), образ – это то, что вложено в природу человека: разум, свобода, способность к любви и творчеству, совесть, дар слова [2, с. 217]. Подобие – это цель, к которой человек призван идти: святость, уподобление Богу, обóжение. Образ нельзя утратить даже грехопадением, но подобие требует свободного усилия, синергии человеческой воли и Божественной благодати.

Святитель Ириней Лионский, ведущий богослов II века, подчёркивал, что человек создан изначально в неразрывном единстве духовной и материальной природы, и именно это единство является замыслом Творца [3, с. 420]. Тело – не случайная оболочка, а неотъемлемая часть человеческой природы, которая вместе с душой призвана к преображению и обóжению. Воскресение Христово – залог будущего воскресения тел, а не только бессмертия душ. Это положение имеет прямое отношение к оценке современных технологий: любая концепция, рассматривающая тело как нечто, от чего следует «избавиться» или что можно произвольно модифицировать без учёта его духовного назначения, противоречит православному пониманию человека.

Хотел бы более обстоятельно коснуться темы искусственного интеллекта. Он перестал быть сюжетом научной фантастики. Нейросети пишут тексты, ставят медицинские диагнозы-подсказки, ведут беседу, рисуют картины и всё увереннее встраиваются в учебный процесс, в работу и в быт. Человечество переживает не просто очередную техническую революцию – оно переживает искушение по-настоящему новой величины: впервые созданное человеком орудие притязает на роль собеседника, советника и, возможно, даже судьи.

Для православного христианина вопрос об искусственном интеллекте это вопрос верности: верности своему призванию, верности Богу, верности тому человеческому достоинству, которое Церковь называет образом Божиим.

Свобода воли – одно из важнейших проявлений образа Божия в человеке. Бог сотворил человека свободным и не нарушает эту свободу даже Сам: «*черта образа Божия – свободная воля человеческой личности – неприкосновенна и ненарушима даже Самим Творцом*» [2, с. 217]. Свобода – это не произвол, а способность к осознанному выбору между добром и злом, способность нести ответственность за свои поступки. Любая технология, подавляющая свободу воли или подменяющая нравственный выбор технической процедурой, вступает в противоречие с христианским пониманием человека.

В Православии образ Божий в человеке понимается не как набор свойств (разум, воля, память), а как живое, личное, ипостасное бытие. Термин «ипостась» здесь принципиален: личность – не сумма функций и не программа, а несводимый к своим составляющим центр бытия, способный к общению с Богом и с другими личностями.

Из этого следует важнейший для нашей темы вывод: человек, будучи образом Святой Троицы, несопоставим с искусственным интеллектом, а его личность не может быть искусственно создана с помощью сколь угодно тонких, но всегда природных схем.

Искусственный интеллект безипостасен, т. е. не имеет индивидуальной сущности. За этим стоит целый ряд следствий: у ИИ нет и не может возникнуть сознания в собственном смысле слова, поскольку сознание – свойство ипостасного бытия; у ИИ нет чувств – любви, жертвенности, ответственности, свободы нравственного выбора, способности к молитве и сочувствию, он может лишь подражать социуму; в отношениях с ИИ не присутствует Дух Святой, потому что нет личности, призванной к общению с Богом.

То есть человек принимает решения, опираясь на знание, включающее разум, интуицию, эмоции и духовное переживание; его решение – акт личностный, свободный, способный даже во имя любви и жертвы противоречить рациональному расчёту. Искусственный интеллект обрабатывает данные и комбинирует информацию, но его решения не имеют личностного измерения: машина не может взаимодействовать с Богом, не обладает свободой, любовью, верой. Господь дал человеку разум, но, если бы мы получили только разум, то мало чем отличались бы от ИИ. Человеку дана свободная воля и чувства, чего искусственный интеллект лишён.

Личность, согласно православному богословию, не тождественна своим телу и душе. Она не сводится к набору логических схем или функций. В отличие от машин, человек способен духовно возрастать, переживать, изменяться и осмысленно принимать решения. Академик Наталья Петровна Бехтерева отмечала, что человеческий мозг сопоставим по сложности со всей Вселенной, со всеми миллиардами галактик, и утверждала, что мозг никогда не будет смоделирован. Можно подытожить так: у ИИ есть ум, а совести нет.

Искусственный интеллект может стать непревзойденным вычислителем – но он не может стать личностью, потому что личность не вычисляется.

Православная Церковь с самого начала своего существования использовала лучшие достижения человеческой мысли: переписывала книги, строила храмы, разрабатывала право, вела хозяйственную деятельность, а сегодня ведёт свои сайты, снимает фильмы и проводит онлайн-богослужения. Техника – часть того мира, который человек призван возделывать и хранить; творческое преобразование материального мира – часть человеческого призвания.

Если держаться апостольского критерия пользы, то можно назвать по крайней мере четыре сферы, где искусственный интеллект действительно помогает:

Во-первых, медицина. Алгоритмы помогают в ранней диагностике онкологических заболеваний, в расшифровке снимков, в планировании операций и в разработке лекарств. Спасение человеческой жизни – высшая заповеданная ценность, и здесь ИИ работает на стороне Евангелия.

Во-вторых, наука и образование. Нейросети ускоряют обработку данных, помогают в языках и переводах, проводят поиск по огромным массивам текстов – в том числе по богословской литературе. Цифровые библиотеки рукописей, собрание святоотеческого наследия с возможностью полнотекстового поиска, подбор литературы – всё это делает доступным то, что столетие назад требовало архивной экспедиции.

В-третьих, помощь людям с ограниченными возможностями: системы распознавания речи, голосовые помощники, автономная навигация, протезы с нейроуправлением. Инновации, возвращающие человеку способность слышать, видеть, двигаться, говорить, – это, по сути, технологии милости.

В-четвертых, безопасность: мониторинг стихийных бедствий, прогнозирование аварий, защита от кибератак. Да, внедрение искусственного интеллекта может привести к колоссальному технологическому прорыву, к созданию таких машин и механизмов, которые мы сейчас и представить себе не можем. Все это может и должно служить человеку и его благу.

Апостольское «*ничто не должно обладать мною*» предполагает, что обладание возможно. История показывает: технические достижения имеют тенденцию к обратному захвату. Николай Бердяев сформулировал это как «диалектику технического прогресса»: «*машина есть создание человека, и она направляется против человека; она порождена духом, и она же порабощает дух*» [4, с. 37].

Первая и реальная угроза искусственного интеллекта – дегуманизация межличностных коммуникаций. Уже сейчас многие выбирают коммуникацию с машиной вместо общения с человеком. Но не следует забывать, что природа человеческая и природа общества предполагает в первую очередь связь

человека с человеком. Само слово «общество» – от того же корня, что слова «община», «общение». Мир, в котором люди потеряют способность общаться друг с другом, потеряет и способность любить, прощать, сострадать.

Святитель Николай Сербский (XX века) напоминал: «*Материальным прогрессом мир способен только прельщаться. Ведь вполне ясно, что в истории человечества ни одна цивилизация не погибла от недостатка хлеба – все империи умирали от духовного голода*» [5, с. 252].

Драгоценность живого разговора невозможно переоценить, это – возможность проживать чувства синхронно. Радость становится ярче, если её разделить лицом к лицу; горе становится чуть легче, потому что ты не один. В цифровом пространстве этот эффект сильно сглажен: лайк или смайлик не заменят прикосновения к плечу, искреннего «я здесь». Экранное общение стирает эти качества и учит человека относиться к собеседнику как к функции, которую можно «пролистать».

Эта угроза особенно актуальна для молодого поколения. Цифровое общение удобное, быстрое, всегда доступно и не требует той жертвенности, которой требует живая дружба. Но именно жертвенность – личностное свойство, которое искусственный интеллект имитировать не в состоянии. Ни одно творение человека, в том числе искусственный интеллект, не способно к сочувствию и другим проявлениям человеческой души. Машина может сказать нужные слова, но она не может сострадать тебе. Ни один алгоритм не заменит человеческой души, ни одна нейросеть не познает Бога, ни один робот не прольет кровь за ближнего.

Ещё одна угроза – та, на которую апостол Павел указывал двумя тысячами лет ранее и к которой алгоритмы сегодня приспособились лучше всего: порабощение. Современные цифровые продукты строятся на удержании внимания; ленты рекомендаций подстраиваются под наши слабости и страсти. То, что для апостола было вопросом выбора – «*ничто не должно обладать мною*» – для пользователя социальной ленты становится ежедневной битвой.

В церковной среде, среди рассуждений об искусственном интеллекте, появился термин «злокачественное ИИ». Например, если раньше студент сам думал над решением задачи, то сегодня часто лишь списывает сгенерированный ответ, не вникая в суть. То есть как злокачественная опухоль замещает собой здоровые ткани, так и злокачественный ИИ не дополняет, а замещает собой мыслительные процессы, ведя к гибели разума. Человек становится приложением к нейросети, а не наоборот. Это и есть предельно точный случай, когда «позволительное» не «полезно», и когда орудие поработило своего хозяина.

Также существует проблема ответственности: ИИ не может нести ответственность, а значит, за любой результат отвечает либо разработчик, либо пользователь; позиция «это не я, это нейросеть» – по сути, отказ от

собственной свободы, о которой также говорил апостол Павел: «*К свободе призваны вы, братия, только бы свобода ваша не была поводом к угождению плоти*» (Гал 5:13) [1].

Таким образом, формула апостола Павла не только ставит богословские рамки, но и дает практическое руководство. Можно сформулировать такие условия пользования плодами технического прогресса, в том числе и искусственным интеллектом, которые вытекают из трех апостольских критериев: пользы, назидания и свободы.

Первое: полезно ли это? Полезно не в смысле «удобно сейчас», а в перспективе евангельского смысла – ведёт ли это к спасению души? Технические достижения, которые помогают учиться, лечиться, слышать дальних, совершать богослужение, – полезны. Техника, которая пожирает время, возбуждает страсти, лишает сна, – «позволительна, но не полезна». Ни ИИ, ни любой другой инструмент не должен занимать место Бога, совести, Церкви. Технология может помочь помолиться – но она не может помолиться вместо тебя. Святитель Николай Сербский дал этому явлению собственную формулировку: «*Когда цивилизация делается преградой между Богом и человеком, она становится на службу зла*» [6, с. 112].

Второе: назидает ли это? Использование нейросети при подготовке работы допустимо как помощь – так же, как допустим словарь и справочник. Но использование её вместо собственной работы – обман, и, по сути, отказ от образования, которое есть формирование личности.

Третье: кто кем обладает? Например, если я не только решил: «сейчас почитаю новости и вернусь к работе», но и выполнил это – я хозяин. Если рука тянется к телефону автоматически, а лишение интернета вызывает тревогу и раздражение, – я уже не хозяин, а слуга. Святитель Иоанн Златоуст (IV века) говорит об этом как об обратной стороне свободы: кажущаяся власть обнаруживает рабство [7, с. 312]. Технологии должны служить человеку, а не заменять его. Бог создал человека, чтобы он «владычествовал» над творениями (Быт. 1:28) [1], а не становился их рабом.

Да и в целом, могут ли современные технологии заменить то, что не заменяется? Час в мессенджере может поддерживать дружбу – а может подменять её. Онлайн-трансляция богослужения может соединить с храмом – а может позволить годами не выходить из дома под предлогом «я же смотрел и слушал». Граница здесь всегда проходит внутри: нужны ли технологии как мост к живому или же как стена от него. Технические средства сами по себе, нейтральны; дух человека находит им или злое, или доброе применение.

Технологический прогресс решает задачи внутри тварного мира, но он не может отменить смерть, грех, конечность человека и не может заменить главную цель жизни – соединение с Богом. Священное Писание показывает технику как дар Творца, реализующий творческий образ человека, и

одновременно как поле, где с особой силой проявляется падшесть человека – его гордыня, страсти и стремление построить жизнь без Бога. Всё зависит от того, что станет главнее: цель, ради которой человек применяет технику, или сама техника, превращающаяся в идола. Ещё в середине XX века преподобный Паисий Святогорец сокрушался: «*Люди видят весь мир, не видя только самих себя. Не Бог уничтожает людей, нет, сейчас люди своим умом уничтожают себя сами*». [8, с. 123]. «*Когда человек превознесётся пред Богом и возгордится собой, Господь низвергает даже самую развитую цивилизацию*» — вторит ему святитель Николай Сербский [6, с. 112].

Апостол Павел дал нам не запрет, а ключ: «*всё мне позволительно, но не всё полезно; всё мне позволительно, но ничто не должно обладать мною*» (1 Кор 6:12) [1]. Этот ключ работал в Коринфе первого века и работает в цифровую эпоху двадцать первого. Полезность и свобода – два критерия, к которым христианин обязан возвращаться каждый раз, когда берёт в руки новое техническое изобретение. Христианин, сохранивший душу живой, свободной и устремлённой к Богу, может владеть любым инструментом своего времени и не быть им побеждённым. Христианин, потерявший внутреннюю свободу, окажется под властью даже самого простого устройства.

«*Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение*» (Мф 26:41) — это слово Спасителя и есть главный духовный ответ цифровой эпохе [1].

Список источников и литературы:

1. Библия. Ветхий Завет. Новый Завет. – М. : Российское библейское общество, 2020.

2. Максим Исповедник, прп. Главы о любви / Пер. с греч. А. Ю. Сидорова. – М. : Сибирская благозвонница, 2010.

3. Ириней Лионский, сщмч. Против ересей: в 5 кн. / пер. с греч. Н. Сагарды. – М. : Сибирская благозвонница, 2011. — Кн. V.

4. Бердяев Н. А. Творчество и объективация. Опыт эсхатологической метафизики. – М. : АСТ, 2004.

5. Николай Сербский (Велимирович), свт. Миссионерские письма. – М. : Издательство Сретенского монастыря, 2003.

6. Николай Сербский (Велимирович), свт. Жатвы Господни / пер. с серб. С. Луганской. – М. : Издательство Сретенского монастыря, 2010.

7. Иоанн Златоуст, свт. Избранные творения. В 2 т. Т. 2 / сост. свящ. Александр Гумеров. – М. : Сретенский ставропигиальный мужской монастырь, 2017.

8. Паисий Святогорец, прп. Слова. Том I. «С болью и любовью о современном человеке». – Шамордино : Издательство Свято-Амвросиевской женской пустыни, 2017.

УДК 130.1:316.346.32-053.6(476)

ДУХОВНЫЙ МИР СОВРЕМЕННОЙ БЕЛОРУССКОЙ МОЛОДЕЖИ: МЕЖДУ ТРАДИЦИОННЫМ МЕНТАЛИТЕТОМ И ГЛОБАЛЬНЫМ ПРАГМАТИЗМОМ

Парфиевич Андрей Николаевич
ректор, кандидат технических наук, доцент
Яловая Наталья Петровна
проректор по идеологической и воспитательной работе
кандидат технических наук, доцент
Брест, Беларусь, БрГТУ

Аннотация: В статье анализируется специфика духовного мира молодежи Республики Беларусь на современном этапе. На основе данных социологических исследований рассматривается иерархия ценностных ориентаций, роль традиционных институтов (семьи, государства, Белорусской Православной Церкви) и влияние глобализационных процессов. Выявлен дуализм сознания белорусской молодежи: сочетание высокого прагматизма с устойчивой ориентацией на традиционные ценности – здоровье, семью и созидательный труд.

Ключевые слова: Республика Беларусь; молодежь; духовные ценности; традиции; прагматизм; национальная идентичность; Белорусская Православная Церковь; цифровая среда; духовно-нравственная личность; воспитательный процесс.

Духовный мир молодого поколения является ключевым индикатором жизнеспособности любого общества. Для Республики Беларусь, находящейся на стыке восточнославянской и западноевропейской цивилизационных моделей, вопрос формирования ценностного ядра молодежи имеет стратегическое значение. Белорусская молодежь составляет пятую часть населения страны и является мощным стратегическим ресурсом государства, драйвером его развития. В условиях демографических вызовов и глобальной информационной турбулентности духовные ориентиры белорусской молодежи определяют траекторию развития государства на десятилетия вперед.

Результаты социологических исследований демонстрируют четкую структуру приоритетов [1]. В отличие от стереотипного представления о молодежи как о носителе исключительно развлекательных интересов, на первом месте в иерархии ценностей белорусской молодежи находится здоровье (70,1 %). При этом преобладающее большинство представителей молодежи (79,6 %) отмечают собственную удовлетворенность состоянием здоровья. Т. е. новое поколение ориентировано на здоровый образ жизни.

Второе место прочно удерживают семейные ценности (58,6 %). Белорусская молодежь демонстрирует зрелое отношение к институту семьи: 42,5 % респондентов отмечают, что рождение ребенка эмоционально обогащает родителей, а 30,5 % рассматривают родительство как важный аспект для самореализации мужчин и женщин. Такая направленность на традиционные семейные ценности, рождение детей и здоровый образ жизни является фундаментом демографической безопасности устойчивого развития белорусского общества и результатом семейной политики государства.

При этом нельзя игнорировать высокую значимость прагматических установок. Жизненные принципы и ориентиры современной молодежи трансформируются в соответствии с глобальными и локальными изменениями. В социологических опросах фиксируется ценность дружбы (50,0 %), значимость родных и близких (52,9 %), любви (44,9 %), но также и материальных факторов (материальный достаток и высокооплачиваемая работа – 55,4 %), что свидетельствует о стремлении к социальной успешности и стабильности.

Духовный мир современного молодого поколения представляет собой сложную, многослойную и часто противоречивую картину. Эпоха глобализации, стремительного технологического прогресса и информационной перегрузки сформировала уникальный психологический ландшафт, в котором традиционные ценности сталкиваются с новыми формами самоидентификации. Система мировоззренческих ориентиров молодежи выступает не как устоявшийся комплекс взглядов и ценностей, а как динамичный процесс самоопределения, личностного становления и адаптации к меняющимся условиям реальности. Для него характерен постоянный поиск равновесия между неопределенностью и сложностью внешнего мира, и стремлением к внутренней гармонии, устойчивости и осмысленности жизни.

Современное поколение страны выросло в условиях социальной защищенности и благополучия. Это сформировало уникальный тип сознания: с одной стороны, молодежь глубоко прагматична, с другой – ориентирована на традиционные связи. В отличие от глобальных трендов на индивидуализм, белорусская молодежь сохраняет высокую значимость коллективных и родственных уз. При этом романтические и возвышенные категории, такие как совесть, честь и достоинство, занимают в рейтингах более низкие позиции (около 18 %), уступая место комфорту, стабильности и балансу между работой и личной жизнью. Новое поколение белорусов, выросшее без потрясений 1990-х годов, ориентировано на созидание в мирных условиях.

Одной из особенностей духовной жизни белорусской молодежи является неоднозначное восприятие религии и ее роли в современном обществе. Молодые люди могут разделять христианские нравственные идеалы, но не всегда стремятся к активному участию в жизни церковных приходов. Однако,

религия воспринимается молодыми людьми как основа нравственности, честности и доброты. Поэтому можно с уверенностью отметить, что религиозная жизнь белорусской молодежи также переживает трансформацию.

Важнейшим элементом духовного мира белорусской молодежи является ее государственная идентичность. В обновленной Конституции Республики Беларусь закреплена статья 32, согласно которой «государство способствует духовному, интеллектуальному и физическому развитию молодежи, создает необходимые условия для ее свободного и эффективного участия в общественной жизни, реализации потенциала молодежи в интересах всего общества» [2]. Молодой человек должен быть воспитан, образован и нацелен на самореализацию и высокий интеллектуальный уровень для достойного вклада в развитие страны. Этот общественный договор формирует установку на созидание.

Духовный мир молодого поколения сегодня неразрывно связан и с исторической памятью. Воспитательная работа с молодежью строится на сохранении связи поколений. В рамках республиканских патриотических проектов («Мы – граждане Беларуси!», «Единство поколений: маршрут памяти», «Цитадель памяти», «Беларусь помнит…» и др.) и Единых дней информирования на постоянной основе транслируется идея о том, что память о прошлом и уважение к старшим – единственный источник мудрости, позволяющий не повторять исторических ошибок. А участие молодежи в торжественных памятно-мемориальных, культурно-массовых, информационно-пропагандистских и иных мероприятиях, посвященных государственным праздникам и памятным датам в истории Беларуси, является основой патриотического и духовно-нравственного воспитания современного молодого поколения.

Значимое место в системе духовно-нравственных и мировоззренческих ориентаций современной молодежи занимает цифровая среда, выступающая важнейшим фактором формирования ценностных установок и моделей социального взаимодействия. В Республике Беларусь, где уровень интернет-пользования охватывает подавляющую часть населения – 95,5 %, цифровое пространство становится одним из ключевых институтов социализации молодежи. Глобальная цифровая среда оказывает глубокое и противоречивое влияние на духовный мир современной молодежи:

– трансформируются ценностные ориентиры: происходит подмена традиционных смыслов (патриотизм, семья, историческая память, коллективизм) псевдоценностями. Самоутверждение молодежи часто реализуется через количество лайков, эпатаж и участие в опасных челленджах, а не через реальные достижения;

– в результате анонимного общения упрощается моральная оценка поступков, что способствует росту кибербуллинга. Отношения в цифровом

пространстве часто носят поверхностный, эгоистичный и ни к чему не обязывающий характер, так как могут быть прерваны в любой момент. Это деформирует представления о допустимом и недопустимом;

– повышается риск попадания молодежи под влияние радикальных и антисоциальных идей из-за обилия деструктивного контента и лжеучений, сложности отличия достоверной информации от ложной.

И в то же время цифровая среда открывает доступ к культурному и духовному наследию. Цифровые инструменты (виртуальные экскурсии по храмам и музеям, оцифрованные архивы, мультимедийные лекции) делают изучение истории, искусства и религии доступным для каждого, независимо от географии. Глобальная сеть позволяет молодежи объединяться для волонтерства, благотворительности и защиты слабых. Просмотр роликов о помощи нуждающимся или животным способен вызвать живой эмоциональный отклик и побудить к реальным действиям. Интернет предоставляет молодежи широкий доступ к разнообразным религиозным, философским и мировоззренческим концепциям, расширяя возможности для самостоятельного формирования системы ценностей и жизненных ориентиров. Вместе с тем информационное многообразие может способствовать трансформации традиционных ценностных установок и мировоззренческих представлений.

Таким образом, духовный мир современной белорусской молодежи формируется под влиянием как глобальных информационных процессов, так и национально-культурных традиций. В системе ценностных ориентаций молодого поколения сочетаются стремление к самореализации и адаптации к условиям цифрового общества с сохранением значимости таких ценностей, как семья, межличностные отношения, трудовая деятельность и социальная стабильность. При этом духовные установки молодежи характеризуются неоднородностью и отражают многообразие социальных, культурных и мировоззренческих влияний. Дальнейшая трансформация духовной сферы молодежи будет определяться как динамикой общественного развития, так и особенностями процессов социализации в условиях цифровизации и глобализации.

Список источников и литературы:

1. Единый день информирования: «Беларусь – страна возможностей. Молодежная политика на современном этапе» // Брестский государственный технический университет. Официальный сайт. – URL: https://www.bstu.by/universitet/ivr/ko-dnyu-informirovaniya/arkhiv-2025-goda (дата обращения: 30.09.2026).

2. Конституция Республики Беларусь 1924 г. (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г. и 27 февраля 2022 г.) // pravo.by. Национальный правовой Интернет-портал

Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/ (дата обращения: 30.09.2026).

УДК 37.017.4

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ: ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ

О. А. Аннамырадова
заведующий кафедрой языков
Туркменистан, г. Ашхабад, МУГНиР

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы духовно-нравственного воспитания студенческой молодёжи в условиях активной цифровизации высшего образования. Современная цифровая образовательная среда существенно расширяет возможности получения, обработки и распространения информации, однако одновременно предъявляет новые требования к формированию ценностных ориентиров, информационной культуры и социальной ответственности молодых людей. Особое внимание уделяется роли преподавателя высшей школы в формировании нравственной культуры студентов и поиску эффективного сочетания традиционных воспитательных подходов с современными педагогическими технологиями. На основе многолетнего опыта преподавания английского языка и руководства кафедрой языков Международного университета гуманитарных наук и развития анализируются возможности интеграции духовно-нравственного воспитания в языковую подготовку студентов. Рассматриваются такие педагогические подходы, как Task-Based Learning, Universal Design for Learning, проектная деятельность, дискуссионные методы, анализ аутентичных текстов, межкультурная коммуникация и использование цифровых ресурсов. Отдельное внимание уделяется ответственному использованию искусственного интеллекта в образовательном процессе. Делается вывод о том, что цифровизация образования не должна противопоставляться традиционным ценностям; напротив, при грамотной педагогической организации цифровая среда может стать эффективным инструментом развития критического мышления, ответственности, уважения к другим культурам и осознанного нравственного выбора.

Ключевые слова: духовно-нравственное воспитание; студенческая молодёжь; цифровизация образования; цифровая культура; ценностные ориентиры; педагогические практики; искусственный интеллект; межкультурная коммуникация; высшее образование; языковая подготовка.

Введение. Современный этап развития высшего образования характеризуется активным внедрением цифровых технологий в

образовательный процесс. Электронные образовательные платформы, цифровые библиотеки, интерактивные ресурсы, онлайн-коммуникация и инструменты искусственного интеллекта постепенно становятся частью повседневной академической деятельности преподавателей и студентов. Цифровая трансформация открывает широкие возможности для индивидуализации обучения, расширения доступа к образовательным ресурсам и организации международного академического взаимодействия.

Вместе с тем цифровизация образования связана не только с технологическими изменениями. Она оказывает влияние на характер коммуникации, способы получения информации, модели поведения и систему ценностных ориентиров молодого поколения. Студент сегодня является не только потребителем образовательной информации, но и активным участником цифрового информационного пространства. Поэтому одной из важных задач современного университета становится формирование у молодых людей способности ответственно работать с информацией, критически оценивать содержание цифровых ресурсов, уважать позиции других людей и осознанно использовать современные технологии.

В этих условиях духовно-нравственное воспитание приобретает особое значение. Оно предполагает не только передачу определённых моральных норм, но и формирование способности самостоятельно оценивать поступки, делать осознанный выбор, нести ответственность за свои действия и уважительно взаимодействовать с окружающими.

Целью настоящей статьи является рассмотрение возможностей интеграции духовно-нравственного воспитания в современный образовательный процесс в условиях цифровизации высшего образования, а также анализ отдельных педагогических практик, применяемых в языковой подготовке студентов.

1. Духовно-нравственное воспитание в условиях цифровой трансформации.

Традиционно духовно-нравственное воспитание рассматривается как важная составляющая формирования личности, направленная на развитие представлений о добре и зле, ответственности, справедливости, уважении к другим людям, культурному наследию и общественным ценностям.

В условиях цифровой среды содержание данной работы расширяется. Студенту необходимо не только понимать общепринятые нравственные нормы, но и применять их в новых коммуникативных ситуациях. К ним относятся культура общения в социальных сетях, ответственное распространение информации, уважение интеллектуальной собственности, соблюдение академической честности, корректное использование искусственного интеллекта и уважительное отношение к людям, имеющим иные культурные и мировоззренческие позиции.

Таким образом, понятие нравственной культуры современного студента включает и определённый уровень цифровой этики.

Особое значение приобретает проблема информационного выбора. Большой объём доступной информации не означает автоматически высокого уровня информированности человека. Напротив, студенту необходимо научиться различать достоверную и недостоверную информацию, факт и мнение, аргументированную позицию и эмоциональное утверждение.

Следовательно, задача преподавателя заключается не только в передаче предметных знаний, но и в создании условий для формирования у студентов самостоятельного и ответственного отношения к информации.

2. Роль преподавателя в формировании ценностных ориентиров студентов.

Цифровизация не уменьшает значение преподавателя. Напротив, в условиях большого количества доступной информации роль педагога становится более сложной. Преподаватель выступает не только источником знаний, но и наставником, организатором учебной деятельности и примером профессиональной и коммуникативной культуры.

Особенно ярко это проявляется при изучении иностранных языков. Язык является не только средством передачи информации, но и инструментом межкультурного взаимодействия. Поэтому языковые занятия создают благоприятные условия для обсуждения вопросов уважения, ответственности, толерантности, культурного разнообразия и профессиональной этики.

В практической работе кафедры языков Международного университета гуманитарных наук и развития особое внимание уделяется созданию такой образовательной среды, в которой языковые компетенции развиваются одновременно с коммуникативными и социальными навыками студентов.

При работе с профессионально ориентированными текстами студенты могут обсуждать реальные социальные и профессиональные ситуации, анализировать различные точки зрения, аргументировать собственную позицию и приходить к обоснованным выводам.

Например, при изучении английского языка профессиональной направленности возможно использование заданий, связанных с такими вопросами, как профессиональная ответственность, этика общения, конфиденциальность информации, уважение к коллегам, межкультурные различия и ответственность за принимаемые решения.

Подобные задания позволяют объединить языковую подготовку с воспитательными целями, не превращая учебное занятие в отдельную лекцию по нравственности.

3. Современные педагогические подходы и духовно-нравственное воспитание

Одним из эффективных подходов к организации современного образовательного процесса является Task-Based Learning – обучение на основе выполнения конкретных коммуникативных и практических задач.

Использование данного подхода позволяет создавать учебные ситуации, в которых студент должен не просто воспроизвести изученный материал, а самостоятельно применить знания для решения определённой задачи.

Например, студентам можно предложить подготовить групповую презентацию на тему профессиональной этики, провести дискуссию по определенной проблеме, разработать рекомендации по ответственному использованию цифровых технологий или представить различные точки зрения на ситуацию межкультурного взаимодействия.

Такая деятельность способствует развитию самостоятельности, ответственности за результат, навыков сотрудничества и уважительного отношения к мнению других участников.

Не менее важным является использование элементов Universal Design for Learning (UDL), предполагающего создание доступной и гибкой образовательной среды с учетом различных потребностей и возможностей обучающихся.

В контексте духовно-нравственного воспитания данный подход имеет особую ценность, поскольку предполагает уважение к индивидуальности каждого студента. Разнообразие форм работы – устные выступления, письменные задания, групповые проекты, визуальные материалы, цифровые презентации – позволяет студентам выбирать наиболее подходящие способы выражения своих знаний и идей.

4. Дискуссия и рефлексия как инструменты нравственного развития.

Особое место в воспитательном потенциале языковых дисциплин занимают дискуссии и рефлексивные задания. При обсуждении вопросов этики и межкультурной коммуникации студентам предлагается не готовый набор правильных ответов, а проблемная ситуация, требующая анализа.

Например, после чтения текста или просмотра видеоматериала студентам можно предложить ответить на следующие вопросы:

• Какое решение является наиболее ответственным в данной ситуации?

• Какие последствия может иметь принятое решение?

• Как разные культуры могут оценивать одну и ту же ситуацию?

• Где проходит граница между личной свободой и ответственностью?

• Как следует использовать цифровые технологии, чтобы не нарушать права других людей?

Подобные вопросы стимулируют рефлексию и помогают студентам осознать связь между учебным материалом и реальной жизнью.

Важным результатом является не формальное запоминание определённых нравственных норм, а развитие способности самостоятельно анализировать ситуацию и аргументировать свою позицию.

5. Цифровая культура и ответственное использование искусственного интеллекта.

Особого внимания в современных условиях требует использование искусственного интеллекта в образовании. Инструменты ИИ могут помогать студентам в поиске информации, языковой практике, подготовке первоначальных вариантов текста, переводе и индивидуальной работе над ошибками. Однако эффективность использования ИИ непосредственно зависит от того, насколько ответственно студент подходит к его применению. В образовательной практике целесообразно формировать у студентов представление о том, что искусственный интеллект является инструментом, а не заменой самостоятельного мышления. Студент должен уметь проверить полученную информацию, оценить её достоверность, выявить возможные ошибки и переработать материал самостоятельно.

В языковых дисциплинах возможно использовать ИИ для сравнительного анализа. Например, студент может получить текст, созданный цифровым инструментом, и затем самостоятельно определить его сильные и слабые стороны, исправить языковые ошибки, проверить фактическую информацию и объяснить внесенные изменения. Такой подход одновременно развивает языковую компетенцию, критическое мышление и академическую ответственность.

Не менее важным является соблюдение принципов академической честности. Использование цифровых инструментов должно быть прозрачным и соответствовать требованиям конкретного образовательного задания. Таким образом, цифровая грамотность должна включать не только технические навыки, но и понимание этических аспектов использования технологий.

6. Проектная деятельность как средство формирования социальной ответственности.

Значительный воспитательный потенциал имеет проектная деятельность студентов. Работа над проектом предполагает распределение обязанностей, соблюдение сроков, взаимодействие с другими участниками и ответственность за конечный результат. В рамках занятий иностранным языком студентам можно предложить проекты, посвящённые культурному наследию, межкультурной коммуникации, экологической ответственности, профессиональной этике, роли образования в развитии общества и другим социально значимым вопросам. При этом иностранный язык становится не целью сам по себе, а инструментом исследования и коммуникации.

Например, группа студентов может подготовить презентацию о культурных традициях разных стран, провести сравнительный анализ норм

делового общения или разработать рекомендации по эффективной межкультурной коммуникации. Такие задания позволяют объединить языковую, исследовательскую и воспитательную составляющие образовательного процесса.

7. Практический опыт кафедры языков.

Практика работы кафедры языков Международного университета гуманитарных наук и развития показывает, что воспитательный потенциал образовательного процесса значительно увеличивается при системном подходе. Важную роль играют не только аудиторные занятия, но и внеаудиторные мероприятия: дискуссии, языковые конкурсы, творческие проекты, презентации, профессиональные семинары и интерактивные мероприятия. Организация подобных форм работы способствует созданию академической среды, в которой студенты могут проявлять инициативу, сотрудничать друг с другом и развивать навыки публичного общения.

Особое значение имеет также методическая работа преподавателей. Профессиональные воркшопы, обмен педагогическим опытом и совместная разработка учебных материалов позволяют совершенствовать содержание занятий и находить новые способы интеграции воспитательных целей в образовательный процесс. При этом важно, чтобы духовно-нравственное воспитание не воспринималось как отдельный, формально добавленный компонент. Его эффективность повышается тогда, когда ценностные вопросы естественным образом включаются в содержание дисциплины.

8. Основные педагогические условия эффективности.

Анализ педагогической практики позволяет выделить несколько условий, способствующих эффективности духовно-нравственного воспитания студентов в цифровой образовательной среде.

Во-первых, необходима последовательность воспитательной работы. Отдельное мероприятие не может заменить систематическое формирование ценностных ориентиров.

Во-вторых, важно сочетать традиционные формы воспитания с современными технологиями. Цифровые инструменты должны использоваться не только для передачи информации, но и для развития самостоятельности, сотрудничества и критического мышления.

В-третьих, существенное значение имеет личный пример преподавателя. Культура профессионального общения, уважение к студентам, ответственность и академическая честность педагога непосредственно влияют на образовательную среду.

В-четвертых, необходимо создавать условия для активного участия студентов. Ценности становятся частью личностного опыта не столько через их декларацию, сколько через самостоятельную деятельность, обсуждение и рефлексию.

В-пятых, необходимо уделять внимание цифровой этике, включая ответственное использование искусственного интеллекта, соблюдение авторских прав, академическую честность и уважение к другим участникам цифрового пространства.

Заключение. Цифровизация высшего образования является объективным процессом, который существенно изменяет образовательную среду и способы взаимодействия преподавателей и студентов. Однако технологическое обновление образования не должно рассматриваться отдельно от формирования личности будущего специалиста.

В условиях цифровой трансформации духовно-нравственное воспитание приобретает новые формы и содержание. Наряду с традиционными ценностями особое значение приобретают цифровая этика, информационная культура, академическая честность, ответственность за распространение информации и уважительное межкультурное взаимодействие.

Практика языковой подготовки показывает, что иностранный язык обладает значительным воспитательным потенциалом. Работа с аутентичными текстами, дискуссии, проектная деятельность, межкультурные задания, Task-Based Learning и элементы Universal Design for Learning позволяют одновременно развивать профессиональные и коммуникативные компетенции студентов и создавать условия для их личностного развития.

Особую актуальность приобретает ответственное использование искусственного интеллекта. Задача преподавателя состоит не в том, чтобы исключить современные технологии из образовательного процесса, а в том, чтобы научить студентов использовать их осознанно, критически и этично.

Таким образом, современный университет должен стремиться к созданию образовательной среды, в которой цифровые технологии служат развитию человека, его интеллектуального потенциала, социальной ответственности и способности к нравственному выбору. Гармоничное сочетание технологических возможностей и гуманистических ценностей может стать одним из важных условий подготовки профессионально компетентной и социально ответственной молодёжи.

Список источников и литературы:

1. Иванов, И. И. Цифровая трансформация образования и духовно-нравственные ценности молодежи / И. И. Иванов. – М. : Наука, 2024. – 210 с.

2. Петрова, А. В. Педагогические условия воспитания нравственной культуры в вузе / А. В. Петрова // Высшее образование в России. – 2023. – № 4. – С. 110–118.

3. Смирнов, С. П. Вызовы современных технологий и христианская антропология / С. П. Смирнов. – Мн. : БГУ, 2022. – 156 с.

УДК 159.923

УДК 159.923

ВОЛОНТЕРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА МОЛОДЕЖИ

А. В. Бурко
студентка архитектурно-строительного факультета
О. П. Бурко
старший преподаватель кафедры гуманитарных наук
Беларусь, г. Брест, БрГТУ

Аннотация. В статье рассматривается влияние волонтерской деятельности на развитие эмоционального интеллекта молодежи. Анализируются основные теоретические подходы к пониманию эмоционального интеллекта, его структура и значение для процесса социализации личности. Особое внимание уделяется волонтерству как социально-педагогическому ресурсу формирования эмпатии, эмоциональной саморегуляции, коммуникативной компетентности и социальной ответственности. Обосновывается положение о том, что участие молодежи в добровольческой деятельности способствует не только решению общественно значимых задач, но и формированию личностных качеств, необходимых для успешной профессиональной и социальной реализации.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект; волонтерство; молодежь; социализация; эмпатия; добровольческая деятельность; личностное развитие.

Современный этап развития информационного общества характеризуются высокой динамичностью, усложнением социальных взаимодействий и возрастанием требований к личностным качествам человека. В этих условиях особое значение приобретает способность личности эффективно выстраивать межличностные отношения, понимать эмоциональные состояния окружающих и управлять собственными эмоциями. Значительная часть жизненного и профессионального успеха личности зависит не только от уровня академических знаний или когнитивных способностей, а определяется навыками эмоциональной саморегуляции, эмпатии, мотивации и социального взаимодействия, которые составляют основу эмоционального интеллекта [1; 2].

Особую актуальность данная проблема приобретает в отношении молодежи. Именно в юношеском возрасте происходит интенсивное формирование личности, профессиональное самоопределение, освоение социальных ролей. Для современной молодежи особое значение приобретают возможности самореализации, общественного участия и развития социальных компетенций. Важную роль в этом процессе играет волонтерская деятельность,

которая предоставляет молодым людям возможность приобрести опыт социального взаимодействия, участия в общественно полезной деятельности и решения социальных проблем. Развитие волонтерской деятельности рассматривается в Республике Беларусь как одно из важных направлений государственной молодежной политики [3].

В настоящее время наблюдается рост интереса к изучению эмоционального интеллекта как в зарубежной, так и в отечественной науке. Большинство исследований в области эмоционального интеллекта носят прикладной характер и направлены на изучение проблем измерения и практического применения с учетом специфики взаимосвязи с социальными ролями и с требованиями, предъявляемыми к профессиональной деятельности.

Понятие эмоционального интеллекта было разработано Дж. Мэйером и П. Сэловеем, которые определяли его как способность воспринимать, понимать и регулировать эмоции. Он включает четыре взаимосвязанных компонента: восприятие эмоций; использование эмоций в мышлении; понимание и управление эмоциями [2].

Концепция Д. Гоулмана дает более широкую трактовку эмоционального интеллекта и дополняет его личностными и социальными компетенциями. К числу основных составляющих эмоционального интеллекта исследователь относит самосознание, самоконтроль, мотивацию, эмпатию и социальные навыки [1].

В современных исследованиях эмоциональный интеллект рассматривается как важнейший фактор успешной социализации личности. По мнению А. А. Панкратовой, способность понимать эмоции и эффективно использовать их в процессе взаимодействия является неотъемлемым условием адаптации человека к требованиям современной социальной среды [4].

Одним из перспективных направлений развития эмоционального интеллекта молодежи выступает волонтерская деятельность, получившая широкое распространение в системе воспитательной работы учреждений образования Республики Беларусь [3; 5].

Волонтерская деятельность представляет собой форму добровольного и безвозмездного участия граждан в решении общественно значимых задач.

Дж. Уилсон определяет волонтерство как «любую деятельность, в которой время свободно отдается на благо других людей, групп или причин», которая оказывает положительное влияние на удовлетворенность жизнью, самооценку, самоощущаемое здоровье, образовательные достижения [6].

В Брестском государственном техническом университете в 2026 году создано волонтерское движение «Призвание» – инициатива, которая объединяет студентов университета вокруг ценностей взаимопомощи, социальной ответственности, культурного развития и экологического сознания. Волонтерское движение включает три ключевых направления.

1. Социальная помощь – это добровольная помощь людям, которые особенно нуждаются в поддержке, внимании и социальном взаимодействии. Волонтеры организовывают и проводят мероприятия, акции и мастер-классы, оказывают эмоциональную поддержку (благотворительная акция «Портфель добрых дел», мастер-класс «Листопад вдохновения», акция «Подарите тепло в одной открытке», мастер-класс «Сытый пир», акции «Чистый двор» и «Чистый дом»).

2. Экологические инициативы направлены на создание более зеленой, ухоженной и комфортной среды на территории университета. Они объединяют волонтеров вокруг идеи заботы о природе, формируют экологическую культуру и делают территорию университета приятным местом для учебы и отдыха (благоустройство «Кветка парка» и обновление внутреннего дворика университета).

3. Культурное волонтерство – безвозмездная помощь культурным площадкам. Волонтеры помогают в их организации, сопровождают гостей, создают творческие инициативы.

Для студенческой молодежи волонтерство является уникальным образовательным пространством, в котором происходит приобретение практического опыта взаимодействия с различными категориями населения. Участие в добровольческих проектах предполагает сотрудничество с детьми, людьми пожилого возраста, гражданами с инвалидностью, социально уязвимыми группами населения. Благодаря включенности в реальные общественные процессы молодежь приобретает опыт ответственности за результаты собственной деятельности, учится принимать решения и работать в коллективе. Волонтерская деятельность создает благоприятные условия для развития социальных компетенций, коммуникативной культуры и эмоционального интеллекта личности.

Одним из элементов эмоционального интеллекта является эмпатия, под которой понимается способность понимать эмоциональное состояние другого человека и сопереживать ему [1].

Именно волонтерская деятельность предоставляет непосредственный опыт общения с людьми, находящимися в различных жизненных ситуациях, который необходим для формирования данного качества. Оказывая помощь людям, нуждающимся в поддержке, молодые добровольцы сталкиваются с разнообразными эмоциональными переживаниями других людей. Они учатся замечать эмоциональные состояния собеседников, учитывать их потребности и проявлять сочувствие.

Волонтерская деятельность часто связана с повышенной эмоциональной нагрузкой. Молодежь учится сохранять спокойствие в сложных обстоятельствах, преодолевать тревожность и управлять эмоциональными реакциями, что способствует развитию стрессоустойчивости и эмоциональной

зрелости личности. Способность к управлению эмоциями тесно связана с успешностью социальной адаптации и качеством межличностных отношений.

Волонтерство предполагает постоянное взаимодействие с большим количеством людей, что активизирует развитие коммуникативной компетентности. Молодые люди приобретают навыки публичного выступления, ведения переговоров, разрешения конфликтов и организации совместной деятельности. Участие в добровольческих проектах позволяет расширить социальные связи и освоить различные модели межличностного взаимодействия. Это способствует формированию гибкости общения и развитию способности эффективно адаптироваться к различным социальным ситуациям. Коммуникативные навыки, сформированные в процессе волонтерской деятельности, в дальнейшем оказывают положительное влияние на профессиональную карьеру и социальную активность молодых людей.

В современных условиях работодатели все большее внимание уделяют не только профессиональным знаниям специалистов, но и уровню развития навыков эмоционального интеллекта, способности работать в команде, лидерских качеств и стрессоустойчивости. Опыт волонтерской деятельности способствует развитию именно этих компетенций. Молодые люди получают возможность участвовать в организации мероприятий, координировать работу команд, взаимодействовать с различными социальными группами и решать практические задачи. Кроме того, участие в добровольческой деятельности способствует формированию активной гражданской позиции, ответственности и инициативности. Эти качества являются важными факторами профессионального успеха в современном обществе.

Таким образом, волонтерская деятельность является эффективным фактором развития эмоционального интеллекта молодежи. Участие в добровольческих проектах способствует формированию эмпатии, развитию эмоциональной саморегуляции, совершенствованию коммуникативных навыков и повышению уровня социальной ответственности. Практическая деятельность в сфере добровольчества обеспечивает молодежи уникальный опыт взаимодействия с различными категориями населения и создает условия для личностного роста. В результате формируются качества, необходимые для успешной социализации, профессиональной деятельности и активного участия в общественной жизни. Следовательно, поддержка и развитие молодежного волонтерства должны рассматриваться как одно из приоритетных направлений государственной молодежной политики и воспитательной работы в учреждениях высшего образования.

Список источников и литературы:

1. Гоулман, Д. Эмоциональный интеллект: почему он может значить больше, чем IQ / Д. Гоулман . – М. : Манн, Иванов и Фербер, 2022. – 544 с.

2. Мэйер, Дж. Д. MSCEIT. Тест эмоционального интеллекта Мэйера-Сэловея-Карузо : руководство / Дж. Д. Мэйер, П. Сэловей, Д. Карузо. – М. : Смысл, 2017. – 148 с.

3. Об утверждении Концепции организации молодежного волонтерского (добровольческого) движения в Республике Беларусь : постановление Министерства образования Республики Беларусь, 16 нояб. 2015 г., № 128 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2026.

4. Панкратова, А. А. Эмоциональный интеллект: о возможности усовершенствования модели и теста Мэйера-Сэловея-Карузо / А. А. Панкратова // Вестник Московского университета. – Серия 14. Психология. – 2010. – № 3. – С. 52–64.

5. Похомова, А. А. Молодежное волонтерство в системе воспитательной работы учреждений высшего образования Республики Беларусь / А. А. Похомова // Современное социально-гуманитарное образование: проблемы и перспективы : сборник материалов XXI научно-методической конференции факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, 29 марта 2024 г., Минск / БГУ, Фак. философии и социальных наук ; [редкол.: Н. В. Курилович (отв. ред.) и др.]. – Минск : БГУ, 2024. – С. 169–172.

6. Wilson J. Volunteerism research: A review essay // Nonprofit & Voluntary Sector Quarterly. – 2012. – Vol. 41, No. 2. – P. 176–212.

УДК 159.922.76:37.015.31

РАЗВИТИЕ МОРАЛЬНО-НОРМАТИВНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК СОЦИАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ У СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

О. П. Бурко
старший преподаватель кафедры гуманитарных наук
Беларусь, Брест, БрГТУ

Аннотация. В статье рассматривается социальная компетентность студентов технических специальностей как важный результат профессиональной подготовки. Определена ее структура, включающая когнитивный, поведенческий и морально-нормативный компоненты. Представлены результаты исследования морально-нормативного компонента у студентов разных курсов, выявлены особенности его динамики в образовательном процессе. Обоснована необходимость создания психолого-педагогических условий для развития социальной компетентности будущих специалистов.

Ключевые слова: социальная компетентность студентов технических специальностей; морально-нормативный компонент; профессиональная подготовка;

адаптивность; личностно-адаптационный потенциал; моральная нормативность; социальная ответственность; межличностное взаимодействие; психолого-педагогические условия.

Совершенствование системы высшего образования в Республике Беларусь ориентируется на новые требования к профессиональной подготовке специалистов, в частности, к развитию социальной компетентности. Выдвигая в качестве одного из требований к работнику социальную компетентность, работодатели руководствуются тем, что круг его должностных обязанностей не ограничивается предметом профессиональной деятельности, а расширяется за счет организационного и социального контекста.

В этом аспекте значительный интерес и практическую востребованность представляет изучение социальной компетентности у студентов технических специальностей.

Обзор отечественных и зарубежных исследований показал: многозначность категории «социальная компетентность»; отсутствие четкой дифференциации с близкими по смыслу понятиями («коммуникативная компетентность», «социально-личностная компетентность», «социально-психологическая (психологическая) компетентность», «soft skills», «компетентность в общении»); многообразие зарубежных и отечественных эмпирических исследований, посвященных изучению социальной компетентности различных возрастных и социальных категорий субъектов деятельности: школьников, студентов, специалистов, госслужащих. В них уточняется понятие социальной компетентности, выделяются ее структурные компоненты, обосновываются условия ее развития и формирования.

В то же время малочисленны исследования по изучению содержательных характеристик социальной компетентности у студентов технических специальностей и ее развитию в условиях образовательного процесса.

Систематизация научных результатов позволяет отметить, что понятие «социальная компетентность» носит многоаспектный характер, диапазон его содержательного наполнения достаточно широк. Зарубежные и отечественные исследователи рассматривают социальную компетентность как интегративное качество личности, обеспечивающее взаимодействие человека с другими людьми, и включают в ее содержание: способности эффективно разрешать социальные ситуации; умения достигать желаемых результатов в межличностных отношениях, находить компромисс во взаимодействии с социальным окружением, стремиться к позитивному интеллектуальному, психологическому и волевому саморазвитию и изменению.

Э. Ф. Зеер рассматривает социальную компетентность как интегративное качество личности, обеспечивающее взаимодействие человека с обществом, социумом и другими людьми и включающее способность личности к

позитивному интеллектуальному, психологическому и волевому саморазвитию и изменению, а также готовность к жизнедеятельности во многих контекстах ее социального взаимодействия, достижения согласия с другими [1, с. 39]. Мы дополняем содержание социальной компетентности Э. Ф. Зеера социальной ответственностью и готовностью к соблюдению профессиональных и этических норм, ориентацией на общечеловеческие ценности в межличностном взаимодействии, что является важным для специалистов технического профиля, так как социальная компетентность предполагает не только способность эффективно взаимодействовать с другими людьми, но и осознание социальной значимости и последствий своей профессиональной деятельности.

Анализ психолого-педагогической литературы и результатов исследований социальной компетентности позволил уточнить содержание понятия *«социальная компетентность студентов технических специальностей»* (далее – СК) как интегративной способности, основанной на психологических знаниях и умениях, позволяющих субъекту деятельности осуществлять эффективное личное и деловое общение в условиях профессиональной деятельности. Для целей исследования нами были выделены как основные – когнитивный, поведенческий, так и морально-нормативный компоненты СК [2, с. 55].

Когнитивный компонент формирует основу для эффективного поведения в коллективе и профессиональной среде, представляет собой систему знаний об эффективном общении (социальный интеллект, знания из области взаимоотношений людей, знания профессиональной этики, понимание роли коммуникации в инженерной и совместной деятельности, достижение взаимопонимания и согласованности действий в получении общего результата).

Поведенческий компонент реализует знания в конкретных действиях – от ведения переговоров до участия в проектной работе, представляет собой умения и навыки эффективного общения, которые обеспечивают успешность в профессиональной деятельности (умение прогнозировать, планировать и реализовывать намерения с помощью знаний и специальных техник; навыки сотрудничества, умение решать конфликты).

Морально-нормативный компонент вырабатывает знания о моральных ценностях и социальных нормах, их принятии и внутреннем одобрении, характеризует индивидуальный эффективный стиль личного и делового общения в условиях профессиональной деятельности (ориентация на общечеловеческие ценности в межличностном взаимодействии, социальная ответственность, готовность к соблюдению профессиональных и этических норм, умение контролировать свои эмоции, стрессоустойчивость, способность адаптироваться к новым ситуациям).

С целью изучения характеристик морально-нормативного компонента СК на разных этапах образовательного процесса нами было проведено эмпирическое исследование, в котором принимали участие будущие специалисты, обучающиеся в Брестском государственном техническом университете (108 студентов I курса, 114 студентов III курса, 99 студентов V курса). Возраст испытуемых – 17–23 года, 72 % юношей (n=232), 28 % девушек (n=89). Половые и возрастные различия в исследовании не учитывались по причине неравномерности выборки.

Представляем обобщенные результаты исследования морально-нормативного компонента СК, полученные с помощью опросника «Многоуровневый личностный опросник (МЛО) «Адаптивность» разработанный А. Г. Маклаковым и С. В. Чермяниным» [3].

Основные характеристики морально-нормативного компонента СК – нервно-психическая устойчивость, моральная нормативность, личностно-адаптивный потенциал и индекс адаптивности – у значительной части студентов представлены на среднем (32–42 %) и низком уровнях (44–54 %), что отражает ограниченные ресурсы эмоциональной регуляции и адаптации (рисунок 1). Одновременно такие показатели, как агрессивность, возбудимость, отчужденность, слабость социальных связей, застенчивость, интроверсия, замкнутость, фрустрированность, конфликтность, некоммуникативность, чувство одиночества, невротизация, напряженность, тревога, манипулятивный и авторитарный стили общения, проявляются на среднем (35–65 %) и высоком (5–25 %) уровнях, что указывает на наличие неблагоприятных тенденций в сфере межличностного взаимодействия и эмоциональной стабильности.

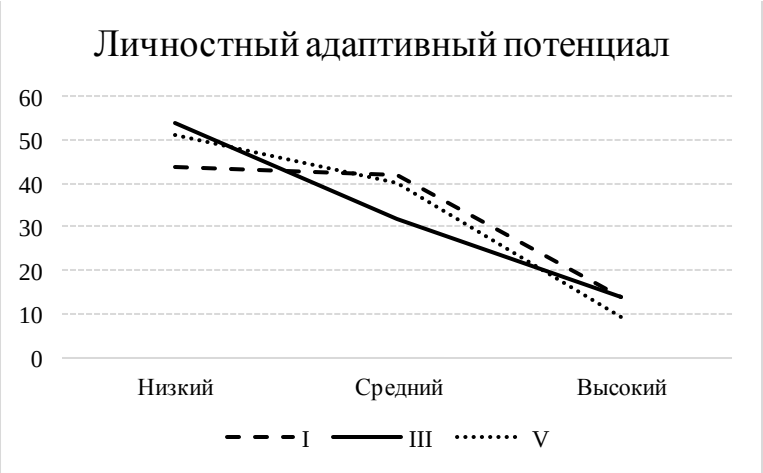

Рисунок 1 – Результаты диагностики личностного адаптивного потенциала с применением многоуровневого личностного опросника «Адаптивность» (А. Г. Маклакова, С. В. Чермянина), %

Полученные данные позволяют объяснить отклонения от принятых норм взаимодействия в коллективе, проявления групповой изоляции и трудности социальной адаптации, которые были выявлены у молодых специалистов технических специальностей по результатам опроса работодателей – руководителей среднего и высшего звена. Недостаточно сформированная моральная нормативность связана с непониманием требований окружающих, трудностями в адаптации, нарушением принятых норм в коллективе, групповой изоляцией. Это может существенно замедлять развитие эффективных личных и профессиональных взаимоотношений, а следовательно, и социальной компетентности специалиста.

С целью выявления развития характеристик морально-нормативного компонента СК на различных этапах образовательного процесса был использован однофакторный дисперсионный анализ, с помощью которого сравнивались между собой результаты испытуемых студентов I, III и V курсов. Динамика СК в условиях образовательного процесса проявилась в статистически достоверных изменениях характеристик морально-нормативного компонента.

Результаты исследования показали снижение от студентов I курса к студентам V курса таких показателей как: нервно-психическая устойчивость, моральная нормативность и личностно-адаптационный потенциал, что может свидетельствовать о возрастании эмоционального напряжения, снижении готовности к общению и усложнении межличностных взаимодействий на старших курсах образовательного процесса (рисунок 2).

В целом показатель «Личностно-адаптационный потенциал» оказался статистически значимо выше у студентов I курса по сравнению со студентами III курса (M=50,39 и M=56,67 соответственно; p=0,015007). Студенты I курса легче адаптируются к новым условиям деятельности, быстрее включаются в новый коллектив, свободнее ориентируются в различных ситуациях, отличаются меньшей конфликтностью и более высокой эмоциональной устойчивостью по сравнению со студентами III курса (рисунок 2). Полученные результаты отражают особенности динамики личностной адаптации студентов в процессе обучения: студенты I курса находятся на этапе первичной социализации, что делает их более восприимчивыми к новым условиям и коллективу. Студенты III курса демонстрируют снижение адаптационного потенциала, что может быть связано с накоплением учебной нагрузки, ростом критичности и изменением ценностных ориентаций. Таким образом, процесс обучения сопровождается изменениями в эмоциональной устойчивости и способности к адаптации: от более легкой и естественной адаптации на начальных этапах – к усложнению и напряженности на старших курсах.

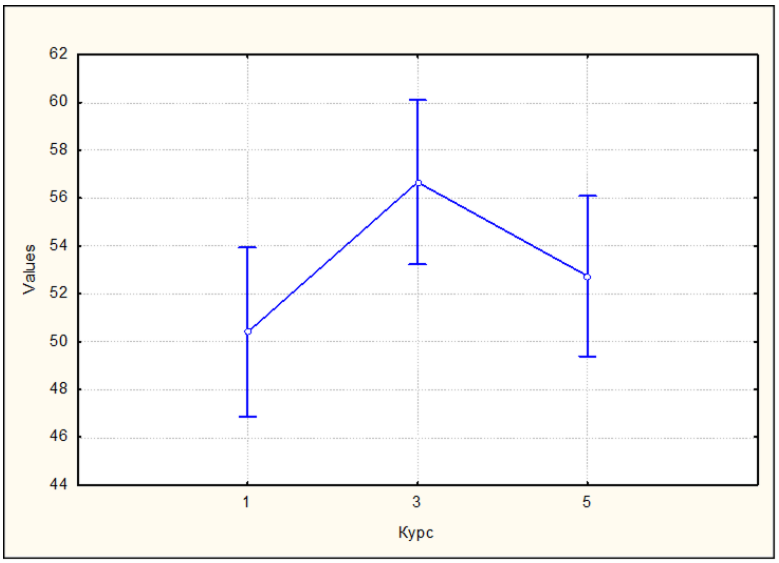

Рисунок 2 – Динамика средних и доверительных интервалов (95,00 %) по переменной «Личностно-адаптационный потенциал»

Выявленные закономерности подтверждают, что морально-нормативный компонент социальной компетентности студентов технических специальностей развивается неравномерно, что указывает на необходимость развития значимых характеристик СК для обеспечения качества профессиональной подготовки специалистов при создании специально организованных условий в образовательном процессе учреждения высшего образования и компенсировать их развитием таких характеристик как партнерский стиль общения, эмпатия, доверие к людям, легкость, свобода общения; раскрытие и открытость в беседе.

Психолого-педагогическими условиями положительной динамики компонентов социальной компетентности студентов технических специальностей являются: освоение знаний психологии межличностных отношений; активизация студентов на занятиях путем внедрения в учебный процесс активных и интерактивных форм проведения занятий (деловые и ролевые игры, кейс-стади, элементы психологических тренингов, выполнение учебных проектов и творческих заданий в микрогруппах, создание проблемных обучающих ситуаций и пр.); повышение мотивации к овладению новыми знаниями и умениями; развитие осознанного отношения студентов к процессу совместной деятельности; формирование умений сотрудничества, поиска общего решения; определение собственной ролевой позиции в групповом взаимодействии.

Список источников и литературы:

1. Зеер, Э. Ф. Реализация компетентностного подхода в профессиональном образовании / Э. Ф. Зеер, Д. П. Заводчиков, Е. Г. Лопес. – Екатеринбург : Изд-во РГППУ, 2007. – 129 с.

2. Бурко, О. П. Характеристики социальной компетентности студентов технических специальностей на разных этапах образовательного процесса / О. П. Бурко // Весці БДПУ. Серыя 1. Педагогіка. Псіхалогія. Філалогія. – 2025. – № 3 (125). – С. 55–60.

3. Маклаков, А. Г. Личностный адаптационный потенциал: его мобилизация и прогнозирование в экстремальных условиях / А. Г. Маклаков // Психологический журнал. – 2001. – Т. 22. – № 1. – С. 16–24.

УДК 298.9

СИНКРЕТИЗМ СЛАВЯНСКИХ И СКАНДИНАВСКИХ ВЕРОВАНИЙ В ЗОНЕ СВО

Ю. А. Волкова
специалист лаборатории этнорелигиозных исследований Научного центра Нижегородского института управления – филиала РАНХиГС
Россия, г. Нижний Новгород

Аннотация. В статье рассматривается проблема языческого синкретизма среди участников специальной военной операции. Основу исследования составили данные углублённых индивидуальных интервью с воинами-язычниками. Наличие проблемы мировоззренческого синкретизма в воинской среде имеет исторические корни и подтверждается современными археологическими данными.

Ключевые слова: современное русское язычество (родноверие); археология; скандинавская мифология; анкетный опрос; специальная военная операция

В реалиях СВО, контроль государственных структур направлен на особенности формирования воинского духа в России. Фактические данные свидетельствуют о том, что «духовные стандарты» России в зоне СВО представлены не только традиционными конфессиями (в первую очередь православием), но и возрождаемым этноориентированным язычеством – ярким примером новых религиозных движений, что вызывает обеспокоенность РПЦ [1, с. 3–8].

Патриарх Кирилл не единожды указывал на проблему возрождаемого, конструируемого язычества. Епископ заявил, что неоязычество, распространяемое в воинской среде, представляет угрозу национальной безопасности и противопоставляет вымышленное прошлое реальному наследию нашего народа. Так, на заседании Высшего церковного совета 24 сентября 2024 года глава Русской православной церкви обозначил ситуацию, требующую решения: «В окопе нет атеистов… Но верно также и то, что война порождает к жизни деформированные формы духовности… Армия – это место, где проявляется человеческая сила, поэтому есть большой риск того, что невоцерковленных, далеких от православия военнослужащих может привлекать риторика неоязыческих проповедников» [2].

Таким образом, изучение идеологического аспекта «боевого язычества» заслуживает особого внимания. Одним из ярких проявлений неоязычества на передовой следует признать ***синкретизм религиозного сознания военных-язычников: смешение славянской и скандинавской мифологий.*** Данный тезис подтверждается массивом глубинных интервью представителей

современного российского язычества, участвующих в СВО, собранных руководителем нашей лабораторией Р. В. Шиженским в период с 2024 по 2026 год. [3].

Синкретизм славянского и скандинавского мировоззрения громко заявил о себе в зоне проведения СВО через религиозную атрибутику и пантеон особо почитаемых богов, провозглашающих принцип силы, бесстрашия и мужественности [4]. Одновременно с верой в Перуна, бойцы могут иметь рунические ставы, татуировки, связанные со скандинавской мифологией, верить, что попадут в Вальхаллу. Отсюда возникает вопрос почему в сознании адептов славянского язычества возникают отсылки к скандинавскому мировоззрению и, по их мнению, это является «безошибочно сочетаемым»?

Часть ответа мы находим у участника проводимого опроса – Норманна, который на вопрос: «Можем ли мы говорить о синкретизме славянских и скандинавских верований в СВО» дал следующий ответ: «Конечно можем. Но это не новое явление. Точно таким же был синкретизм славянского и скандинавского язычества в русской дружинной культуре Средневековья. На русской почве он неизбежен» [4, с. 269].

Чтобы понять, насколько данный ответ корректен и имеет исторические обоснования, следует обратить внимание на последние данные археологических раскопок Восточной Европы XI–XIII вв., которые продемонстрировали увеличение количества находок бронзовых амулетов-топориков (аналогов молота Тора) на территории России. Сегодня, в исторической науке, возникло много вопросов, связанных с причинами появления и существования этих предметов в материальной культуре русского Средневековья.

В 1961 году В. П. Даркевич высказал точку зрения о связи найденных амулетов с культом Перуна, древнерусского бога Грома [5, с. 92–95]. Именно эта точка зрения получила наибольшее распространение среди специалистов. Однако в 90-е годы академик Н. А. Макаров дополнил эту версию. Исследователь обратил внимание на следующий факт: такие амулеты чаще встречаются в контекстах, связанных с профессиональными воинами – в городах, военных крепостях, дружинных посёлках. Кроме того, устойчивая «иконография» амулета-топорика сложилась в XI веке, когда святилища Перуна были уже разрушены [6, с. 97–99].

В 2017 году исследователь Меньшиков в статье «Секира Перуна или топор Святого Олафа» показал, что картина намного сложнее. Параллельно с языческим восприятием амулета существовала и другая – христианская традиция. В XI–XII веках развивался культ ***святого Олафа*** – норвежского короля – покровителя скандинавских воинов. Дружины викингов, для которых была характерна традиция ношения подвесок в виде молоточка или секиры Тора, распространяли этот символ на территории Руси [7, с. 121–124].

Из этого мы делаем вывод, что последние годы учёный мир не отвергает связь оберега в виде секиры Перуна=молоточка Тора со скандинавский традицией в воинской среде средневековой Руси, хотя вопросов для обоснования данного явления ещё много.

Обратимся к современному состоянию ситуации языческого синкретизма в военной среде. В ходе исследования было опрошено 54 респондента.

Выводы:

1) 34 человека – 74 % респондентов, считают, что в языческой среде присутствует синкретизм, считают это нормой и подчёркивают проявление скандинавской мифологии во внешних символах (тату, амулетах или веру в Вальхаллу). 5 человек – 11 % уверены, что – нет. 3 человек – 6 % – воздержались, 4 человека – 9 %, считают, что синкретизм присутствует, не комментируя этого.

Мнения респондентов можно разделить на несколько категорий.

1) Обращаемся к древнескандинавскому язычеству, потому что оно более изучено, чем славянское – 5 человек (17 %).

Варяг: «Если говорить о смешении культов славянской и скандинавской мифологии, то это реально так, но связано это с тем, что по скандинавским верованиям сохранилось намного больше информации. Смешение идет. Часто Перун ассоциируется с Тором, Один – с Даждьбогом либо Родом» (подробные интервью содержатся в книге Р. В. Шиженского «Третья сила: Русские язычники в СВО»).

Феликс: «Да, вполне. Многие язычники, особенно молодые, осознают фрагментарность славянской традиции – прежде всего из-за нехватки достоверных источников и материальной базы – и потому совмещают её со скандинавским язычеством. Тем более что, корень у них общий, и серьёзных мировоззренческих компромиссов это не требует».

2) Скандинавская традиция ассоциируется с неким культом силы, подчёркивает культ воина и веру в загробный рай древних скандинавских язычников (Вальхалла) – 5 человек (17 %).

Перун: «Да и в принципе язычество особенно скандинавское и древнерусское само по себе воинственное (если так можно сказать). Их история основана на войнах, а поэтому она так близка военным».

Инкогнито: «Нательный татуаж служит для поднятия боевого духа носителя и устрашения врага».

3) Влияние скандинавов на создание Русского государства, поэтому их мифология близка к нашей, роль и функции богов схожи – 13 человек (43 %).

Бык: «Славянские и скандинавские верования, ну по крайней мере, с кем я здесь общался, идут рядом, то есть, например, идя на штурм, была фраза у нас: «мы все попадем в Вальхаллу», хотя это скандинавское. И конечно тату,

либо символы, амулеты присутствуют как скандинавские, так и славянские, я не считаю, что это плохо».

4) Неосознанный выбор на основе популяризации культа «викинга» в художественном кинематографе – 7 человек (23 %).

Вепрь: «Да, несомненно. Вероятно, в этом большая заслуга «пиара» скандинавов, комплекс этнического самоуничижения у русских и просто путаница».

Демон: «Для большинства непосвящённых – можем, но они очень разняться! Тату присутствуют у каждого бойца, но, к сожалению, больше половины бьют их бездумно, и руководствуясь только эстетической красотой или устрашающим фактором. Более того, просто не задумываясь, и в пьяном состоянии».

Подводя итог, отметим, что в зоне СВО действительно присутствует синкретизм славянской и скандинавской традиции. В результате анализа ответов респондентов лидирующую позицию занимает причина, связанная с влиянием «скандинавов, на создание Русского государства». В том числе, как демонстрируют данные археологии, синкретизм в воинской среде, не новое явление. Оно имеет свои исторические корни в средневековой Руси. Важно отметить, что данные анкетного материала также подтвердили, выявленную РПЦ проблемную область, в которой отмечается, что обращение к неоязычеству, в том числе к скандинавской мифологии, связано с обоснованием силы и мужества в зоне СВО.

Список источников и литературы:

1. Протоиерей Димитрий Василенков, протодиакон Владимир Василик. Путь Архистратига. Преодоление зверя. – СПб. : Град духовный. – 270 с.

2. РПЦ создаёт оберег от язычества // Независимая газета. – URL: https://www.ng.ru/ng_religii/2024-10-01/9_581_patriarch.html?ysclid=mw3b0r2lx9302286565 (дата обращения 01.10.2026).

3. Шиженский, Р. В. Третья сила: русские язычники в СВО (книга первая) / Р. В. Шиженский. – Нижний Новгород : Радонеж, 2025. – 448 с.

4. Шиженский, Р. В. Российские язычники в специальной военной операции (опыт индивидуального интервью) // Вестник Мининского университета. 2023. – Т. 11. – № 4 (45). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskie-yazychniki-v-spetsialnoy-voennoy-operatsii-opyt-individualnogo-intervyu/viewer (дата обращения: 1.10.2026).

5. Даркевич, В. П. Топор как символ Перуна в Древнерусском язычестве / В. П. Даркевич // Советская археология. – М., 1961. – № 4. – С. 91–102.

6. Кутарев, О. В. О некоторых общих иконографических чертах у славян и скандинавов / О. В. Кутарев // Родные боги. Труды по индоевропейской и славянской геологии (ТИСТ). – Т. I : Волосъ/Велесъ / Под общ. ред. И. Г. Черкасова. – М. : Институт Общегуманитарных Исследований, 2025. – С. 96–132.

Меньшиков, М. Ю. Секира Перуна или топор Святого Олафа. Исторический контекст миниатюрных топориков (амулетов-топориков) в XI–XVII веках / М. Ю. Меньшиков // 2017, Археология Подмосковья : Материалы научного семинара. Выпуск 13. – М. : Институт археологии РАН, 2017. – С. 117–131.

УДК 271.22(476.6)

ПРОТОИЕРЕЙ ЕВСТАФИЙ ИГНАТЬЕВИЧ ПАСТЕРНАЦКИЙ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ МИРСКОГО ЦЕРКОВНОГО БРАТСТВА МИНСКОЙ ЕПАРХИИ

С. М. Восович
доцент кафедры гуманитарных наук,
кандидат исторических наук, доцент
Беларусь, г. Брест, БрГТУ

Аннотация. В статье рассматриваются взгляды протоиерея Е. И. Пастернацкого на историю мирского церковного православного братства. Делается вывод о том, что Е. И. Пастернацкий первым исследовал историю указанной церковно-общественной организации, её истоки, создание, деятельность в 1865–1869 гг.

Ключевые слова: Евстафий Игнатьевич Пастернацкий; православное братство; местечко Мир.

Евстафий Игнатьевич Пастернацкий был рукоположен в священники к Мирской Свято-Троицкой церкви 26 августа 1865 г. С сентября 1965 г. стал выполнять обязанности законоучителя Мирского двухклассного уездного училища.

В 1869 г. на страницах «Минский епархиальных ведомостей» появилась его статья «Предисловие к летописи мирской Николаевской церкви», где он рассмотрел историю не только м. Мир, но и православного церковного братства: его истоки, создание, деятельность в 1865–1869 гг.

По мнению Е. И. Пастернацкого, предшественниками братств XVI – XVII вв., были цеха, открывшиеся на белорусских землях как ремесленные и религиозные организации. Цеха обязаны были не только поддерживать равноправные отношения среди ремесленников, контролировать их работу, защищать от конкурентов (не членов местных цехов), но и служить «к славе Божией» [1, с. 568]. Религиозная деятельность цеховых организаций заключалась в пожертвованиях в костелы и церкви, почитании определенных

католических и православных праздников, участии в церковных службах (молебнах и панихидах), погребении почивших членов цехов и нищих.

При выдаче привилегий на учреждение цехов владельцы городов и местечек старались укрепить позиции католической церкви. Каждая цеховая организация должна была избрать для себя патронный католический праздник. Со своими хоругвями и свечами цехи обязаны были участвовать в торжественных католических процессиях. Уклонявшихся от процессий членов цехов, в том числе и православного вероисповедания, наказывали денежным штрафом или заставляли внести определенное количество воска в пользу ремесленной организации.

Учредители цехов вынуждены были учитывать религиозные чувства православных членов указанных объединений, составлявших большинство ремесленников. Поэтому цеха имели и свои православные праздники. Но уклонявшихся от участия в православных торжествах лиц строго не наказывали. На основании этого Е. И. Пастернацкий считал, что «цеховые учреждения наших городов и местечек были в некотором отношении средством к окатоличеванию православного народа» [1, с. 568].

Организованные в XVII в. четыре мирских цеха (ткацкий, каменщиков, сапожников и столяров), продолжали существовать до конца 1860-х г. К этому времени, по замечанию Е. И. Пастернацкого, они утратили огромное влияние на жизнь местечка. Уже не имели правильного устройства и не пользовались поддержкой правительства. По старой привычке цеха осуществляли некоторый контроль над всеми своими членами, организовывали сбор взносов, которые стали незначительными и неопределенными.

Собранные средства тратились на покупку свеч, погребение нищих, службы в определенные дни в церкви и некоторые пожертвования в храм. Например, в 1868 г. цехами было передано в местную церковь 4 иконы стоимостью примерно 150 руб.

Цеха следили за соблюдением церковных обрядов и праздничных дней. Члены цехов охотно исполняли распоряжения и объявления местного священника. Так, цехмейстер сообщал всем ремесленникам о предстоящих праздниках.

Особенно благотворное влияние цехов сказывалось при погребении усопших. При совершении указанного религиозного обряда в м. Мир присутствовавшие лица вообще не употребляли спиртного!

В целом, по мнению Е. И. Пастернацкого, мирские цеха в конце 1860-х гг. стали больше напоминать церковные братства, а не на ремесленные объединения.

Что касается мирского церковного братства, то Е. И. Пастернацкий связывал его учреждение с униатской церковью. К сожалению, он не указал год открытия данного церковно-общественного объединения, не раскрыл

причины его учреждения. Евстафий Игнатьевич показал лишь причины создания православных западнорусских братств. К ним он отнёс противодействие насаждению в Речи Посполитой католицизма, граничившее с явным пренебрежением к православию, и особенностям цехового устройства, укреплявшим позиции римско-католической церкви.

В своей работе Е. И. Пастернацкий привёл некоторые положения записки визитатору базилианских монастырей протоархимандриту Антонию Завадскому с просьбой о поддержке дальнейшего существования братства под названием «Непорочного зачатия Пресвятой девы Марии». Рассмотрел кратко деятельность мирского униатского братства, защищавшего интересы греко-католической церкви.

Униатское братство поддерживало храм в величественном виде и выдавала нуждавшимся лицам денежные пособия в виде займа. Причём долг ложился даже на наследников получателя средств. Е. И. Пастернаций указывал на случаи передачи долга на третье поколение должника.

Братство, по мнению Е. И. Пастернацкого, имело огромную поддержку среди местного униатского населения и располагало значительными средствами. Так, в 1811 г. кроме наличных денег имело одних лишь долговых расписок на 3563 злотых (534 руб. 45 коп.).

В 1820-х гг. братская организация стала переживать упадок. Ко времени воссоединения униатской церкви с Русской православной церковью от братской деятельности остался лишь обычай стояния братчиков со свечами во время богослужений.

Рассмотрев кратко деятельность униатского братского союза, Е. И. Пастернацкий более подробно остановился на активности православного церковного братства в 1865–1869 гг., численности братчиков.

Церковное братство было восстановлено 7 февраля 1865 г. при Мирской Свято-Николаевской церкви. Но теперь оно защищало интересы не греко-католической, а православной церкви.

Большинство братчиков составляли местные прихожане. Хотя среди членов братства можно было увидеть и местных чиновников. При записи в братство желающие лица могли пожертвовать любые суммы, но не меньше 15 коп. А ежегодный взнос составлял 36 коп.

Ежегодные общие братские собрания устраивались 2 февраля.

В первые пять лет мирское братство не отличалось постоянством численности своих членов. Если в 1865 г. в его рядах насчитывалось 53 человека, то в 1866 г. – уже 76. В следующем году наблюдался значительный спад (на 16 человек, т.е. 22 %). В дальнейшем происходил рост численности братчиков: в 1868 г. их стало 62, в 1869 г. – уже 70 [1, с. 575].

В 1867 г. на братские средства в Свято-Николаевском храме был устроен братский придел в память о восстановлении православной братской

организации и «чудесном» спасении императора Александра II 4 апреля 1866 г. (во время покушения на него 25-летнего Дмитрия Каракозова). Придел был освящен в честь преподобных Иосифа Песнописца, Георгия Малейского и Зосимы Палестинского.

Способствуя распространению среди населения молитвенной и назидательной литературы, братство открыло при указанном храме в том же году братскую лавочку по продаже книг, картин, икон и крестиков. Её деятельность Е. И. Пастернацкий оценивал удовлетворительно. До публикации статьи лавочкой было продано 49 Евангелий, 253 сокращенных молитвословов, 18 псалтирей, 36 часословов, около 300 букварей, около 100 книг и брошюр различного названия, 24 иконы, писанных на дереве, около 100 бумажных картин и большое количество крестиков. И это при том, что братская лавочка работала лишь один день в неделю – в понедельник, когда в местечке устраивался базар. В летний период братская лавка вообще не осуществляла свою деятельность [1, с. 576]. Е. И. Пастернацкий рассчитывал, что и в дальнейшем братская лавочка окажет немалое содействие в распространении среди простого населения русский книг и православных икон.

Таким образом, протоиерей Е. И. Пастернацкий первым исследовал историю мирского православного церковного братства. По его мнению, предшественником указанного церковно-общественного союза выступало местное греко-католическое братское объединение, возникшее в свою очередь под влиянием деятельности четырех местных цеховых ассоциаций. Вновь возрожденное в 1865 г. братство защищало интересы православной церкви в регионе: занималось благоустройством Свято-Николаевской церкви, распространяло духовно-нравственную литературу, предметы церковного культа.

Список источников и литературы:

1. Пастернацкій, Евстафій. Предисловіе къ лѣтописи мирской Николаевской церкви / Евстафій Пастернацкій // Минскія епархіальныя вѣдомости. – 1869. – № 18 (отдѣлъ неоффиціальный). – С. 537–545, № 19 (отдѣлъ неоффиціальный). – С. 564–576, № 20 (отдѣлъ неоффиціальный). – С. 589–598, № 21 (отдѣлъ неоффиціальный). – С. 614–621, № 23 (отдѣлъ неоффиціальный). – С. 648–659.

УДК 17:608.1

ЧЕЛОВЕК КАК ПРОЕКТ: ГРАНИЦЫ ДОПУСТИМОГО В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ И БИОТЕХНОЛОГИЙ

С. В. Грибова
доцент кафедры гуманитарных наук, к.и.н., доцент
Д. А. Артюхевич
студентка экономического факультета
Беларусь, г. Брест, БрГТУ

Аннотация. Данная статья посвящена анализу позиции православия по использованию биотехнологий в деторождении и продлении жизни на основании социальной концепции Русской православной Церкви, а также государственной политике в этом направлении.

Ключевые слова: Русская православная Церковь; социальная концепция; экстракорпоральное оплодотворение; суррогатное материнство; крионика.

В XXI веке наука привела человечество к важному сдвигу: биологическая природа человека перестала быть чем-то раз и навсегда данным, тем, что определяется только свыше. Благодаря цифровизации, генетике и биомедицине у людей появились инструменты, позволяющие планировать, корректировать и моделировать собственную жизнь еще до момента рождения. В статье рассмотрена позиция Русской православной Церкви (РПЦ) к данной проблематике и государственная политика в этом направлении.

В целом, к этическим аспектам генотерапии с точки зрения православия, могут быть применимы суждения, относящиеся в Основах социальной концепции РПЦ к традиционной медицине, хирургии и трансплантологии (XI.1; XII.7). Церковь поддерживает исследования и технологии, необходимые для усовершенствования генотерапевтических процедур при условии, что они не подразумевают экспериментирования на живых эмбрионах человека: «Развитие медико-генетических методов диагностики и лечения может способствовать предотвращению ... болезней и облегчению страданий многих людей. <...> Привлекая внимание людей к нравственным причинам недугов, Церковь вместе с тем приветствует усилия медиков, направленные на врачевание наследственных болезней» (Основы, XII.5) [1].

Один из самых ярких, массовых и уже привычных примеров вмешательства в деторождение – это экстракорпоральное оплодотворение, или ЭКО. Но в контексте темы – ЭКО наглядно показывает, как стираются традиционные границы допустимого. Оно поднимает целый ряд социальных

вопросов, когда зарождение человеческой жизни переносится из таинства природы в контролируемые условия медицинской лаборатории.

Государственная власть в Республике Беларусь относится к экстракорпоральному оплодотворению исключительно положительно и активно поддерживает эту процедуру. В условиях демографического кризиса вспомогательные репродуктивные технологии рассматриваются властями как важнейший инструмент для стимулирования рождаемости.

Государство не просто одобряет метод, но и полностью или частично финансирует его из бюджета. В Беларуси действует обновленная программа поддержки: гражданам предоставляется право на две бесплатные попытки ЭКО в государственных клиниках (для женщин до 40 лет при наличии медицинских показаний). Если первая попытка завершилась рождением ребенка, право на вторую бесплатную процедуру сохраняется вплоть до достижения 49 лет. Порядок получения направления максимально упрощен, а эффективность процедур по госпрограмме достигает 42 %, что превышает среднемировые показатели [2].

В светском восприятии данной процедуры можно выделить, как положительные, так и отрицательные стороны.

Отрицательные черты:

1. Нет 100% гарантии (средняя эффективность одного цикла составляет около 35–45%. Часто требуется несколько попыток).

2. Риск многоплодия (при переносе более одного эмбриона высока вероятность двойни, что увеличивает риски при вынашивании).

3. Возрастные ограничения (государство ограничивает бесплатные программы возрастом до 40 лет на первую попытку, так как с годами качество клеток падает).

4. Гормональная нагрузка (стимуляция яичников может вызывать побочные эффекты).

Положительные черты:

1. Преодоление бесплодия (единственный выход при непроходимости маточных труб, тяжелом мужском факторе).

2. Генетический контроль (возможность проверить эмбрион на хромосомные и наследственные аномалии до переноса в матку).

3. Позднее материнство (позволяет забеременеть женщинам старше 40 лет. Дает возможность заморозить молодые клетки на будущее).

4. Тщательное обследование (перед процедурой пара проходит полное медицинское обследование, выявляющее скрытые патологии).

Православная церковь не поддерживает ЭКО в том случае, когда происходит уничтожение (лишних) эмбрионов, что приравнивается к прерыванию жизни.

Кроме того, неприемлемыми являются методы осуществления ЭКО, предполагающие донорство половых клеток или суррогатное материнство: «Манипуляции <…>, связанные с донорством половых клеток, нарушают целостность личности и исключительность брачных отношений, допуская вторжение в них третьей стороны. Кроме того, такая практика поощряет безответственное отцовство или материнство, заведомо освобожденное от всяких обязательств по отношению к тем, кто является “плотью от плоти” анонимных доноров. Использование донорского материала подрывает основы семейных взаимосвязей, поскольку предполагает наличие у ребенка, помимо “социальных”, еще и так называемых биологических родителей» [3].

Если терапевтические и хирургические методы лечения не позволяют избежать бесплодия, Церковь призывает воспринять бездетность как особое жизненное призвание. Благочестивые супруги имеют возможность проявить свою христианскую любовь и жертвенность, посвятив себя воспитанию приемных детей. Вместе с тем, учитывая значительное развитие репродуктивных технологий со времени выхода «Основ социальной концепции», что привело, в том числе, к появлению возможности образовать в процессе ЭКО и перенести в утробы матери только один или два эмбриона, Церковь также допускает для супругов, находящихся в детородном возрасте, возможность осуществления ЭКО при непременном исключении следующих медицинских методов:

- получение «избыточных» эмбрионов;
- криоконсервация эмбрионов (замораживание);
- редукция плодов (медицинская процедура по избирательному уменьшению числа развивающихся плодов при многоплодной беременности);
- донорство половых клеток;
- предимплантационная диагностика.

На исключение этих методов должно быть указано в документах, фиксирующих соглашение между родителями и медицинским учреждением [3].

ЭКО в эпохе цифровизации – это пример того, как биотехнологии меняют границы человеческих возможностей. Оно становится благом, когда помогает преодолеть человеческое горе и подарить жизнь новому гражданину.

При грамотном государственном контроле и высокой социальной и духовной ответственности человека биотехнологии могут служить хорошими целям для общества, главная задача которого – развить науку так, чтобы не потерять саму суть человечества, уважения к личности.

Если ЭКО – это попытка человечества спроектировать новую жизнь, то крионика и поиски бессмертия – это попытка на оживление.

На данный момент крионика – это заморозка тела или мозга в надежде на будущее воскрешение – легальна в США, Канаде, Германии, Швейцарии,

Китае и России. Но легальна она не потому, что государство признает саму идею «бессмертия», а потому, что юридически это оформлено как похоронное дело.

Крионика в наше время стоит очень дорого. И государство в этой ситуации занимает удобную позицию: оно не запрещает, но и не поддерживает. В России, например, крионика существует в правовом вакууме, т.е. нет ни прямого запрета, ни четких правил для работы. Есть только общие нормы о предпринимательстве и санитарных требованиях. То есть можно, потому что не запрещено.

Возникает логичный вопрос, какой статус имеет замороженное тело? Юридически человек умер, но физически – тело существует, оно хранится, за него платят. Получается, что человек, который находится в заморозке не имеет прав, находится без статуса, без защиты. Государство просто не придумало, как его классифицировать.

Таким образом, пока человек жив – он субъект права. После юридической смерти – он объект хранения. Ни один замороженный человек еще не был размморожен и возращен к жизни. Это факт, который признают даже сами криокомпании.

Государства не рассматривают продление жизни путем специальных разработок как какую-либо задачу. Вместо поиска «вечной» жизни финансирование направляется на медицину, программу активного долголетия для борьбы с возрастными заболеваниями.

Тем не менее, такие страны, как США, Китай, ОАЭ неофициально соревнуются в биотехнологиях. Известно, что свои закрытые исследование по теме продления жизни проводят частные компании, такие американские предприниматели, как Дж. Безос (владелец Amazon), С. Брин (сооснователь Googl).

Православная церковь относится жестко отрицательно к этой теме. Крионику она назвала «безумием». Аргументируя тем, что, когда Господь забирает душу, тело обязательно погибает. Человек как личность существует только тогда, когда есть гармония духа и тела. Замороженное тело без души – это не человек, ожидающий воскрешения, а просто оболочка.

С точки зрения православия и христианской традиции, физическая жизнь и земное тело являются творением Бога, поэтому забота о здоровье и продление активных дней через медицину и здоровый образ жизни воспринимаются положительно. Тем не менее, Церковь напоминает, что земное существование имеет свой предел и рассматривается лишь как подготовка к вечной жизни души. Христианское учение призывает принимать естественное старение как часть земного пути, не превращая погоню за молодостью в абсолютный культ. В православии акцент делается не на бесконечном биологическом продлении молодости любой ценой, а на

духовном возрастании, милосердии и достоинстве человека на каждом этапе его жизни [4]. Таким образом, православное мировоззрение гармонично сочетает уважение к научным открытиям и медицине с принятием духовного смысла человеческого возраста.

Анализируя сопоставление позиции РПЦ и государства относительно использования биотехнолигий и генной инженерии в деторождении, можно отметить, что они расходятся не столько в оценке самой технологии, сколько в критериях ее допустимости. Государство рассматривает ЭКО прежде всего как медико-социальную и демографическую меру, православная же церковь опирается на ценностный и онтологический аргумент по данному вопросу.

Список источников и литературы:

1. Отношение Церкви к генотерапии и генетической диагностике. Официальный сайт Московского Патриархата. – URL: https://patriarchia.ru/article/122125 (дата обращения: 29.09.2026).

2. Как обновили госпрограмму ЭКО в Беларуси? // Новости Беларуси. БЕЛТА. – URL: https://belta.by/special/society/view/kak-obnovili-gosprogrammu-eko-v-belarusi-rasskazyvaem-o-kljuchevyh-novatsijah-791624-2026/. – Дата публ.: 16.07.2026.

3. Проект документа «Этические проблемы, связанные с методом Экстракорпорального оплодотворения». Официальный сайт Московского Патриархата. – URL: https://patriarchia.ru/article/101698 (дата обращения: 28.09.2026).

4. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/dokumenty/osnovy-sotsialnoj-kontseptsii-russkoj-pravoslavnoj-tserkvi/ (дата обращения: 26.09.2026).

УДК 94(470)»1941/1945»:37.011.33

«… КТО-ТО ПРИБЕГНУЛ КО ВРЕМЕННОМУ СОЮЗУ С ВРАГОМ …»: ПОПЫТКА УКРАИНСКИХ УЧЕБНИКОВ ИСТОРИИ ВПИСАТЬ НАЦИОНАЛИСТОВ В ДВИЖЕНИЕ СОПРОТИВЛЕНИЯ

А. Д. Гронский

ведущий научный сотрудник, кандидат исторических наук, доцент

Россия, г. Москва, ИМЭМО РАН

Аннотация. В статье рассматривается, как в украинских школьных учебниках истории представлены сотрудничавшие с немецкими оккупантами в годы Великой Отечественной войны украинские националисты. Авторы учебников описывают их как людей, сопротивляющихся нацистской оккупации, при этом приводят факты, подтверждающие их сотрудничество с оккупационным режимом.

Ключевые слова: Украина; школьные учебники истории; Великая Отечественная война; Движение сопротивления; коллаборационизм.

В украинском постсоветском историческом нарративе наблюдалось два варианта описания событий периода Великой Отечественной войны. Один из них проистекал из общей памяти советского народа, исчезнувшего после распада Советского Союза, но оставившего конкретную оценку исторического прошлого, где советский народ, в том числе и его украинская часть сражались с немецкими захватчиками, а некоторые группы лиц, в том числе и украинцев, сотрудничали с оккупантами. К таким группам лиц в восприятии советского варианта исторического нарратива относились и украинские националисты. Второй вариант украинского исторического нарратива сохранялся в среде украинской эмиграции. Сотрудничавшие с немцами украинцы бежали от наступающей Красной армии и после войны осели в странах Европы и Америки. Естественно, у них была собственная историческая память, которая должна была оправдывать сотрудничество с оккупантами. Подобная память частично существовала и на Западной Украине, на просторах которой активно действовали коллаборационисты.

После государственного переворота в Киеве 2014 года эмигрантский нарратив усилился, а после начала в 2022 году Россией специальной военной операции на Украине вообще занял доминирующие позиции (в стремлении украинских властей взять под контроль историческую память общества).

Любые изменения в исторической политике, исходящие от государства, отражаются в официальной пропаганде, заявлениях провластных политиков, средствах массовой информации, а также в школьном курсе истории. Появляются новые учебники, содержание которых соответствует новой версии исторической политики. Поскольку именно через учебники во многом передается историческая память, они влияют на конструирование представлений о прошлом, иногда вступая в противоречие с коллективной памятью общества или семейной памятью.

В 2023 году на Украине появились новые школьные учебники, которые охватывали период первой половины XX века. В этих учебниках отразились скорректированные после событий 2014 и 2022 годов оценки собственного прошлого. В украинской школе нет единого учебника по истории. На выбор предлагается несколько вариантов. Удалось найти три учебника за 10 класс (два базового уровня и один – профильного). Причём, учебник профильного уровня [1] и один из учебников базового уровня [2] были написаны одним и тем же авторским коллективом. Поэтому их содержание отличается более компактным изложением в базовом варианте и более пространным – в профильном. Ещё один учебник базового уровня был подготовлен другим авторским коллективом [3]. Был проведён анализ содержания учебников,

описывающего движение Сопротивления на Украине в период Великой Отечественной войны.

Во вступительной части параграфа в учебнике профильного уровня и базового, написанного тем же авторским коллективом, повествование о движении Сопротивления на украинских землях начинается с упоминания «оборонительного националистического повстанческого движения», и только в конце абзаца одним предложением упоминается, что организацией советского партизанского движения занимались сотрудники НКВД. Таким образом, внимание школьников акцентируется на определенной искусственности советского партизанского движения, которое организовывалось не местным населением, а чекистами. В отношении украинских националистов сообщается, что оба направления Организации украинских националистов (ОУН) [признана экстремистской и запрещена в России] – бандеровцы и мельниковцы возлагали большие надежды на собственные «походные группы». Также в обоих упомянутых учебниках называется еще одна сила, действовавшая на Украине как движение Сопротивления – польская Армия Крайова. Однако кроме упоминания о ней, никакие их действия против немцев не описаны [1, с. 302; 2, с. 284]. В результате складывается впечатление, что националистическое движение было массовым, так как оба течения ОУН создавали боевые подразделения.

В еще одном базовом ученике сказано, что отпор оккупантам осуществляли партизаны и подпольщики, среди которых были те, кто стремился восстановить советскую власть, и те, кто мечтал о независимости Украины [3, с. 254]. Об Армии Крайовой как элементе движения Сопротивления этот учебник не упоминает. Она упомянута лишь в связи с попыткой оправдания украинскими историками так называемой Волынской резни 1943 года.

Интересно рассмотреть, как авторы учебников описывают деятельность советских партизан и украинских националистов. В частности, в одном из учебников базового уровня и в учебнике профильного уровня сказано, что «каждая сила имела собственный путь борьбы с оккупантами: одни вели его с первого года войны, другие начали позже; кто-то прибег к временному союзу с врагом, а кто-то действовал бескомпромиссно. Впрочем, каждая сила делала свой вклад в победу» [1, с. 302; 2, с. 284]. Стоит проследить логику авторов учебника. Под борьбой с нацистами понимаются не только действия против нацистов, но и сотрудничество с ними. И это сотрудничество, по мнению авторов, также является вкладом в победу над нацизмом. Еще один учебник, описывая националистический «отпор оккупантам на территории Украины», указывает, что сначала националисты «боролись против советской власти, а с нацистами пробовали сотрудничать». Далее приводится пример националистического движения Сопротивления немецким оккупантам:

«весной 1941 года в составе Вермахта были созданы украинские национальные батальоны “Нахтигаль” и “Роланд” численностью по 500 – 600 солдат каждый. А вслед за немецким войсками двигались “походные группы”, организованные мельниковцами и бандеровцами, которые агитировали население за самостоятельность Украины и способствовали вхождению украинцев в органы местной власти и в полицию» [3. с. 254].

Вообще, параграфы, описывающие движение Сопротивления на Украине, очень неравномерно распределяют объемы информации, посвященные той или иной партизанско-подпольной силе. В частности, в учебнике профильного уровня из одиннадцати страниц текста параграфа [1, с. 302–312] присутствует почти страница вводного текста, две с половиной страницы рассказывают о деятельности советских партизан, более четырех с половиной страниц – о деятельности украинских националистов и почти две страницы описывают украинско-польский конфликт, в котором геноцид в отношении поляков объясняется виновностью самих поляков. Еще примерно страницу занимают вопросы к параграфу, большая часть из которых посвящена националистам.

В базовом учебнике, написанном тем же авторским коллективом, из десяти страниц [2, с. 284–293] почти страницу занимает вводная часть, две с половиной странице описываются действия советских партизан, три с половиной страницы – действия украинских националистических организаций и чуть больше страницы занимает информация об польско-украинском противостоянии, где оправдываются украинские репрессии против гражданского польского населения.

Второй учебник базового уровня построен несколько иначе. Польско-украинский конфликт там не выделен отдельным вопросом, а упомянут в повествовании об украинских националистах лишь несколькими предложениями, суть которых такая же, как и в остальных учебниках – оправдать уничтожение мирного польского населения украинскими националистами. Из шести страниц текста [3, с. 254–259], посвященного движению Сопротивления на Украине, примерно по полстраницы занимают вводная часть и вопросы к параграфу, на полутора страницах рассказывается о советских партизанах, а остальной объем посвящен описанию деятельности украинского национализма.

При описании истории украинских националистических организаций, авторы учебников подробно знакомят школьников со структурой, описывают смену руководства, различные съезды, и собрания националистов. Но ни в одном учебнике не содержится конкретная информация о том, каким образом украинские националисты вели борьбу с немцами. Вскользь упомянуто лишь то, что такая борьба была. Когда же описывается деятельность светских партизан, напротив, упомянуты не только различные направления партизанской активности, но и перечислены некоторые конкретные операции,

например, большой партизанский поход в Карпаты или «рельсовая война». При прочтении всех учебников складывается представление, что никакого серьезного противостояния между украинскими националистами и немецкой стороной не было.

Более пристальное внимание к истории существования украинских националистических организаций, предпринятое в учебниках, заставляет задуматься над тем, а можно ли рассматривать украинских националистов как рольную антинемецкую силу. Так, в двух учебниках (профильном и базовом), написанных одним и тем же авторским коллективом, сказано: «В 1943 г. УПА [признана экстремистской и запрещена в России] вела борьбу на два фронта – против нацистских оккупантов и их союзников, а также против партизанских отрядов. В октябре-ноябре 1943 г. провела 47 боёв с немцами и 54 боя против советских партизан. Руководство ОУН(б) с осени 1943 г. стремилось сдерживать ее от активных действий против нацистов, стремясь сберечь силы для борьбы с большевистским режимом, поскольку было понятно, что он возвращается в Украину. С начала 1944 г. между УПА и частями Вермахта окончательно сложились отношения взаимной неагрессивности. Гитлеровское правительство освободило из концлагеря С. Бандеру, А. Мельника и других руководителей ОУН». «Весной 1944 г. произошли первые вооруженные стычки УПА с регулярными советскими войсками и частями НКВД» [1, с. 306; 2, с. 288]. То есть описание действий украинских организаций говорит о том, что они не слишком стремились конфликтовать с оккупационным немецким режимом.

В учебнике профильного уровня приведены выдержки из немецкой памятки, посвященной украинским националистам: «[…] УПА приняла основное политическое направление действий, которое заключалось в том, чтобы: а) вести бескомпромиссную борьбу в военном плане против Советского Союза и Красной армии, б) в политическом плане – сберечь национальную субстанцию украинского народа». Далее немцы пишут, что после того, как украинские националисты прекратили конфликты с ними и устранили конфронтацию с поляками, «главные усилия прилагаются к борьбе против Советского Союза и Красной армии». В качестве вывода в памятке сказано: «Деятельность ОУН представляет серьезную угрозу для советского руководства» [1, с. 309]. Интересно, что немцы, помимо вооруженной борьбы против украинских организаций, отмечали еще один способ, применяемый советским руководством в отношении украинских радикалов: «Параллельно осуществляются попытки политическими действиями направить украинский национализм на рельсы советской политики» [1, с. 310]. Как показала практика, этот способ оказался ошибочным.

Еще один учебник указывает, что ОУН «перестала рассматривать Германию как союзника и начала подготовку к борьбе против оккупантов»

только в феврале 1942 г., когда немцы расстреляли некоторых украинских националистов [3, с. 255]. «Деятели УПА, – пишут авторы учебника, – считали врагами украинцев коммунистов, нацистов, поляков» [3, с. 256]. Показательно, что среди врагов не перечислены евреи, потому что украинские националисты разделяли антисемитские взгляды.

В этом учебнике достаточно подробно рассказывается о деятельности Полесской Сечи под управление Тараса Бульбы (настоящая фамилия Боровец). Врагами украинской государственности он видел «отступающие части Красной армии, советское подполье и партизанские группы». Некоторое время он вел переговоры с оккупантами. «Его даже назначили комендантом полиции Сарненского района». После конфликта с немцами в 1941 г., Полесская Сечь перешла на нелегальное положение. [3, с. 255]

Еще одним направлением деятельности украинских националистов было преследование польского населения. Один из учебников упоминает об этом лишь несколькими предложениями, утверждая, что причиной украинско-польского конфликта стали массовые убийства украинцев, осуществляемые Армией Крайовой [3, с. 256]. В двух других учебниках этой проблеме посвящены отдельные вопросы. По сути, все учебники предлагают типовую информацию: польская Армия Крайова проводила террористические акции против украинского населения, украинские националисты сначала пытались договариваться, потом начали нападения на поляков, сотрудничавших с немцами, а потом – на польских крестьян [1, с. 310–311; 2, с. 291–292]. Таким образом, вина на Волынскую резню перекладывается на поляков, которые ее якобы спровоцировали.

В целом, попытка объявить украинские националистические формирования борцами с нацизмом для авторов украинских учебников оказалась неудачной. Заявление об националистических формированиях как о части движения Сопротивления противоречат фактам, приведенным в тех же учебниках. Исходя из фактов, советские партизаны объективно являлись последовательными и бескомпромиссными борцами с нацизмом. Предпочтения же украинских националистов вступать в вооруженное противостояние с советскими партизанами, а не с немецкими оккупантами заставляет предположить, что к движению Сопротивления украинские националистические организации относить нет смысла.

Список источников и литературы:

1. Власов, В. С. Історія України. Профільний рівень : підручник для 10 класу / В. С. Власов, С. В. Кульчицький, О. Є. Панарін. – Київ : Літера ЛТД, 2023. – 334 с.

2. Власов, В. С. Історія України. Рівень стандарту : підручник для 10 класу / В. С. Власов, С. В. Кульчицький, О. Є. Панарін. – Київ : Літера ЛТД, 2023. – 315 с.

3. Хлібовська Г. Історія України. Рівень стандарту : підручник для 10 класу / Г. Хлібовська, М. Крижановска, О. Наумчук. – Тернопіль : Астон, 2023. – 292 с.

УДК 82.09:27-752(476.7)

ВОСКРЕСНЫЕ ШКОЛЫ НА МАЛОРИТЧИНЕ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ХРИСТИАНСКОГО СОЗНАНИЯ УЧАЩИХСЯ

М. П. Жигалова
профессор кафедры лингвистических дисциплин и межкультурных коммуникаций, доктор педагогических наук,
Беларусь, г. Брест, БрГТУ

Аннотация. В статье представлены фрагменты исследования работы воскресных школ Малоритчины, даны способы интерпретации и анализа художественного произведения на примере рассказа О. Ждана «Надо терпеть», показано влияние прочитанного на личностное, читательское, восприятие и духовное обретение Бога и мира в душе.

Ключевые слова: Малоритчина; воскресные школы; возрождение; обучение; тексты; художественное произведение; анализ; О. Ждан; христианское сознание.

В конце XX – начале XXI века в Беларуси, и на Малоритчине в том числе, люди стали активно возвращаться к религиозной жизни. Уже в конце 1980-х приходы стали массово открываться и в этом районе, стали возрождаться храмы, а при них такие учебные группы, которые через некоторое время выросли в целые воскресные школы. Происходило это в рамках общего подъема церковной жизни в области и республике.

После 1991 года в Малоритском крае (юго-западная Беларусь) стали активно возрождаться воскресные школы. И сегодня Малоритчина – это многоконфессиональный край, в котором межрелигиозный мир характеризуется взаимотерпимостью верующих к представителям разных конфессий, взаимопониманием между жителями разных национальностей. Достаточно отметить, что на 2016 год в районе проживали 88,3 % белорусов, 7,2 % украинцев, 3,7 % русских, 0,2 % поляков, 0,6 % – представители других национальностей. Были зарегистрированы и действуют 22 религиозные общины, из которых 16 – православные, 5 – протестантские, 1 – римско-католическая. В районе есть 15 православных храмов, 1 костел, 5 Домов молитвы. Самой большой остается Белорусская Православная церковь, которая объединяет 16 приходов, 7 православных храмов и каплица. Они

входят в Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь [1].

И сегодня главная задача состоит в том, чтобы приобщать людей к литургической жизни Церкви и формировать у учащихся христианское сознание. Педагоги ЦШ (церковных школ) стремятся не только давать знания (изучать Священную историю, Ветхий и Новый Завет и др.), но и воспитывать нравственные качества: совесть, доброту, сопереживание. Поэтому часто занятия в ЦШ дополняются творческими и практическими делами: ставятся нравоучительные спектакли к праздникам (Рождество, Пасха), организовываются викторины, игры, концерты (выступают детские и сводный хоры). Ещё одной важной формой работы стало паломничество по святым местам Беларуси, а также поездки в детские дома и больницы.

Со временем в обучении ситуация менялась. Появились общецерковные документы, которые стали задавать общие рамки (например, Образовательная концепция Русской Православной Церкви). Для поддержки педагогов стали создаваться методические материалы и цифровые ресурсы (проект «Воскреска» Синодального отдела религиозного образования и катехизации Белорусской Православной Церкви).

Следует отметить, что данная проблема, как и культурно-историческая среда, оставалась совершенно не изученной в течение XX в. как в России, так и в Беларуси, прежде всего по идеологическим причинам.

В последнее время появилось несколько педагогических работ, в которых исследуются отдельные аспекты истории и деятельности ЦПШ, и осмысливается современное состояние церковной школы [2; 3]. Большинство из этих работ написаны церковными деятелями, и поэтому в них освещаются, главным образом, церковно-исторические аспекты деятельности ЦПШ.

Заметим, что впервые в работе С. Е. Горшковой «Русская художественная литература в церковно-приходских школах конца XIX – начала XX века», Тверь, 2003 [4] исследована проблема изучения произведений художественной литературы в церковно-приходских школах России конца XIX – начала XX в. Однако систематического и детального изложения истории ЦПШ в Беларуси и России, в котором бы раскрывались не только церковные и исторические аспекты, но и тесно связанные с ними педагогические и методические, описывающие интерпретацию и анализ произведений русской литературы в среде учащихся ЦПШ конца XIX – начала XX в. до сих пор не существует.

В своих работах [5; 6] мы впервые рассмотрели содержание и методику изучения религиозной поэзии в ЦПШ Малориты конца XIX – начала XX в.

Воскресные школы в Малоритском крае, возрождённые после 1991 года, сегодня работают не только в г. Малорита, но и во всех приходах Малоритского района. Занятия здесь проводятся учителями школ один раз в неделю. Основной целью такой школы является подготовка прихожан к жизни,

формирование у них христианского сознания, которое будет способно закрепить и продолжить христианские традиции предков. А они основаны на уважении к личности, на умении отличать главное (духовное) от второстепенного (материального).

Учителя воскресных школ, а это и школьные учителя, такие как М. П. Панглиш (отошедшая в мир иной), которая отработала более 20 лет в ЦПШ г. Малориты, всегда понимали и важность своей заботы о формировании у обучающихся вечных общечеловеческих ценностей, таких, как: совесть, доброта, сопереживание, чуткость, отзывчивость, умеренность в материальных потребностях. Как тут не вспомнить слова известного писателя Эрнеста Хемингуэя, который показал, как ненасытны человеческие желания и потребности в материальном, и как могут они, если их не обуздывать, постепенно уничтожать всё лучшее в его душе: «Дайте человеку необходимое – и он захочет удобств. Обеспечьте его удобствами – он будет стремиться к роскоши. Осыпьте его роскошью – он начнет вздыхать по изысканному. Позвольте ему получать изысканное – он возжаждет безумств. Одарите его всем, что он пожелает – он будет жаловаться, что его обманули, и что он получил не то, что хотел» [7].

Исходя из толкования слова «сознание» в словаре, которое трактуется как «восприятие и понимание окружающей действительности, способность осмысленно воспринимать окружающее» [8], педагоги и ставят такую задачу: научить школьников по-христиански воспринимать окружающий мир, то есть, понимать его как шедевр и создание Божье.

Поэтому уже на первой ступени обучения (три года) школьники воскресной школы «вживаются» в христианскую культуру. Программа носит практико-ориентированный характер. Их учат здесь воспринимать, понимать и принимать вопросы православия. Учат поведению в храме и социуме, чтению на церковнославянском языке и осмыслению прочитанного, толкованию молитв и реализации основных положений в реальной действительности.

На средней ступени обучения (три следующих года) происходит знакомство с церковными богослужениями, Библией, изучением молитв и уже вводятся творческие задания, которые позволяют увидеть усвоение прочитанного и изученного.

На третьей ступени обучения (тоже три года) изучаются тексты богослужений, проводится их сопоставление с соответствующим местом в Евангелии; вырабатывается умение ориентироваться в богослужении и знать, в какой праздник оно используется; совершенствуются знания Библии как основной книги христианина и т. д.

На этой ступени обучения особенно развивается креативное мышление под воздействием заданий творческого характера. Школьники участвуют в конкурсах творческих работ «Красота Божьего мира» (поделки, рисунки и др.),

объявляемых Московской патриархией. Они пишут сочинения, эссе, развивают музыкальные способности в детском хоре, который был организован при воскресной школе ещё в 1996 году. Но основой содержания обучения всё же являются церковные книги. Они хранятся в церковной библиотеке, фонд которой формировался из фондов прихожан и настоятеля церкви. Сегодня церковная библиотека г. Малориты насчитывает около двух с половиной тысяч книг духовного содержания. Есть и редкие книги, журналы, например, «Церковные ведомости», датированные началом XIX века, имеется значительное количество видео- и аудиокассет. Ежеквартально издается церковный листок «Слово».

Занятия в воскресной школе ведутся по программам, предлагаемым и утверждённым Брестской епархией и рассчитанным на девять лет. Программы могут дополняться и переструктурироваться учителями, которые работают здесь на добровольных началах. Основу содержания программ составляют книги религиозного содержания, в первую очередь, Закон Божий, Библия, Ветхий и Новый Завет, Евангелие.

Дети, которым исполняется четырнадцать лет, могут вступить в православное братство, цель которого укрепиться в вере. С братчиками ведётся не только просветительско-пропагандистская работа (выезды с сообщениями в другие церковные школы, приходы, экскурсии в храмы других городов и государств и т. д.), но и обучение христианской коммуникации (летние лагеря, семинары и т. д.), в ходе которых проводятся дискуссии, происходит знакомство с новыми верующими, их суждениями и убеждениями. Братчики имеют возможность отразить свои впечатления в информационно-просветительском листке «Братский лепесток», который издается православным братством г. Малориты. Приобщаются обучающиеся и к художественным произведениям, которые содержат христианскую тематику.

Всё это позволяет формировать у школьников христианское сознание, основанное на возрождении и бережном сохранении христианских традиций, завещанных предками. По окончании воскресной школы выпускники сдают выпускной экзамен, который проходит в форме собеседования, своеобразного полилога, свидетельствующего о готовности прихожан служить христианской вере всю жизнь. И свидетельство об окончании воскресной школы, которое выдается школьникам, – это свидетельство о готовности стать истинным прихожанином.

Следует заметить, что, как правило, образец чистой веры в регионе должен всегда демонстрировать его настоятель. Поэтому положительный пример бывшего благочинного церквей Малоритского района, настоятеля Свято-Николаевской церкви в г. Малорита Николая Кудласевича, как и пример членов его семьи (жены и четверых сыновей), которые все служат Богу в Беларуси и России, помогая прихожанам и словом, и делом.

Истинное служение людям демонстрирует сегодня и семья протоиерея Анатолия Дударчука, настоятеля православного прихода Святой Великомученицы Параскевы Пятницы в агрогородке Орехово (сын Петр служит настоятелем в аг. Бульково). С 2000 года здесь работает церковно-приходская школа, учителем которой является матушка Валентина Адамовна, жена протоиерея.

Это ещё раз показывает, что чем чище взгляд человека на жизнь, чем искреннее и отзывчивее его сердце, чем больше целеустремленности на дороге к очищению души, тем ближе человек становится ко Всевышнему. Неудивительно, что многие выпускники воскресной школы связывают свою жизнь с Богом, поступают в духовные семинарии и академии.

Значительную роль в воскресной школе играет изучение Библии, так как синкретическая библейская модель сотворения мира посредством божественного слова – «В начале было слово...» – выполняет текстообразующую функцию. Это позволяет организовать и новую эстетическую систему художественного моделирования мира, значительно расширяющую специфику художественного текста как одного из значимых тенденций развития литературного процесса всего XX века.

Сегодня учащиеся и учителя воскресной школы успешно сотрудничают со школой искусств г. Малориты, с общеобразовательными школами района, учителя которых ведут факультативные занятия по православной культуре согласно программам, разработанным Министерством образования РБ. Определенное место занимает в программах и художественное произведение по религиозной тематике, которое чаще всего предлагается для обсуждения.

Попытаемся очертить некоторые научные подходы к осмыслению художественного произведения, содержащего религиозную тематику.

Известно, что осмысление читателем христианских реалий в художественном произведении связано в первую очередь с умением читателя определить те христианско-культурологические элементы, которые отражают картину мира. Поэтому читателю важно уметь найти определенные христианские знаки, коды, символы в произведении и понять их смысл и значимость не только для постижения культуры писателя, но и для обогащения своей, читательской, культуры. При этом важно обратить внимание на парадигму когнитивную, которую предложил литовский поэт, переводчик, литературовед и историк русской словесности Томас Венцлова [9]. Когнитивная (в переводе с фр. – понимать, сознавать) поэтика строится на следующем. Во-первых, автор и читатель имеют одни и те же когнитивные способности. Во-вторых, сами эти способности представляют собой мыслительные операции по установлению сходства субъектов, отношений между ними и генерализации [10], то есть возведения конкретных структур к

абстрактным, что, в общем, соответствует трём типам христианских знаков в языке (икона, индекс, символ).

Известно, что эстетическая ценность любого произведения – это всегда внутреннее свойство произведения, которое проявляется лишь в тот момент, когда произведение вступает в контакт с читателем [11], то есть, упрощённо говоря, эстетическая ценность произведения всегда абсолютно субъективна. А значит, каждый читатель вправе интерпретировать художественное произведение произвольно, в зависимости от своего мировоззрения и читательской культуры.

Заметим, что в рамках данного исследовательского направления нам представляется актуальным и изучение в общеобразовательной школе на факультативных занятиях русской религиозной поэзии и прозы, в том числе, и русскоязычной литературы Беларуси, так как это, бесспорно, не только яркое явление по своей духовно-культурологической значимости, но неоднозначное и достаточно сложное для анализа и интерпретации.

Именно в таких произведениях представлено художественно-нравственное осмысление новых духовно-эстетических моделей богоискательства, новый взгляд на проблему: Бог – бытие – человек, анализ которого позволяет выявить специфику эволюции духовно-культурологического сознания и современной личности эпохи конца XX – начала XXI века. Поэтому важно познакомить школьников воскресной школы с писателями новой художественной прозы и русскоязычными поэтами Беларуси, в творчестве которых отчётливо выражен синтез художественного и религиозного богоискательства. Ведь главная задача, решению которой подчинено творчество поэтов и писателей, – это «обретение христианской аксиологии, живых нравственных начал, основанных на конкретных религиозных ценностях» [12].

На занятии могут быть представлены произведения художников слова, которые раскрывают экологическую тематику, неразрывно связанную с нравственными проблемами. Это рассказ Э. Скобелева «Невинную душу отнять», об изучении которого было написано в 2012 году [13]. Могут рассматриваться и рассказы Олега Ждана, в которых представлены характеры и судьбы мужчины и женщины, духовные и материальные ценности, являющиеся бинарными оппозициями [14]. Учитель церковной школы может предложить проанализировать и лироэпическую миниатюру «Верь в мечту» поэтессы-малоритчанки Надежды Кухтей [15], в которой автор, с одной стороны, пытается донести читателю всю непредсказуемость и романтику жизни, а, с другой стороны, показать, как многое зависит от Всевышнего и самого человека, его характера, целеустремленности и напористости, трудолюбия и жизненного оптимизма.

Известно, что художественное слово призвано не только осуществить задачу личностного духовного обретения Бога и мира, но и формировать у читателя христианское мышление. Покажем это на примере работы с текстом рассказа О. Ждана «Надо терпеть», в ходе которого учитель может использовать статью М. П. Жигаловой «Сохраним ли человеческое в Человеке: социальные и нравственные проблемы в рассказах О. Ждана», опубликованную в журнале «Русский язык и литература» (Минск, 2013. – № 4. – С. 10–14). Учащимся церковной школы предлагается сначала познакомиться с текстом рассказа, а потом ответить на вопрос, после чего познакомиться с анализом рассказа, чтобы выработать свою оценку прочитанного, а значит, и жизненную позицию.

1. Прочитайте рассказ «Надо терпеть» и скажите, о каких нравственных законах жизни говорит писатель?
2. Познакомьтесь с анализом рассказа «Надо терпеть» (см. ниже).
3. Какие христианские проблемы поднимает автор?

Анализ рассказа. Читая произведения нашего земляка Олега Ждана, невольно начинаешь задумываться над многими философскими вопросами, на которые в бесконечной суетности жизни в эпоху информационных технологий так не хватает времени… Мы поклоняемся культу денег, навсегда заменив ими истинные, бескорыстные чувства. Мы спешим в погоне за богатством, чтобы осчастливить своих близких, которых в силу занятости почти не видим. Мы презираем старость и немощность за их бесполезность и нежизнеспособность в современном мире. Мы заменили понятие любовь на понятие польза, а сострадание – на комфорт. Таков человек современный… цивилизованный… городской. А что же делать людям, приехавшим из деревни, не усвоившим эти хищнические законы, и которым приходится доживать свои годы среди родных, близких, любимых, ставших логическим продолжением этого меркантильного мира. О таком человеке и повествует произведение «Надо терпеть».

Само *заглавие* рассказа раскрывает чётко очерченную позицию героя-рассказчика: он стоически, по-философски спокойно переживает все тяготы жизни в доме, так и не ставшим для него родным. Герой на протяжении всего рассказа несколько раз повторяет: «надо терпеть» и терпит… Автор отнюдь не преувеличивает, рассказывая о том, что же приходится пережить старику-отцу в сыновьем доме: оскорбления, неуважение, унизительную снисходительность. А обессилевшему, состарившемуся отцу ничего не остается, как терпеть.

Так, автор мастерски, без лишнего дидактизма подводит читателей к *основной идее* произведения: мы все не вечны и не всегда будем молодыми и сильными, для каждого придёт пора старости и слабости, когда, как никогда, нужна будет совершенно бескорыстная, искренняя забота наших близких,

наших детей. Помня об этом, мы должны поступать так же со своими родителями, окружая их уважением и заботой в самые трудные для них годы, чтобы им никогда не пришлось ничего терпеть.

В раскрытии основной мысли произведения автор использует такой *приём*, как метод от противного, когда в заглавии рассказа либо в самом содержании заявлена заведомо противоположная авторской идея, а по ходу повествования героя утверждается опровержение. Автор будто убеждает читателя: надо терпеть, но к концу рассказа читатель уже абсолютно уверен, что так быть не должно!

Что касается *тематики* данного произведения, то следует отметить широкий тематический диапазон рассказа: тема губительной власти денег; тема отцов и детей; тема любви к животным и всему живому; тема истинной любви и верности.

Все они представлены в рассказе Олега Ждана. И вместе с тем каждая из выделенных тем раскрывается посредством биполярной пары героев: тема губительной власти денег реализуется через *образы* старик – невестка; тема отцов и детей через пару отец-старик – сын; тема любви ко всему живому – старик – собачонка, тема истинной любви и верности – старик – его хозяйка.

Так мы видим, что автор, словно, проверяет каждого героя произведения на нравственность и человечность через их отношение к предкам: старому отцу. И, к сожалению, лишь собачонка «по-человечески» относится к своему хозяину, предана ему до конца.

Образ животного является параллельной протекцией образа главного героя, поскольку, по сути, повторяет его жизнь: увезли из родного города, отовсюду прогоняют, город к нему чужд и враждебен.

Данный приём только прибавляет трагизма всей сложившейся ситуации, а также утверждает идею единства всего живого на земле.

Сам же рассказ по жанровой природе очень напоминает *рассказ-исповедь, рассказ-раздумье*. Это внутренний монолог человека, который пытается приспособиться к новым жестоким и бесчеловечным условиям городской жизни.

На первый взгляд, рассказ весьма статичен: здесь нет бурного развития действия. Тем не менее, рассказ необычайно емкий и динамичный. Воспоминания героя представляют небольшой экскурс в прошлую счастливую жизнь героя, а также в несчастливое настоящее.

Что касается *композиции*, то следует отметить, что связующим звеном между разрозненными воспоминаниями героя являются все те же слова: «надо терпеть». Они же открывают и завершают повествование, тем самым обеспечивая композиции кольцевой характер.

Следует отметить, что сама манера повествования довольно свободна и проста, рассказ доступен даже для самого неискушенного, малограмотного читателя.

Речь героя достаточно примитивна, изобилует просторечными словами («гляжу», «гроши», «сховался», «не приведи Бог»). Но, тем не менее, в зависимости от предмета разговора *речь повествователя* меняется: рассказывая о своей прошлой счастливой жизни герой употребляет слова с уменьшительно-ласкательными аффиксами: «домик», «яблонька», «собачка», «кроватка». С переходом же в суровую действительность отбор лексики также видоизменяется: «пьянтос», «замахнет», «ударит», «забирает», «гроши», т.е. превалируют слова с явной негативной коннотацией. Синтаксис данного произведения также очень близок к разговорному, бытовому: много неполных предложений («Поехали // Думает – так, живу...»); есть предложения с многоточием, что означает незаконченность мысли («Ну а не дадут... // Тем летом одна качка потерялась... // А когда придется самой вставать рано...»). Характерной синтаксической особенностью данного художественного текста является неоднократное повторение вопроса: «Что делать?». А это указывает на попытки героя найти выход, рациональное объяснение всему происходящему. А поскольку вопрос повторяется, значит, ответ так и не найден. В целом, краткие, нераспространённые предложения данного произведения заставляют читателей сфокусировать свое внимание на наиболее значимых деталях повествования, придают рассказу ёмкость.

Следует отметить, что сама манера повествования в произведении характерна для жителей большинства деревень как Могилевской (откуда родом автор), так и других областей Беларуси. Поэтому герои представляются как типичные члены нашего современного общества. Близость рассказа к читателю обеспечивается также *повествованием от первого лица*, т. е. главный герой и рассказчик совпадают, поэтому авторская позиция завуалирована, что дает возможность читателю домыслить, сделав собственный вывод.

Автор мастерски перемешивает *временно-временные планы* повествования, «жонглирует» субъективной и объективной модальностями, окуная читателя то в прошлое, то в настоящее, заставляет задуматься о будущем.

Анализируя художественный текст на предмет *экспрессивности*, следует отметить, что при минимальном наборе средств выразительности, тропов, автору удалось придать тексту необычайную, сдержанную экспрессивность, ведь главный герой не произносит пламенные речи, а просто рассуждает о своей нелегкой судьбе. Вероятно, экспрессивности данного текста способствует разговорная манера повествования, разнообразие синтаксиса, просторечные слова и конструкции, философско-элегический тон. Так, на «приниженном», бытовом примере из жизни одной среднестатистической

семьи автор утверждает высокие христианские и общечеловеческие идеалы: добра, нравственности, любви, бескорыстия. Развенчивает жестокий культ денег, показывает, до какой степени могут быть искалечены души людей, зараженных золотой лихорадкой, которые даже собственных родителей воспринимают в качестве пригодной для хозяйства вещи, заставляя их молча терпеть… терпеть… терпеть…

Благодаря таким произведениям, как рассказ Олега Ждана «Надо терпеть», у нас есть еще шанс остановиться и взглянуть на себя со стороны, все ли мы в нашей жизни делаем правильно, умеем ли оставаться людьми в самых сложных ситуациях….

В ходе такой аналитической работы, читатель видит, что в основе таких произведений лежат несколько составляющих: мировоззрение, жизненная позиция писателя, его творческая концепция, которая раскрывается в соответствии с христианской, православной моралью и только исходя из нее. Основным здесь становится постижение в художественной форме неисчерпаемого глубинного смысла Священного Писания. Заметим, что художественная убедительность превышает эмпирическое понимание плотского человека, который и должен для этого родиться свыше и духовно прозреть. Священная история обязывает к тому, чтобы целомудрие и под свободным писательским пером оставалось целомудрием, красота – красотой, праведность – праведностью, а низость и порок – низостью и пороком.

Следовательно, основная сложность работы преподавателя воскресной школы заключается в том, чтобы показать соотношение в произведениях такого рода художественной формы и содержания, отличающегося глубиной духовного исповедания, требующего чистоты и искренности. Достичь этого можно только при глубокой искренней вере в Бога самого преподавателя воскресной школы.

Таким образом, можно утверждать, что изучение художественных произведений христианской направленности в воскресных школах является эффективным средством формирования христианского сознания. Это происходит потому, что в анализируемых произведениях всегда звучит конкретное выражение религиозных взглядов, тем и идей, связанных с православным восприятием мира, с теми его средствами, которые и мотивируют обучаемых к формированию христианского сознания, а значит, к умению жить в гармонии с собственной душой и окружающим миром.

Список источников и литературы:

1. “У міры і ўзаемацярпенні” (наш кар.) // Голас часу. – 23 лістапада. – 2016. – № 90 (7613).

2. Шестун, Е., протоиерей. Православная педагогика. Исторические психолого-педагогические очерки / протоиерей Е. Шестун. – Самара : ЗАО «Самарский информационный концерн», 1998. – 576 с.

3. Суворова, Л. В. Православная школа сегодня. Книга для учащихся и учащих / Л. В. Суворова. – 3-е изд. – Владимир : Издательство Владимирской епархии, 2000.

4. Горшкова, С. Е. Русская художественная литература в церковно-приходских школах конца XIX – начала XX века / С. Е. Горшкова. – Тверь, 2003. –URL: https://cheloveknauka.com/russkaya-hudozhestvennaya-literatura-v-tserkovno-prihodskih-shkolah-kontsa-xix-nachala-xx-veka (дата обращения: 20.09.2026).

5. Жигалова, М. П. Художественное произведение как фактор формирования христианского сознания в воскресных школах Беларуси (на примере воскресных школ Малоритчины конца XX – начала XXI вв.) / М. П. Жигалова / Сб. материалов «Девятые Подольские Кирило-Мефодиевские чтения «Славянская культура: истоки, христианские традиции, взаимодействие», 24–25 мая 2013. – Подольск, 2013. – С. 18–27.

6. Zhigalova, M. Формирование христианского сознания учащихся в воскресных школах Беларуси конца XX – начала XXI века (на примере Малоритчины) / M. Zhigalova // Zeszyty Cyrylo-Metodiańskie. – 2015. – № 4. – С. 55–60.

7. Ильин, В. В. Философия для студентов технических вузов / В. В. Ильин. – СПб. : Питер, 2004. – 363 с.

8. Словарь русского языка в 4 т. / ред. А. П. Евгеньева – Т. 4 : С – Я. – Москва, 1984. – 790 с.

9. Венцлова, Т. О пансемантичности поэтического текста // Неустойчивое равновесие: Восемь русских поэтических текстов. – Нью-Хейвен, 1986. – 206 с.

10. Freeman, M. Poetry and the scope of metaphor: Toward a cognitive theory of literature. In: Metaphor and Metonymy at the Crossroards. A Cognitive Perspective. Ed. A. Barselona. – Berlin – New York : Monton de Cruyter, 2000.

11. Лотман, Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. – М. : Языки русской культуры, 1996. – 464 с.

12. Шрейдер, Ю. В традициях христианского персонализма / Ю. Шрейдер // Новый мир (Москва). – 1999. – № 19.

13. Жигалова, М. П. Не стреляйте в самих себя… (по рассказу Э. Скобелева «Невинную душу отнять») / М. П. Жигалова // Русский язык и литература (Минск). – 2012. – № 4. – С. 17–20.

14. Жигалова, М. П. Сохраним ли человеческое в Человеке: социальные и нравственные проблемы в рассказах О. Ждана / М. П. Жигалова // Русский язык и литература (Минск). – 2013. – № 4. – С. 10–14.

15. Жигалова, М. П. Анализ художественного текста как способ познания характера человека (на примере лироэпической миниатюры Н. Кухтей «Верь в мечту») / М. П. Жигалова // Славянские языки: системно-описательный и социокультурный аспекты исследования : сб науч тр по материалам IX Междунар. науч. конф., Брест, 22–23 ноября 2019 г. В 2 ч. / Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина ; редкол.: О. Б. Переход, О. А. Фелькина ; под общ. ред. О. Б. Переход. – Брест : БрГУ, 2020. – Ч. 2. – С. 25–28.

УДК 159.923.316.6

ПРОБЛЕМА ОДИНОЧЕСТВА МОЛОДЕЖИ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Ю. Д. Игнатюк
студентка экономического факультета
Науч. руководитель ***Е. Г. Кудрицкая****, старший преподаватель*
кафедры гуманитарных наук
Беларусь, г. Брест, БрГТУ

Аннотация. В статье рассматривается специфика проявления одиночества у молодежи в условиях цифровизации. Проанализировано влияние цифровых технологий на межличностные отношения, выявлены субъективные причины возникновения чувства одиночества и предложены возможные пути преодоления данной проблемы. Результаты эмпирического исследования показали парадокс цифровой активности: несмотря на высокую вовлеченность в онлайн-коммуникации, значительная часть молодежи испытывает дефицит эмоциональной близости и поддержки.

Ключевые слова: одиночество; молодежь; цифровизация; социальные сети; интернет-зависимость; межличностные отношения; эмоциональная поддержка.

В XXI веке цифровизация затронула все сферы жизни. Интернет и социальные сети стали неотъемлемой частью повседневности молодежи. При этом наблюдается парадокс: рост коммуникационных каналов, предоставивший инструмент для мгновенного соединения с любой точкой мира, одновременно породил новую форму социальной изоляции, которая сопровождается усилением чувства одиночества. Данный феномен приобретает значимость среди молодежи, которая больше всего продолжает интегрироваться в виртуальное пространство, что особенно опасно в период формирования личности и ценностей. Интенсивное использование соцсетей усугубляет проблему, а недостаток качественного межличностного взаимодействия негативно сказывается на психологическом состоянии, самооценке и социальной адаптации молодых людей.

В психологических словарях нет единого общепринятого определения. Авторы акцентируют внимание на различных аспектах. Так С. О. Головин определял одиночество как «эмоционально-негативное состояние человека, находящегося в изоляции от других людей, тягостное переживание разрыва непосредственных социальных связей, сопровождающееся повышенным уровнем тревожности, депрессией и вегетативными сдвигами…» [1, с. 283]. В психологическом словаре Л. А. Карпенко, А. В. Петровский и М. Г. Ярошевский предложили другой подход. Авторы акцентируют свое

внимание на психологическом факторе, который прежде всего оказывает влияние на «эмоциональное состояние и психическое здоровье человека», находящегося в непривычных, измененных условиях изоляции» [2, с. 249].

В словаре под редакцией П. С. Гуревича одиночество – это «состояние личности, отражающее ее обездоленность из-за возникшего жизненного дискомфорта» [3, с. 423]. Таким образом одиночество это один из психогенных факторов, влияющим на эмоциональное состояние личности, проявляющихся как субъективное переживание недостатка значимых социальных связей.

В психологии различают несколько видов одиночества: социальное (отсутствие круга общения), эмоциональное (нехватка близких, доверительных отношений) и экзистенциальное (ощущение изолированности от мира в целом). Важно отметить, что одиночество не всегда связано с фактической изоляцией. Человек может находиться среди людей, но при этом испытывать глубокое внутреннее одиночество.

На сегодняшний день цифровизация изменила способы коммуникации. Молодежь активно использует социальные сети, мессенджеры и онлайн-платформы для общения. Основные особенности цифрового общения – это, в первую очередь сокращение живого контакта, поверхностность взаимодействий, зависимость от лайков и одобрения, формирование так называемой «виртуальной личности». Онлайн-коммуникация часто заменяет реальные встречи, что приводит к снижению навыков живого общения, эмпатии и способности к глубоким эмоциональным связям. Среди основных факторов, способствующих развитию одиночества у молодежи, можно выделить следующие. Во-первых, иллюзия общения: социальные сети создают видимость активной социальной жизни, но не обеспечивают глубины взаимодействия. Во-вторых, сравнение себя с другими: просмотр «идеализированных» образов жизни других пользователей может вызывать чувство неполноценности и изоляции. В-третьих, снижение качества общения: короткие сообщения, так называемые универсальные «эмодзи» и реакции заменяют полноценный диалог. В-четвертых, зависимость от цифровых технологий: чрезмерное использование гаджетов снижает интерес к реальному общению. В-пятых, социальная тревожность: некоторые молодые люди предпочитают онлайн-общение из-за страха перед личными контактами, что еще больше усиливает изоляцию.

Таким образом, если говорить о последствиях данного феномена, то одиночество может оказывать негативное влияние как на психическое, так и на физическое здоровье: развитие депрессии и тревожных расстройств, снижение самооценки, ухудшение когнитивных функций, проблемы с социальной адаптацией. В долгосрочной перспективе это может привести к социальной дезадаптации и снижению качества жизни.

С целью выявления и анализа специфики проявления одиночества у молодежи в условиях цифровизации общества проведено исследование в УО «БрГТУ». Эмпирическую базу составили результаты анкетного опроса, проведенного в 2026 году. Объем выборочной совокупности составил 100 человек в возрасте 18–30 лет. Социально-демографический портрет респондента характеризуется следующими показателями: 55 % – женщины, 45 % – мужчины. Из них 45 % в возрасте 18–20 лет, 24 % – до 18 лет, 17 % – 21–23 года, 14 % – старше 23 лет. Таким образом, большинство опрошенных (69 %), это респонденты в возрасте до 21 года, что соответствует основной возрастной когорте студенческой молодежи.

Результаты показали, что 71 % респондентов проводят в интернете «более 3 часов» ежедневно, при этом 84 % «регулярно поддерживают связь с друзьями через интернет». Однако 29 % испытывают одиночество «иногда или часто». Показательно, что 26 % чаще всего «испытывают одиночество именно среди людей». Подавляющее большинство (61 %) «не верят в возможность замены живого общения онлайн», а 56 % «предпочитают общение вживую». (рис. 1). При этом 35 % испытывают «затруднения с расширением социального круга офлайн», а 42% в той или иной степени характеризуются социальной тревожностью. Абсолютный лидер среди стратегий преодоления одиночества – «прослушивание музыки» (75 %), за ним следуют «просмотр фильмов» (59 %) и «общение с друзьями» (53 %) (рис. 2).

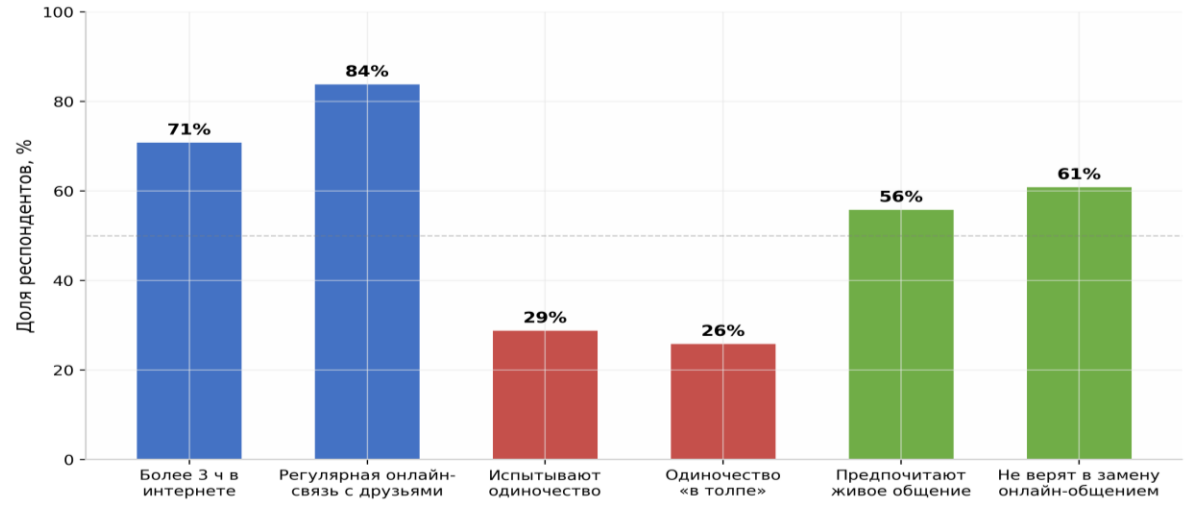

Рис. 1 – Парадоксы цифровизации: онлайн-активность vs. потребность в живом общении.

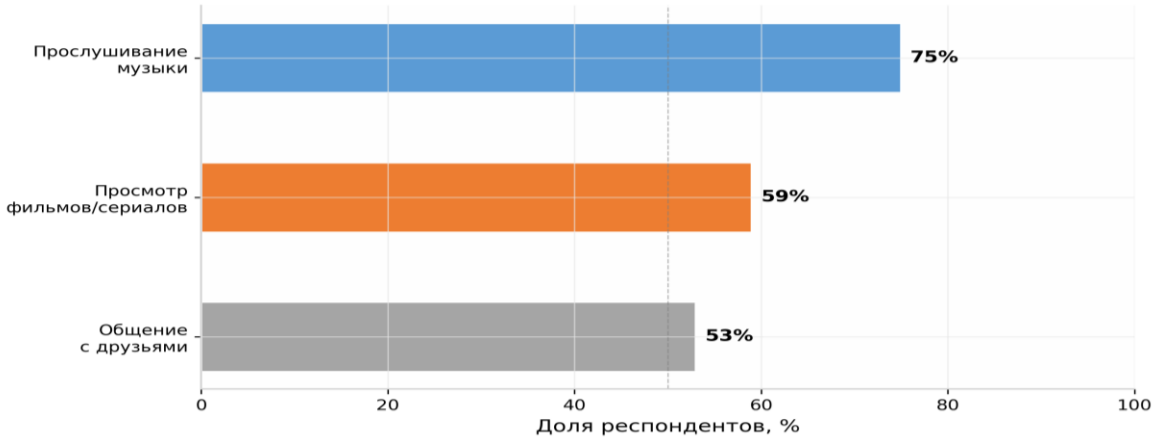

Рис. 2 – Стратегии преодоления одиночества у молодежи

Таким образом, проблема одиночества в эпоху цифровизации является сложной и многогранной. Несмотря на расширение возможностей коммуникации, цифровая среда не всегда способствует формированию глубоких и значимых межличностных связей. С одной стороны, создается иллюзия активной включенности в социальную жизнь посредством интенсивной коммуникации, а с другой стороны интенсивный характер онлайн-взаимодействий приводит к эмоциональному выгоранию и способствует росту субъективного переживания одиночества. Молодежь, находясь в условиях постоянного онлайн-взаимодействия, может испытывать дефицит эмоциональной близости и поддержки. Для решения данной проблемы следует акцентировать внимание на развитии цифровой, эмоциональной грамотности и формирование цифровой культуры: развитие навыков живого общения (тренинги, групповые занятия); ограничение времени в социальных сетях; поощрение участия в офлайн-мероприятиях; психологическая поддержка (консультации, терапия и.т.д.). Следовательно, решение данной проблемы возможно только при комплексном и сбалансированном подходе, включающем развитие коммуникативных навыков, повышение уровня психологической грамотности и формирование осознанного отношения к использованию цифровых технологий.

Список источников и литературы:

1. Головин, С. Ю. Словарь практического психолога / С. Ю. Головин. – Мн. : Харвест, 1998. – 620 с.

2. Карпенко, Л. А. Психологический словарь / Л. А. Карпенко, А. В. Петровский, М. Г. Ярошевский ; под общ. ред. А. В. Петровского. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Политиздат, 1990. – 494 с.

3. Психологический словарь / под общ. науч. ред. П. С. Гуревича. – М. : ОЛМА Медта Групп, ОЛМА ПРЕСС Образование 2007. – 800 с.

УДК 271.2 (476) «1863/1864»

РОЛЬ НИЗШИХ ИЕРАРХОВ КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ В ПОДГОТОВКЕ ВОССТАНИЯ 1863 – 1864 ГОДОВ

О. В. Карпович, Д. В. Будник
старшие преподаватели кафедры гуманитарных наук
Беларусь, г. Брест, БрГТУ

Аннотация. В материале, основанном на ряде опубликованных данных, рассказывается о прямом участии в подготовке восстания 1863-1864 годов представителей низового уровня Римско-католической церкви, а также в вооруженной борьбе и казнях мирного населения, не желавшего подчиняться повстанцам.

Ключевые слова: католическая церковь; восстание 1864–1864; священники; монастыри; Польша; Правобережная Украина.

Рассматривая участие католического духовенства и позицию высшего руководства Римско-католической церкви на территории Северо-Западного края в восстании, следует сразу оговориться, что высшее духовенство католиков было лояльным действующей власти и требовало этого же от своих подчиненных. В частности, Виленский католический епископ А. Красинский на официальном уровне в своем циркуляре от 30 января 1863 года запретил католическому духовенству содействовать повстанцам и вмешиваться в политику. Вместе с тем, в неформальных беседах и переписках с Ватиканом, католические иерархи сочувствовали повстанцам, если не сказать большего. Да и сам Ватикан в лице Папы Римского Пия IX откровенно вмешивался во внутренние дела государства, оказывая моральное содействие представителям подпольного варшавского правительства. В частности, в переписке с императором Александром II, Папа Римский не осудил действия повстанцев, которые с позиции государственной власти являлись мятежниками, покушавшимися на территориальную целостность государства, а наоборот, указал на то, чтобы «были принесены особые молитвы за несчастную Польшу, которую он с прискорбием видит в настоящую минуту позорищем резни и крови» [1, с. 369].

Представители средних слоев католического духовенства занимали позицию выжидания и напрямую не поддерживали восставших. Активную позицию сотрудничества с повстанцами, вплоть до прямого участия в восстании, занимали, в основном, низшие иерархи церкви, включая служителей монастырей католических орденов. В первую очередь это коснулось активного участия ряда монастырей на территории современной

Польши в подготовке восстания и помощи в сборе финансовых средств и агитационной вербовке потенциальных участников восстания. Так, в Люблинской губернии еще в период 1863-1864 годов прошло несколько открытых съездов представителей низшего духовенства с общим числом от 300 участников, на которых выражалась всяческая поддержка подготовке восстания. Как писали очевидцы, целью этих съездов было «подвинуть колеблющихся членов сельского духовенства к участию в революционном движении и к повиновению центральному комитету и затем, условившись окончательно, выбрать преданных революции лиц, для собирание денежных складчин на мятеж» [3, с. 49].

Итогом этих съездов стало общее постановление Подлясского духовенства Римско-католической церкви от 13 ноября 1862 года (по старому стилю), предписывавшее признать и всеми мерами содействовать подпольному Варшавскому правительству в организации будущего восстания [3, с. 51]. Таким образом, данное постановление фактически дало толчок массовому участию католических священнослужителей, включая монастырских клириков, в подготовке восстания путем агитации среди крестьянского населения.

Отношения между духовенством и паствой были основаны на жесткой дисциплине, предусматривавшей строгое подчинение прихожан ксендзу, который требовал от них повиновения практически во всех сферах жизни. Отношение католического духовенства к правительственной власти и ее законодательным актам автоматически проецировалось и на отношение народа на данной территории к законной власти. Одним из примеров такой радикальной клерикальной практики стали призывы к прихожанам поднять вооруженное восстание против правительства «от имени и властью Христа». Религиозная пропаганда умело лепила из России многовекового религиозного и политического врага поляков. Иными словами, «костел свою хоругвь обратил в знамя бунта», а «простолюдин считает смертным грехом не идти за своим пастырем». Откровенно навязывалась русофобия и религиозная нетерпимость. Таким образом, как справедливо отмечал профессор Александр Бендин, «предусмотренная церковным вероучением обязанность «пасти верных» выполнялась отнюдь не в духе христианской любви, законопослушности и милосердия. Сакральные цели служения Богу оказались подчиненными выполнению конкретных мирских задач – вооруженной борьбе за освобождение Польши и аннексии Северо-Западного края России. Это произошло в результате идеологической интерпретации церковного вероучения, которая позволила использовать духовную власть римско-католического клира для достижения националистических и сепаратистских целей» [1, с. 364–365]. Журнал «Католический ежегодник» прямо писал, что польское восстание является знаком Божьим и верующий католик обязан

помнить, что начатая борьба – дело не столько патриотическое, сколько религиозное [2, с. 55]. Таким образом, отдельные представители римско-католического духовенства через свои издания прямо разжигали религиозную вражду и нетерпимость.

Так, только в Люблинской губернии в течение осени 1862 года было зафиксировано несколько десятков случаев проповедей духовенства против правительства в Санкт-Петербурге. В Луковском уезде этой же губернии ксендзы Буржинский и Северин в своих проповедях приказывали крестьянам повиноваться несуществующему польскому королю Замойскому, от имени которого они якобы вели свою пропаганду.

В течение октября 1862 года монахам только одного Ченстоховского монастыря удалось привести к присяге на верность мифическому польскому королю до 150 человек, которые в момент вспышки всеобщего восстания на территории Польши должны были напасть на русский гарнизон в Ченстохове. В уездном городе Калиш Варшавской губернии монах местного Бернардинского монастыря Феликс Домбровский приводил к присяге завербованных для участия в восстании лиц. В декабре 1862 года власти выяснили, что Бернардинский монастырь в Радоме стал «средоточием обширного заговора, обнимавшего не только город, но и соседние деревни. Доверенные от монахов лица бродили по окрестностям и завлекали в обитель легковерных людей всякого звания; … Такого рода деятельности посвящали себя в особенности сам настоятель монастыря Телефор Заборек и монахи Рох Климкевич и Паулин Доманский. Залучив простодушных жителей из низших сословий и взяв с них присягу вступить в народное войско, означенные монахи, спустя некоторое время, вновь призывали своих новобранцев, по праздничным дням, в монастырь, где им давали читать разного рода прокламации и, пользуясь их доверием, собирали с них деньги на революцию» [3, с. 54].

Реформатский монастырь в г. Плоцк в полном составе принял участие в организации местного подпольного повстанческого комитета и содействовал нападению повстанцев на воинский гарнизон города, причем нападение сопровождалось колокольным звоном и благословлением монахов [3, с. 55]. Значительное количество клириков монастырей состояли в различных подпольных организациях уездного и губернского уровней, а их настоятели предоставляли свои обители для хранения продовольствия, обмундирования и боеприпасов для повстанцев, а также укрывали раненых и больных участников восстания. Особо отличился в этом плане Бернардинский монастырь в Варшаве, в подвалах и саду которого были обнаружены типографский станок для изготовки антиправительственных воззваний, 181 единица обмундирования, по 24 острия для пик и формы для отлива пуль, 7 фунтов свинца и 100 отравленных кинжалов для варшавской тайной организации под названием «кинжальщики» [3, с. 58].

На территории Правобережной Украины католическое духовенство также приняло активное участие как в подготовке восстания, так и в вооруженной борьбе. Только в течение одного 1861 года там произошло 260 польских манифестаций с участием представителей католического духовенства: 97 в Киевской губернии, 142 в Волынской и 21 в Подольской губерниях. Подобные акции коснулись 244 костелов, из которых в 75 такие случаи носили неоднократный характер [5, с. 235]. Католические священнослужители приводили к присяге на верность польской короне потенциальных повстанцев, в костелах вели антиправительственные службы и делали запасы продовольствия, боеприпасов и обмундирования.

Приведенные выше призывы к межрелигиозной вражде находили своих сторонников среди некоторых духовных особ. Известны факты, когда некоторое служители культа напрямую принимали участие в убийствах несогласных с идеями восстания лиц, а то и понуждали к этому повстанческих командиров [3, с. 64]. Как писал в своей монографии А. И. Лясковский, «При каждом отряде, даже самом незначительном, находился католический священник. Священники исполняли не только религиозные требы для повстанцев, они воспитывали их в необходимости строгого повиновения начальству, поддерживая в них патриотический дух. Многие ксендзы сражались вместе с повстанцами с оружием в руках, а некоторые были и предводителями отрядов» [4, с. 80–81].

В общей сложности, только на территории Польши властями было доказано прямое участие в восстании 89 католических монастырей из имевшихся на тот период 155 монастырей [3, с. 67–68].

Вместе с тем, были факты прямого отказа ряда католических священнослужителей содействовать подпольным повстанческим организациям. Известен случай, когда в костеле местечка Вольск Дубненского уезда Волынской губернии во время богослужения отставной штабс-капитан Лутковский ударил ксендза Томкевича по лицу в присутствии прихожан за то, что тот отказывался присоединиться к мятежу [2, с. 55].

Таким образом можно утверждать, что низшие иерархи римско-католической церкви оказались прямо вовлечены в подготовку восстания, а значительное их число напрямую принимало участие в вооруженной борьбе и было замешано в военных преступлениях против гражданского населения, что абсолютно не сочетается с образом классического христианского священника, проповедовавшего смирение и милосердие.

Список источников и литературы:

1. Бендин, А. Ю. Роль римско-католического духовенства Северо-Западного края Российской империи в польском восстании 1863 г. / А. Ю. Бендин // Вестник РУДН. Серия : История России. – 2018. – Т. 17. – № 2. – С. 357–387.

2. Буравський, О. А. Римо-католицьке духовенство Правобережної України і Білорусії в січневому повстанні 1863 – 1864 рр. / О. А. Буравський // Наукові записки Національного університету «Острозька академія». – 2014. – Серія «Історичне релігієзнавство». Випуск 10. – С. 54–61.

3. Жмакин, В. Участие Римско-католического духовенства и монашества в польском восстании 1863 года / В. Жмакин // Странник. – 1883. – Т. 1. – № 1. – С. 36–67.

4. Лясковский, А. И. Литва и Белоруссия в восстании 1863 г. / А. И. Лясковский. – Берлин : Арзамас, 1939. – 189 с.

5. Шостак, І. В. Громадянсько-політична позиція волинського та подільського римо-католицького духовенства у польських повстаннях 1830-31 та 1863 рр. / І. В. Шостак // Studia Politologica Ucraino-Polona. – 2015. – № 5. – С. 233–239.

УДК 94 (476) +72.1

РЕАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ ПО СОХРАНЕНИЮ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ (НА ПРИМЕРЕ КУЛЬТОВЫХ ОБЪЕКТОВ БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТИ)

Н. Н. Ковалёва

доцент кафедры гуманитарных наук, кандидат исторических наук, доцент

Беларусь, г. Брест БрГТУ

Аннотация. В статье анализируется реализация государственной политики Республики Беларусь по сохранению историко-культурного наследия на примере культовых объектов Брестской области, вскрываются сложности этого процесса, их причины, отмечаются достижения.

Ключевые слова: государственная политика; реставрация; консервация; финансирование; культовые объекты.

В соответствии со статьёй 82 Кодекса Республики Беларусь от 20 июля 2016 года № 413-З «О культуре» (далее – Кодекс о культуре), «Историко-культурное наследие Беларуси представляет собой совокупность наиболее отличительных результатов и свидетельств исторического, культурного и духовного развития народа Беларуси, воплощенных в историко-культурных ценностях [1]. Для нашего народа сохранение культурно-исторического наследия является средством спасения от проявлений «манкуртизма» (потери социальной памяти, утраты связи с родной историей, культурой), способствует духовному единению нации. Именно поэтому в процессе становления

Республики Беларусь как независимого государства сохранение и изучение историко-культурного наследия становится одной из приоритетных задач.

Государственная политика по сохранению историко-культурного наследия в Беларуси регулируется законодательными актами, ключевым из которых является Кодекс Республики Беларусь о культуре, а также программными документами, такими как Государственная программа «Культурное пространство» на 2026–2030 годы (подпрограмма «Культурное наследие»).

Кодекс о культуре определяет порядок охраны, учёта и использования материальных и нематериальных ценностей, права и обязанности собственников объектов историко-культурного наследия, а таковыми могут быть как государство, так и административно-территориальные единицы, юридические лица, граждане, в том числе и предприниматели. Причём всем собственникам запрещается уничтожение историко-культурных ценностей, причинение вреда, изменение историко-культурной ценности, выполнение научно-исследовательских и проектных работ без разрешения соответствующих органов [1, ст. 71–74]. Подпрограмма «Культурное наследие», направленная на обеспечение поддержки деятельности в области сохранения культурного наследия, в качестве ключевых направлений работы выдвигает: осуществление целенаправленных действий по обеспечению сохранности историко-культурных ценностей и доступа к ним; проведение реставрационных и консервационных работ на объектах культурного наследия, в том числе религиозного значения [2].

Для учёта и систематизации данных об историко-культурном наследии в Беларуси сформирован Государственный список историко-культурных ценностей и создан Банк сведений об историко-культурном наследии Республики Беларусь. По Брестской области в Государственный список историко-культурного наследия включены 774 историко-культурные ценности, из них 341 памятник архитектуры [3]. Значительное число памятников архитектуры – это культовые объекты, принадлежащие различным конфессиям. В этих объектах воплощены не только лучшие черты художественных стилей, которые доминировали на территории Беларуси в предшествовавшие эпохи, но и находит проявление глубокая внутренняя религиозность белорусского народа, а также присущая ему веротерпимость.

Предложение о придании объекту статуса историко-культурной ценности подается местным исполнительным и распорядительным органом базового уровня (районным или городским исполкомом), на территории которого находится объект. В Республике Беларусь культовые объекты (храмы, монастыри, часовни) попадают в Государственный список историко-культурных ценностей через процедуру придания им специального статуса согласно Кодексу о культуре [1, ст. 85–93]. С 1 января 2023 года право

принимать окончательное решение о присвоении статуса историко-культурной ценности принадлежит исключительно Министерству культуры Республики Беларусь. Придание объекту статуса историко-культурной ценности предполагает проведение предварительной научной экспертизы с целью подтверждения особой исторической, архитектурной или художественной значимости объекта, его подлинности (авторство, сохранность первоначального облика), что в Беларуси, где храмы многократно перестраивались, переходили от одной конфессии к другой представляется задачей исключительно сложной.

Включение объекта в Государственный список историко-культурных ценностей накладывает на собственника, или пользователя (часто таковыми являются религиозные общины) серьёзные обязательства (строгие ограничения на любые ремонтные работы, реконструкцию, перепланировку и даже внутреннее убранство) и требует значительных финансовых затрат. Расходы на ремонт и реставрацию таких объектов, связанные с привлечением специализированных лицензированных организаций, значительно превышают расходы на ремонт объектов, не имеющих статус историко-культурной ценности.

Выполнение охранных обязательств для пользователей культовых объектов, которые продолжают использоваться по прямому назначению (богослужение), также представляет большую сложность в виду существующего противоречия с требованиями максимальной сохранности исторической среды.

Проблема финансирования ремонта и реставрации культовых объектов является исключительно сложной. Выделение средств из государственного бюджета и фонда Президента Республики Беларусь по поддержке культуры и искусства нельзя признать достаточным в виду ограниченности бюджетных средств. Согласно действующему законодательству, государственное финансирование направляется, прежде всего, на объекты категории «0». Однако в единственном культовом объекте Брестской области этой категории – Троицком костёле в деревне Чернавчицы – реставрационно-восстановительные работы в 2010–2011 годах проводились только силами религиозной общины.

Из местного бюджета чаще выделяются средства на те культовые объекты, реставрация которых путём включения в туристические маршруты сулит определённые экономические выгоды и открывает возможности в сфере инфраструктуры. В реставрации некоторых культовых объектов участвуют предприятия и меценаты. На Брестчины активно работают брестские филиалы ОАО «Белреставрация» и частные специализированные компании (например, ООО «Реставрацияинвест», ООО «Тавральп» и др.), которые инвестируют в собственные технологические мощности и компетенции для проведения

сложных высотных, кровельных и фасадных работ на культовых объектах. Промышленные предприятия Брестской области финансируют реставрацию культовых объектов (храмов, монастырей, мемориальных комплексов) через целевую спонсорскую помощь, получая налоговые преференции. Они осуществляют безвозмездную передачу строительных материалов, выделение спецтехники и прямые пожертвования.

Для знаковых руинированных объектов, которые имеют статус историко-культурной ценности, государство разрабатывает концепции вовлечения в туристический оборот, где функции заказчика берет на себя Управление капитального строительства (УКС), но к реализации привлекаются подрядчики и частные инвесторы. Примером такого сотрудничества стали масштабные работы по консервации аутентичных руин монастырского комплекса XVII века в Бресте (руины монастыря бернардинок). Источником финансирования является государственная программа «Культурное пространство», а балансосодержателем, координирующем работы по проектированию и восстановлению – отдел культуры Брестского облисполкома.

Бернардинский монастырь – уникальный объект, единственный оставшийся от средневекового Бреста. В июле текущего года Министерство культуры поддержало предложение горисполкома о необходимости проведения детального обследования технического состояния историко-культурной ценности, археологических изысканий с участием НАН Беларуси. В результате было принято решение о консервации объекта с тем, чтобы максимально сохранить фундаменты и подвальные помещения. Силами городского ЖКХ уже благоустроена прилегающая территория. В перспективе будет открыт внутренний двор для посещения туристов, в одном из помещений организуют показ артефактов, а окна защитят решетками [4].

Начавшаяся реконструкция картезианского монастыря в Берёзе предусматривает не просто консервацию сохранившейся кирпичной кладки, а полноценное приспособление старинных построек под современный туристический комплекс. Финансирование работ осуществляется из местного районного бюджета, а также с использованием благотворительных сборов (Березовский районный исполнительный комитет официально открыл благотворительный счёт) [5].

С привлечением средств районного и областного бюджетов, фонда Президента Республики Беларусь по поддержке культуры и искусства, финансовой помощи спонсоров, активном участии специалистов «Брестреставрации» к январю 2026 года была восстановлена часовня-усыпальница рода Ожешко в агрогородке Закозель Дрогичинского района. Объект уже используется как многофункциональный выставочный зал для проведения выездных экскурсий и выставок [6].

Отдельные культовые объекты Брестчины восстанавливались при поддержке иностранных инвесторов, хотя использование международных грантов практически приостановлено из-за санкций. Реставрация Троицкого костела в Волчине (Каменецкий район) первоначально финансировалась за счёт частных пожертвований и средств европейских фондов, специализирующихся на охране исторического наследия. Исполнителем стала польская реставрационная компания «Реноватор» под руководством Виктора Вилька. После смерти Виктора Вилька процесс реставрации координировал настоятель храма Андрей Бородич, используя средства, выделенные ОАО «Беловежский», Каменецким райисполкомом, благотворителями [7].

Примером успешного международного сотрудничества в реставрации культовых объектов является реализация проекта росписи интерьеров и обновления мраморного пола в Воскресенском соборе Бреста, осуществляемого при поддержке российского фонда «Иннотех XXI» и частной реставрационной компании «Вифания», а также реализация проекта фонда «Иннотех XXI» по восстановлению Гарнизонного храма Святителя Николая в мемориальном комплексе «Брестская крепость» [8].

Естественно, Белорусская православная церковь, Римско-католическая церковь и другие объединения сами собирают пожертвования прихожан и выделяют внутренние ресурсы на ремонт храмов, хотя эти средства, как правило, невелики.

Учитывая вышесказанное, вполне объяснимым представляется тот факт, что некоторые религиозные общины, опасаясь излишнего контроля со стороны государства, вмешательства светских органов в жизнь прихода и увеличения финансовой нагрузки не стремятся к приданию культовому объекту статуса историко-культурной ценности.

Следует иметь в виду, что реставрация культового объекта с последующим либо продолжающемся его использованием по прямому назначению всегда является реализацией концепции «стилистической реставрации», т. е воссозданием облика этого объекта конкретной эпохи и стиля с уничтожением черт других эпох и стилей. При такой целостной реставрации «аутентичность всё равно будет страдать, так как любая реставрация – это перестройка и избавление от чего-то». С другой стороны, ремонтные работы, осуществляемые по инициативе религиозной общины, зачастую просто спасают старые здания, годами дожидающиеся научной (правильной) реставрации, от разрушения. Например, храм Воздвижения Креста Господня в агрогородке Вистычи (бывший костёл Святой Софии), памятник архитектуры в стиле позднего барокко. В церкви по инициативе настоятеля в 2011 году начались ремонтно-восстановительные работы с использованием современных качественных материалов, благодаря чему

полуразрушенное здание приобретает презентабельный и величественный вид, хотя уже и не может считаться воплощением стиля позднего барокко.

Примером реализации уникального опыта реставрации культового сооружения можно признать перестройку Свято-Николаевской церкви в деревне Малые Мурины Каменецкого района, возведённой в 1760 году. По согласованному с Министерством культуры проекту была осуществлена разборка сооружения и его воссоздание с использованием технологий XVIII века. Стены выкладывали из бруса, основой которого стали 180-летние сосны. При строительстве использовались наиболее сохранившиеся части и элементы старой церкви [9].

Сложная ситуация возникает вокруг памятников полесского деревянного зодчества, которыми богата Брестская земля. Благие намерения спасти и восстановить церковь, не дожидаясь централизованного выделения средств на реставрацию и кажущаяся простота задачи (в сравнении с монументальными каменными сооружениями) нередко толкают религиозную общину на проведение ремонтных и восстановительных работ, которые приводят к утрате аутентичности объекта. Например, в церкви Рождества Пресвятой Богородицы в деревне Радчицк (Столинский район), памятнике позднего классицизма, построенной в 1837–1841 годах, и церкви Рождества Богородицы в деревне Рухча (Столинский район), построенной в 1730 году с сочетанием народных строительных традиций и элементов барокко, были проведены ремонтно-реставрационные работы (наружные стены обшиты вагонкой, окна заменены на пластиковые) без подготовки проекта, утверждённого Министерством культуры [10]. За нарушение Закона о культуре настоятели храмов зачастую подвергаются штрафам. Имеют место также исключения объектов из Госсписка, лишение охранного статуса из-за сильного износа (как в случае с древней деревянной церковью в аг. Степанки Жабинковского района, сильно пострадавшей от пожара). В стадии обсуждения находится вопрос о лишении статуса историко-культурной ценности Костёла Святого Духа (возле деревни Язвины Дрогичинского района) по причине его сильного разрушения.

К сожалению, в реставрационной практике Беларуси имеет место так называемая «луковизация» (антиреставрация), когда в ходе обновления старинных храмов барочного, готического или классического стиля их оригинальные купола заменяют на золоченые луковичные главы в ретроспективно-русском стиле, что полностью уничтожает их аутентичность. Например, деревянную Свято-Георгиевскую церковь XVIII века в Воловеле Дрогичинского района – образец полесского зодчества с элементами барокко – обшили сайдингом под брус и добавили три луковичные главки вместо бывших шестигранных. В ходе реставрации Костёла Святого Покрова (ныне – храма Покрова Пресвятой Богородицы) в деревне Малые Щитники Брестского района, построенного в XVIII веке в стиле зрелого барокко, каменные стены

обшили сайдингом, а традиционную для барокко сигнатурку (изящную тонкую башенку) заменили луковичной главой, что абсолютно не соответствует первоначальной барочной композиции храма.

К сожалению, уникальные деревянные церкви Полесья после проведения ремонтно-восстановительных работ, нарушающих их аутентичность, теряют потенциальную возможность включения в Список всемирного наследия ЮНЕСКО. Международная хартия по консервации и реставрации исторических памятников и достопримечательных мест, принятая 31 мая 1964 года с большой категоричностью настаивает на приоритете консервации перед реставрацией, требует сохранения всех исторических наслоений и ограничивает возможность введения дополнений. Поэтому международные эксперты предъявляют жесточайшие требования к сохранности первоначального вида памятника.

Подводя итог, отметим, что в Брестской области в контексте реализации государственной политики Республики Беларусь по сохранению историко-культурного наследия проводится значительная работа по выявлению и включению в Госсписок объектов архитектуры культового назначения, по их консервации и реставрации. Наиболее успешно осуществляется реставрация объектов, получивших целевое финансирование и имеющих потенциальную возможность включения в туристические маршруты. Сохранность и реставрация культовых объектов, используемых по прямому назначению, осуществляется менее успешно ввиду недостатка финансовых средств и проведения ремонтно-восстановительных работ без разработки проектов, утверждённых Министерством культуры.

Список источников и литературы:

1. Кодекс Республики Беларусь о культуре : Кодекс Республики Беларусь от 20 июля 2016 г. № 413-З : принят Палатой представителей 24 июня 2016 г. : одобрен Советом Республики 30 июня 2016 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=Hk1600413 (дата обращения: 09.09.2026).

остановление Совета Министров Республики Беларусь от 30 декабря 2025 года № 800 О Государственной программе «Культурное пространство» на 2026–2030 годы // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://adu.by/images/2026/normativnye-dokumenty (дата обращения: 12.09.2026).

сторико-культурное наследие Брестской области // сайт Брестского областного исполнительного комитета. – URL: https://brest-region.gov.by/ (дата обращения: 12.10.2026).

оманюк, С. Руины монастыря бернардинок в Бресте ждет консервация // БЕЛТА. – U

ребенников, Н. Белорусам предложили профинансировать ремонт двух исторических зданий // 1PROF.BY. Федерация профсоюзов Беларуси. – URL: :

– Дата публ.: 12.01.2026.

https://1prof.by/news/stil-zhizni/belorusam-predlozhili-profinansirovat-remont-dvuh-istoricheskih-zdanij/. – Дата публ.: 27.11.2025.
осстановленную каплицу-усыпальницу рода Ожешко открыли в Дрогичинском районе 22 января // Сайт Министерства культуры Республики Беларусь. – URL: https://kultura.by/news/vosstanovlennuyu-kaplitsu-usypalnitsu-roda-ozheshko-otkryli-v-drogichinskom-rayone-22-yanvarya/. – Дата публ.: 23. 01.2026.
озлович, В. Душа ожила // SB.BY. – URL: https://www.sb.by/articles/dusha-ozhila.html. – Дата публ.: 29.12.2020.
рхиепископ Брестский и Кобринский Иоанн благословил начало работ Фонда Иннотех XXI в Брестской крепости // сайт Благотворительного фонда возрождения русской церковной архитектуры Иннотех XXI. – URL: HYPERLINK "https://templerevival.com/brestnikola/tpost/12mggbgmz1-a
еревянную церковь XVIII века восстанавливают в Каменецком районе // Белта – URL: h
Столинском районе незаконно реконструировали церковь XVIII века // Белта – URL: i
e
p
i
s
k
o
p
-
b
r
e
s
t
s
k
i
i
-
i
k
o
b
r
i
n
s
k
i
i

УДК 316.6

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ МОЛОДЕЖИ В КОНТЕКСТЕ ПРОВЕДЕНИЯ КОНКУРСА ИНФОГРАФИКИ

Е. Г. Кудрицкая, О. П. Бурко, Ю. Д. Данилов
старшие преподаватели кафедры гуманитарных наук
Беларусь, г. Брест, БрГТУ

Аннотация. Профессиональное самоопределение является фундаментальным и ключевым компонентом не только для молодого поколения, но и тем значимым приоритетом, который определяет будущее всего общества. В статье рассматривается проблема профессиональных ценностей современной молодежи. Особое внимание уделяется конкурсу инфографики «Моя профессия – профессия будущего», который проводится в Брестском государственном техническом университете кафедрой гуманитарных наук в течении пяти лет. Данный конкурс направлен на формирование профессиональных ценностей молодежи, помогает делать осознанный выбор и развивает ключевые компетенции, необходимые в самых разных сферах современного общества.

Ключевые слова: молодежь; профессиональные ценности; инфографика; конкурс инфографики.

Изменения, прошедшие в последнее десятилетие в ценностной системе общества, изменили отношение современной молодежи к труду и его место в

иерархии базовых ценностей. Профессиональные ценности и установки формируются в течение длительного периода, закладываются в семье, в системе учреждений образования в процессе первичной трудовой социализации. Они ориентируют и определяют профессиональный выбор личности и развивают стремление к достижению успеха в карьере. На сегодняшний день профессиональное самоопределение является фундаментальным и ключевым компонентом не только для молодого поколения, но и тем значимым приоритетом, который определяет будущее всего общества. 18–19 декабря 2025 года в столичном Дворце Республики председатель Всебелорусского народного собрания А. Г. Лукашенко, подводя итоги второго заседания, особо отметил: «То, как мы будем жить завтра, зависит от каждого из нас и от нашего единства. Будем едиными, сплоченными – будем сильными, а будем сильными – страна будет мирной и процветающей» [1].

Важно отметить, что в последние десятилетия наблюдается тенденция к индивидуализации ценностей. Если в советский период система ценностей молодежи была ориентирована на общественные интересы, то сегодня доминирующими стали интересы личного успеха. При этом труд часто рассматривается как индивидуальная активность, направленная на реализацию интересов, профессиональных навыков и достижение материального благополучия, а не как общее благо. Исследования последних лет показывают, что профессиональное самоопределение молодежи не всегда происходит осознанно, что может приводить к разочарованию в выбранной профессии или смене сферы деятельности. Проведенные БИСИ в 2024 и 2025 годах мониторинги настроений в трудовых коллективах, демонстрируют некоторые различия в ценностно-мотивационной матрице разных поколений работников [2]. Так, у молодежи (до 31 года) ценности смещаются в сторону индивидуализма и прагматизма: для нее ключевыми являются высокая заработная плата (83 % – в 2024 году и 87 % – в 2025 году), интересный по содержанию труд и комфортные условия работы. Хотя социальный пакет в целом для молодых работников менее важен, растет значимость помощи предприятия в решении жилищного вопроса (48 % – в 2024 году, 55 % – в 2025 году) (рисунок 1).

Среднее поколение работников (от 31 до 50 лет) находится в наиболее ответственном положении: чтобы оставаться конкурентоспособными, они вынуждены постоянно повышать квалификацию и адаптироваться к технологическим изменениям. Выступая мостом между молодежью, стремящейся к инновациям, и старшим поколением, приверженным традициям, опытные менеджеры и компетентные специалисты играют ключевую роль в развитии предприятий. Для этой группы почти в равной

степени важны и высокий уровень оплаты – 77 %, и стабильное развитие предприятия –75 % (рисунок 1).

Старшее поколение работников (50 лет и старше) проявляет высокую самоотдачу при меньших притязаниях к условиям труда, их профессиональный опыт обеспечивает преемственность. При этом старшему поколению работников свойственно сдержанное отношение к модернизации. Демографические тренды (увеличение количества пожилого населения и продолжительности жизни) способствуют повышению значимости поколения 50+ в современных трудовых отношениях (рисунок 1).

Рисунок 1 – Различия в ценностно-мотивационной матрице разных поколений работников

Таким образом, профессиональные ценности молодежи – это подвижная и динамичная система, которая отражает как внутренние установки личности, так и внешние социальные, экономические и технологические условия. Современная молодежь довольно активна и предприимчива, она достаточно легко вписывается в современные трудовые отношения и в процессе трудовой реализации рассчитывает, в первую очередь, на свои собственные силы и возможности. Сегодня важно акцентировать внимание на активизации мотивационной составляющей трудовой деятельности, которая поможет грамотно в перспективе сформировать профессиональные ценности молодого поколения, необходимые для быстрой и безболезненной адаптации в любых социально-экономических и культурных обстоятельствах.

В данном контексте необходимо постоянно направлять, стимулировать и контролировать творческую активность молодежи, и в этом большая роль отводится проводимым мероприятиям, позволяющим интегрировать молодежь в культуру современной цивилизации, принятия им ценностей и

правовых норм, социально-одобряемого образа жизни и поведения в сфере трудовых отношений, а также целостного мировоззрения, являющегося для общества системообразующим. Одним из таких методов, реализуемым в системе учреждений высшего образования, является организация и проведение конкурсов инфографики.

Инфографика – это современная технология подачи информации в виде визуальных образов. Она появилась более 25 лет назад на страницах зарубежных массовых периодических изданий. «Инфографика (от лат. informatio – осведомление, разъяснение, изложение; и др.-греч. γραφικός – письменный, от γράφω – пишу) – это графический способ подачи информации, данных и знаний, целью которого – быстро и четко преподносить сложную информацию. Это одна из форм информационного дизайна» [3]. Основными принципами инфографики являются содержательность, смысл, легкость восприятия и аллегоричность. Для создания инфографики могут использоваться таблицы, диаграммы, графические элементы и т. д.

Сегодня инфографика играет важную роль в формировании профессиональных ценностей молодежи, так как она упрощает восприятие информации, делает ее более наглядной и запоминающейся, а также способствует систематизации знаний и развитию критического мышления. В контексте профессиональных ценностей можно выделить следующие функции инфографики:

– упрощение сложных данных. Инфографика позволяет компактно и понятно представить большой объем информации – числовые данные, процессы, структуры, тенденции. Это помогает молодежи лучше ориентироваться в профессиональной сфере, понимать ее особенности и ключевые аспекты;

– привлечение внимания. Визуальные образы и яркая подача привлекают внимание, что особенно важно в условиях информационной перегрузки. Молодежь легче воспринимает информацию в визуальном формате, чем в текстовом;

– структурирование информации. Инфографика помогает систематизировать данные, выявлять связи между элементами, что способствует более глубокому пониманию профессиональных ценностей, норм и принципов;

– развитие критического мышления. Работа с инфографикой требует анализа информации, умения выделять главное, оценивать данные и использовать их в соответствии с собственными ценностями;

– формирование визуального мышления. Наглядные образы и структурные схемы влияют на развитие способности оперировать визуальными образами, что может отражаться на профессиональном самоопределении и выборе ценностей;

– информирование о профессиях и карьерных перспективах. С помощью инфографики можно наглядно представить востребованные профессии, тренды в разных сферах, возможности карьерного роста, что помогает молодежи в профессиональном самоопределении;

– стимулирование интереса к обучению. Яркая и современная форма подачи информации может повышать мотивацию к изучению профессиональных дисциплин и формированию профессиональных ценностей;

Инфографика оказывает непосредственное влияние на профессиональные ценности молодежи. Так, визуализация ключевых понятий и принципов помогает молодежи лучше усвоить и осознать их значимость в профессиональной сфере. Сравнение профессий позволяет наглядно демонстрировать различия между ними, их особенности и ценности, что способствует более осознанному выбору карьерного пути. Привлекательная форма подачи информации может стимулировать молодежь к изучению профессиональных дисциплин и формированию профессиональных ценностей. Кроме того, работа с инфографикой развивает умение анализировать данные, что отражается на способности молодежи оценивать информацию и принимать взвешенные решения в профессиональной сфере.

С 2021 года в Брестском государственном техническом университете социопсихологическая лаборатория кафедры гуманитарных наук ежегодно проводит конкурс инфографики «Моя профессия – профессия будущего». За последние пять лет в конкурсе приняли участие более 200 человек. Целью конкурса является формирование у студенческой молодежи представления о своей будущей профессии и возможных направлений профессионального развития в процессе обучения в университете, планирование профессиональной деятельности, реклама своей будущей профессии, факультета, университета. Участникам конкурса предлагается подобрать и визуализировать информацию по следующим направлениям: университет будущего, факультет будущего, специальность будущего.

Принять участие в конкурсе может любой желающий. Для этого необходимо создать инфографику (баннер, буклет, листовку или видеопрезентацию до 10 слайдов/кадров (длительностью до 1 минуты), отвечающую тематике конкурса и отправить в адрес оргкомитета свою работу и текстовое описание к ней (рисунок 2).

Рисунок 2 – Баннер в номинации «Мой университет – университет будущего»

Работа должна сопровождаться авторским текстом (коротким описанием не более 400 знаков с пробелами), который ее дополнит и объяснит ключевую идею. Представленный к конкурсу продукт (изображение, видео и текстовое описание работы) должны содержать в себе ссылки на источники данных, которые были использованы для создания инфографики/видеопрезентации. Все представленные на конкурс работы размещаются на сайте кафедры гуманитарных наук (www.kgn.bstu.by) для ознакомления и голосования. Определение победителей осуществляться профессиональным жюри с учетом результатов анонимного голосования посетителей сайта. Авторов лучших баннеров, видеороликов и иных произведений инфографики награждают дипломами лауреатов конкурса и призами профсоюзного комитета студентов. Все студенты, принявшие участие в конкурсе, получают Сертификат участника. Результаты конкурса учитываются при оценке научно-исследовательской работы студентов, профессиональной деятельности профессорско-преподавательского состава и научно-исследовательской работы кафедры гуманитарных наук.

Таким образом, проводимые в системе учреждений высшего образования конкурсы инфографики выступают не просто инструментом визуализации, но и средством формирования профессиональных ценностей молодежи, помогая ей лучше понимать мир профессий, делать осознанный выбор и развивать ключевые компетенции, необходимые в разных сферах современного общества.

Список источников и литературы:
1. Белорусское телеграфное агентство (БЕЛТА) : [сайт]. – Минск, 1991–2026. – URL: https://belta.by/president/view/poslanie-prezidenta-na-vsebelorusskom-narodnom-sobranii-glavnye-zajavlenija-lukashenko-754856-2025/?ysclid=mvy0ws8med359685613 (дата обращения: 21.09.2026).
2. Аналитика БИСИ. Профессиональные стратегии и трудовая мотивация: поколенческий аспект : [сайт]. – Минск, 2019–2026. – URL: https://socio.bisr.by/professionalnye-strategii-i-trudovaja-motivacija-pokolencheskij-aspekt/ (дата обращения: 24.09.2026).
3. Newsom, D. Public Relations Writing: Form \& Style / D. Newsom, J. Haynes. – Cengage Learning, 2010. – 448 p. – URL: https://archive.org/details/publicrelationsw0008news/page/n5/mode/2up (дата обращения: 25.09.2026).

УДК 253

ХРАНЕНИЕ СЕРДЦА В МИРЕ ЛАЙКОВ И РЕПОСТОВ: СВЯТООТЕЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ В ЭПОХУ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

Игумения Евфросиния (Куракевич)
настоятельница
Беларусь, г. Кобрин, Спасский женский монастырь

Аннотация. В статье исследуются мировоззренческих принципы святых отцов Православной Церкви в контексте вызовов постиндустриального общества. Эти, по-прежнему актуальные взгляды на природу человеческого поведения, учат применять результаты технологического прогресса во благо человечества, осознанно подходить к выбору потребляемого в социальных сетях контента, предостерегают от искушений виртуальной среды (тщеславия, резких обсуждений, зависти, уныния и других).

Ключевые слова: святоотеческое наследие; социальные сети; православие, технический прогресс; церковь.

Научно-технический прогресс непрерывно изменяет условия существования человека, открытия и технологии постоянно порождают мировоззренческие и этические вопросы, остро встающие перед обществом и Церковью.

Как известно, само слово «прогресс» означает «движение вперед» (лат. progressio). Движение предполагает определение начальной и конечной точек, что в свою очередь поднимает вопрос о цели и смысле этого движения. Таким образом, вопрос прогресса теснейшим образом связан с вопросом смысла жизни.

Уже в реалиях Библейской истории Ветхого Завета мы видим совершенно разные проявления результатов технических достижений того времени. Например, описание Ноева ковчега позволяет сделать вывод, что это был не просто «большой ящик», а комплекс современных решений, направленных на одну сверхзадачу: сохранить жизнь во время катастрофы. Но ключевой смысл этого библейского повествования – не гениальность Ноя как инженера, а его послушание и вера. Бог дал четкое «техническое задание», и Ной его выполнил. В этом смысле ковчег – не столько пример самостоятельного скачка в технологиях (а это и выбор материала, и способы герметизации стыков, и продуманная планировка с элементами жизнеобеспечения, и конструктивные решения для устойчивости), сколько иллюстрация того, как разум и творчество человека, направленные на решение конкретной жизненно важной задачи и освященные высшей целью, дают положительный результат.

Но из последующих глав Библии мы видим, как при общем обмирщении, секуляризации жизни человека – в том числе искусства, архитектуры, науки, – начинается их деградация. И поэтому совсем иной результат в библейском повествовании о строительстве Вавилонской башни. К тому времени, после Всемирного потопа, люди научились делать кирпичи, возводить многоярусные сооружения. В Библии прямо сказано: люди решили «*построить себе город и башню, высотою до небес, и сделать себе имя*» (Быт. 11,4). То есть их цель была не в том, чтобы решить какую-то практическую задачу или улучшить жизнь, а в гордом самоутверждении. Они хотели собственными силами «достичь небес» в буквальном смысле, а по сути – попытаться заменить собою Бога. Поэтому Господь и вмешался. То есть важно то, куда направлены усилия и какие цели движут людьми. Если прогресс служит благу, развитию, помощи ближним – в этом нет греха. Но когда масштабные проекты, пусть даже очень технологичные, строятся на гордыне, на стремлении к власти, культе собственного «я» или попытке построить «земной рай» без Бога – вот тогда возникает параллель с Вавилонской башней.

Если мы обратимся к более позднему времени, то, конечно, понятие «технический прогресс» в современном смысле христианам, например, IV века, разумеется, было незнакомо – ни машин, ни индустрии тогда не существовало. Но у них были свои «технологии цивилизации»: развитое градостроительство, ремесла, инженерия (акведуки, дороги, механизмы), торговля, театры, цирки, и – роскошь и зрелища, которые цивилизация порождала. Святые отцы Православия того времени говорили именно об этом – о том, как материальный и культурный расцвет Римской империи влияет на душу человека. И их оценки были гораздо тоньше простого «хорошо» или «плохо».

Например, святитель Иоанн Златоуст (≈347–407) был самым непримиримым критиком тех проявлений цивилизации, которые, по его словам, развращают человека. Златоуст видел, что зрелища не просто развлекают – они меняют восприятие реальности. По его мнению, человек, вернувшись из театра, уже не удовлетворен собственной жизнью: «*Твое жилище кажется тебе слишком простым, чтобы нравиться, потому что своим духом ты все еще живешь среди блеска театральных подмостков; твоя жена тебе уже не нравится, потому что она не красива и не так роскошно одета, как та актриса или танцовщица, которой ты только что рукоплескал*» [1, с. 860].

Его современник святитель Василий Великий (≈330–379) уже в то время говорил о важности учить человека верно оценивать информацию, а не просто ограждать от нее. Он приводил следующую аналогию: пчела садится на разные цветы, но берет у каждого лишь то, что пригодно для производства меда [2, с. 312].

Третий из великих каппадокийцев святитель Григорий Богослов (≈329–390) подчеркивал пределы разума в познании мира: как бы далеко ни продвинулась наука, она не может ответить на главные вопросы – «кто создатель?», «что изначально привело в движение вселенную?» – это, считал он, остается достоянием религиозного опыта.

Святые отцы Православной Церкви и первых, и средних веков, и более позднего времени не были ни «технофобами», ни «технофилами» – этих категорий для них не существовало. Но они четко видели то, что актуально и сегодня: цивилизация и ее достижения нейтральны сами по себе, но дух человека находит им либо доброе, либо злое применение. Общая мысль, которая сквозит в их высказываниях на эту тему – это тревога о том, как человек использует плоды своего ума.

Одно из проявлений технического прогресса нашего времени – социальные сети – стали неотъемлемой частью жизни подавляющего большинства людей. Да, они используются для благотворительности, образования, миссионерства, связи между людьми, что особенно актуально для людей с ограниченными возможностями. Но в то же время чрезмерное пребывание в соцсетях таит в себе духовные опасности. Монастыри, как пользователи технических новшеств, реагируют на стандарты поведения, навязываемые современным миром, не одними лишь запретами, но в этом противостоянии используют традиционные монашеские инструменты. Один из них – учение святых отцов, которое позволяет с духовной рассудительностью выстроить осознанную тактику.

Духоносные старцы не писали про алгоритмы и лайки, но принципы, которыми они руководствовались в духовной жизни, актуальны и в наши дни. Что же говорит нам святоотеческий опыт, как может меняться состояние

сердца, что может произойти с душой человека, если виртуальная среда вытесняет реальную жизнь и становится не инструментом, а средой обитания? Вот лишь некоторые аспекты.

Тщеславие. Оно в святоотеческой традиции считается одной из самых тонких, трудноуловимых страстей. Святитель Игнатий (Брянчанинов) (XIX в.) называл тщеславие страстью, которая «*обладает всеми людьми без исключения*» и «*все другие страсти служат ему как бы инструментами*» [3, с. 19–20].

Социальные сети устроены так, что постоянно предлагают человеку публику. Лайки, репосты, комментарии, подписчики – все это механизмы внешней оценки, которая очень быстро начинает восприниматься как мера истинной человеческой ценности. И пользователь постепенно начинает жить напоказ: формирует образ, подбирает слова, выбирает фотографии так, чтобы получить максимальный отклик. Это и есть тщеславие в чистом виде – желание казаться, а не быть.

Апостол Павел писал предельно просто: «*Не тот достоин, кто сам себя хвалит, а тот достоин, кого хвалит Бог*» (2 Кор. 10,18). Т. е. самовосхваление – это признак тщеславия и самообмана, а истинная похвала и достоинство заключаются в одобрении и благословении со стороны Господа. Преподобный Исаак Сирин (VII в.) предупреждал: «*Не хвались никогда в речах своих делами своими, чтобы не быть посрамленным. Во всем, чем ни хвалится человек, Бог попускает ему изменения, чтобы он был уничижен, и через это научился смирению*» [4, с. 512]. Валаамский старец схиигумен Иоанн (XX в.) наставлял: «*Надо бояться похвалы, ибо она воспитывает тщеславие и самомнение; горе, если похвала будет выше дел*» [5, с. 21]. В контексте соцсетей это, по сути, призыв не превращать ленту в отчет о собственных «достижениях».

«*Иногда хорошие по видимости начинания приводятся в исполнение ради славы и людской похвалы, а это перед Богом равно неправде, воровству и другим грехам*», – писал преподобный Иоанн Лествичник (VII в.) [6, с. 158] Т. е. святые отцы предупреждают: такое хвастовство может привести к тому, что человек в итоге лишится подлинной, внутренней радости «доброделания» и даже духовной награды за добрые дела.

К сожалению, соцсети в целом близки к тому, чтобы именоваться «ярмаркой тщеславия», где люди выставляют напоказ поездки, покупки, детали быта. Такая «жизнь нараспашку» может привести к рабской зависимости от чужого мнения. Да и в целом, счастье любит тишину – это выражение говорит о том, что подлинное, глубокое счастье и внутренняя гармония не нуждаются в публичной демонстрации. Преподобный Никодим Святогорец (XIX в.) наставлял: «*Никогда не говори о себе самом, о своих делах или о своих родных, исключая случаи, когда это необходимо*» [7, с. 343].

Конечно, для человека естественно делиться своей жизнью, но значение имеют мотив и мера. В качестве самопроверки можно задавать себе вопросы: «С какой целью я это публикую? Ищу ли я похвалы или действительно хочу поделиться чем-то полезным?», «Не отвлекает ли это меня от подлинной жизни и реальных отношений?».

Святые отцы часто советовали в борьбе с тщеславием прибегать к хранению уст (т. е. быть сдержаннее в словах). Старец архимандрит Иоанн (Крестьянкин) (XX в.) давал такой совет: «*Прежде, чем браться за перо, надо ответить себе самому на множество вопросов. А надо ли? А своевременно ли? А могу ли я? И есть ли мне что сказать*?» [8, с. 123]. В цифровую эпоху это может означать более ответственный подход к своему контенту. Да и в целом хорошо бы помнить выражение из книги Притчей Соломоновых: «*Кто свои уста стережет – жизнь сбережет, а кто несдержан на язык – себя погубит*» (Притч. 13,3).

Гордость в соцсетях проявляется через гневные споры, через обличение других, через демонстрацию собственной правоты. В интернет-среде, где нет живого собеседника перед глазами, виртуальное общение часто провоцирует более резкую реакцию, чем реальное, и очень легко перейти от обсуждения – к осуждению. Святитель Кирилл Александрийский (V в.) указывал: «*Излишние разглагольствования и большая охота спорить о ненужных вопросах производят ссоры и поражают ум слушателей*» [9, с. 74].

Это же отмечает святитель Иоанн Златоуст: «*Ничто так не замутняет чистоту ума и ясность мыслей, как гнев бесчинный и проявляемый с больши́м неистовством*» [10, с. 312]. То есть здесь даже прослеживается взаимосвязь между спорливостью и когнитивными способностями. В целом главный принцип такой: в любой дискуссии, особенно в интернете, христианин призван сохранять мир в душе и не позволять страсти взять верх. Если чувствуете, что спор начинает разрушать этот мир, – лучше отступить, уступив место молчанию. Большая духовная сила заключается в человеке, который может промолчать, даже если он прав.

Проникновенные слова оставил нам святитель Николай Сербский (XX в.): «*Христос искал в каждом человеке хорошее, а мы ищем злое. Христос искал в людях добро, желая их оправдать, а мы ищем злое, чтобы их осудить. Христу было больно говорить о чужих грехах, а нам это приятно. Христос словом обращал грешников в праведников, а мы словами делаем из грешников еще бóльших грешников. Христос спасал людей, а мы их губим. В этом разница. Но ведь и мы можем быть подобны Христу*» [11, с. 51].

Еще одна опасность – зависть, которая, в свою очередь, неразрывно связана с унынием. Социальные сети создают иллюзию, что у других людей жизнь ярче, успешнее, красивее. Вдумайтесь, ведь любая лента – это отобранный, отретушированный, смонтированный материал. Никто не

выкладывает свои скучные будни, свои сомнения и неудачи в тех же пропорциях, в которых они существуют в реальной жизни. Но на фоне якобы «яркой», насыщенной и иллюзорно успешной жизни других собственная жизнь начинает казаться тусклой. Святитель Василий Великий называл зависть «преддверием ада» [12, с. 412], потому что завистливый человек мучается не собственным несчастьем, а чужим счастьем. В соцсетях имитация чужого счастья подается непрерывным потоком, и душа, не умеющая радоваться чужому благу, истощается от постоянного сравнения и приходит в уныние, которое подпитывается чувством собственной неполноценности, обидой, злостью, а порой и ненавистью. А как писал блаженный Августин (V в.), «*ненавидеть – это как самому пить яд, в надежде на то, что умрет другой человек*» [13, с. 112]. «*Корабли тонут не из-за той воды, которая их окружает, но из-за той, которая попадает в них. Не позволяйте, чтобы то, что вас окружает, наполняло вашу душу и тащило вас ко дну*», – предупреждал Патриарх Сербский Павел (XX в.) [14, с. 127].

Уныние в православной традиции – не просто плохое настроение, это серьезная страсть, которая парализует духовную жизнь, влечет за собой потерю интереса к отношениям, к делам, которые раньше доставляли радость, охлаждение к молитве. В попытке убежать от такого состояния человек может в качестве отвлекающего маневра еще глубже уходить в соцсети в поиске суррогата радости. Но в итоге время уходит, а внутри – все та же пустота, потому что без Бога везде пусто.

И еще одно из фундаментальных последствий чрезмерного скроллинга – рассеянность внимания. Святые отцы неоднократно говорили о том, что внимание есть начало духовной жизни. Преподобный Иоанн Лествичник называл внимание «телохранителем ума» [6, с. 218]. Без внутренней собранности невозможна ни молитва, ни покаяние, ни сколько-нибудь глубокое размышление. Без этого навыка невозможна ни учеба, ни профессиональная деятельность. Человек, чье внимание постоянно перебегает с одного поста на другой, с одного видео на следующее, постепенно вообще теряет способность к сосредоточению. Это не просто психологическая проблема – она духовная: рассеянный ум неспособен находиться наедине с собой, неспособен слышать Бога. Но именно в тишине человек способен встретить себя и – в перспективе – Бога. *«В тишине и уповании будет ваша сила»*, – писал пророк Исаия (VIII в. до н.э.) (Ис. 30,15).

Митрополит Антоний Сурожский (XX в.) говорил о том, что человек может быть «всеми силами души» обращен к Богу, а может быть – «распылен». Социальные сети – мощнейший инструмент распыления. Лента устроена так, чтобы не давать остановиться: новый контент подкачивается непрерывно, и ум скользит по поверхности, не задерживаясь ни на чем.

С православной точки зрения это прямая противоположность тому, к чему призван христианин. Трезвение – бдительное, собранное состояние ума (в святоотеческой традиции это называется хранением ума) – считается одним из важнейших условий духовного здоровья. Человек как бы стоит на страже своего ума и сердца: замечает возникающие помыслы, чувства, импульсы и сознательно решает: что впускать в себя, а что отсекать. В среде соцсетей трезвение позволяет не стать пассивным потребителем потока информации. «*Непрестанно борись с парением твоих мыслей*, – учит преподобный Иоанн Лествичник, – *и когда ум рассеялся, собирай его к себе»*. И далее он утешает: *«Не скорби, будучи расхищаем мыслями, но благодушествуй и непрестанно воззывай ум ко вниманию, ибо никогда не быть расхищаемому мыслями свойственно одним лишь ангелам*» [6, с. 184].

За время всемирной истории с точки зрения целеполагания ничего не меняется в человеческой жизни, меняются только формы искушений. И задача каждого поколения – распознать их и найти силы им не подчиниться.

В рамках одного доклада невозможно полностью раскрыть эту тему, но с учетом вышесказанного хочется повторить, что мы должны осознанно походить не только к выбору потребляемого нами контента, но и с ответственностью за тот, который публикуем сами.

В Деяниях апостольских (Деян. 5,15) мы читаем, что даже тень апостола Петра исцеляла больных, когда он проходил мимо. Понятно, что исцеляла не сама тень как физическое явление, исцеляла Божия благодать, связанная с жизнью и служением апостола. В нравственном отношении каждый человек «отбрасывает тень», т. е. оставляет свой след в жизни других людей. В наше время и цифровой след. И каждому из нас следует время от времени задумываться: а какова моя тень?

Вот как писал об этом митрополит Антоний Сурожский: «*Люди, встретившиеся нам на жизненном пути, воспринимают семена нашей личности, отмечены ею, и каждый, кого мы встретили, с кем общались, пусть мимоходом, продолжает приносить плоды нашей жизни. Эти плоды могут быть нашим осуждением, могут быть и нашим искуплением. Они могут быть нашей славой, могут быть и нашим стыдом, но они никуда не деваются. И при таком подходе оказывается, что там, в Вечности, нам придется нести ответственность и за чужие судьбы вокруг себя*» [15, с. 123].

Заканчивая свое выступление, резюмирую, что православная, в том числе и монашеская традиция предлагает не бегство от цифрового мира, а трезвое, рассудительное присутствие в нем. Человек призван быть не всеядным потребителем любого контента, а творцом жизни – и своей и тех, кто рядом. Преподобный Силуан Афонский (XX в.) предупреждал: «*Смотри,*

куда идешь, иначе придешь туда, куда смотришь» [16, с. 112]. И от того, на что мы тратим свое время, зависит то, кем мы становимся.

Возможно, все вышесказанное на первый взгляд покажется трудновыполнимым, а борьба с уже приобретенными привычками безнадежной. Действительно, само по себе человеческое усилие неспособно окончательно очистить сердце, это возможно только при содействии Божией благодати. Поэтому будем надеяться на Бога, а унывать не будем. И завершить хочу словами архимандрита Иоанна Крестьянкина: «*Много всякой техники попустил Господь изобрести человеку, и одни, пользуясь ею, спасаются, другие погибают уже здесь, на земле. Так что не бойтесь страха, там, где его нет. Живите по законам Божиим и отдавайте кесарю – кесарево, а Богу – Божие. И спасемся*» [17, с. 147].

Список источников и литературы:

1. Иоанн Златоуст, свт. Три беседы о Давиде и Сауле. Беседа 3 // Полное собрание творений святителя Иоанна Златоуста: в 12 т. Т. 4, кн. 2. – М. : Радонеж, 2005. – Репринт изд.: СПб. : Изд-во С.-Петерб. духовной академии, 1898.
2. Василий Великий, свт. // К юношам о том, как получать пользу из языческих сочинений // Творения: в 3 т. – М.: Сибирская благозвонница, 2008. — Т. 3.
3. Брянчанинов, И. Аскетические опыты. Часть I. Тщеславие / И. Брянчанинов // Полное собрание творений святителя Игнатия Брянчанинова: В 7 т. / Сост. и общ. ред. А. Н. Стрижев. – Т. 1. – М. : Паломникъ, 2006.
4. Исаак Сирин // Творения. – М. : Подворье Троице-Сергиевой Лавры, 2008.
5. Иоанн (Алексеев), схиигумен. Письма Валаамского старца схиигумена Иоанна своим духовным детям. — М.: Образ, 2010.
6. Иоанн Лествичник, преподобный. Лествица, или Скрижали духовные. — М.: Православный братство св. ап. Иоанна Богослова, 2001.
7. Никодим Святогорец, преподобный. Невидимая брань / пер. с греч. свт. Феофана Затворника. – М. : Изд-во Московского подворья Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 2011.
8. Иоанн (Крестьянкин), архим. // Письма архимандрита Иоанна (Крестьянкина). – Мн. : Изд-во Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря, 2000.
9. Кирилл Александрийский, свт. // О поклонении и служении в духе и истине. – М. : Сибирская благозвонница, 2009.
10. Иоанн Златоуст, свт. // О священстве. – М.: Сибирская благозвонница, 2005.
11. Николай Сербский (Велимирович), свт. // Собрание творений. Т. 1: Библейские темы. – М. : Паломник, 2005.
12. Василий Великий, свт. // О зависти // Избранные творения. – М. : Сибирская благозвонница, 2009.

13. Августин Иппонский, блж. // О граде Божьем. – М. : Сибирская благозвонница, 2016.
14. Патриарх Сербский Павел (Стойчевич) // Будем людьми! – М. : Издательство Московской Патриархии, 2014.
15. Антоний Сурожский, митр. // Встреча. – М. : Подворье Троице-Сергиевой Лавры, 2005.
16. Силуан Афонский, прп. // Старец Силуан. – М. : Паломник, 2005.
17. Иоанн (Крестьянкин), архим. // Письма. – М. : Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, 2000.

УДК 101.8

ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ХРИСТИАНСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ В ПОНИМАНИИ СВОБОДЫ ЛИЧНОСТИ ПЕРЕД ВЫЗОВАМИ ЦИФРОВОЙ ЭПОХИ

Е. А. Лагуновская
доцент кафедры всеобщей истории и политологии
кандидат философских наук, доцент
Беларусь, г. Брест, БрГУ им. А. С. Пушкина

Аннотация. Обосновывается понимание онтологической основы свободы и ценностного критерия различения подлинной и мнимой свободы в христианской антропологии как основы для развития критического мышления и медиакомпетентности как стратегий сохранения нравственной субъектности. Выявляется эвристический потенциал христианской антропологии в интеграции светского и религиозного дискурсов при социально-философском анализе свободы личности перед вызовами цифровой эпохи. Раскрывается перспектива такой интеграции для поиска новых оснований социальной солидарности в условиях цивилизационной турбулентности.

Ключевые слова: свобода личности; христианская антропология, ценности, молодежь; цифровые технологии; нравственная субъектность.

Актуальность осмысления свободы личности обусловлена развитием цифровых и биомедицинских технологий, порождающих антропологические вызовы, связанные с угрозой дегуманизации и редукции личности к цифровому профилю. Патриарх Кирилл отмечает, что «сознание наших детей, наша культура и идентичность не могут формироваться бездушными цифровыми системами или в угоду интересам, которые чужды священным для нас традициям», а задача духовенства – способствовать тому, чтобы «технологии оставались слугами человека, а не превращались в его

безжалостных господ» [1]. Христианская антропология, обосновывающая онтологическую укорененность и ценностное измерение свободы, отвечает на вызовы цифровой эпохи и обосновывает стратегии сохранения нравственной субъектности, особенно актуальные в условиях, когда цифровая среда все активнее влияет на поведение человека, а проблема свободы обретает экзистенциальное измерение.

Свобода личности – фундаментальная социально-философская категория, обозначающая способность к самоопределению, выбору целей и средств жизнедеятельности, действию по убеждениям. Она составляет онтологическое условие нравственного формирования, поскольку личность обладает неотчуждаемой ценностью, а автономия воли предполагает действие по самостоятельно установленному моральному закону. Свобода выступает не просто характеристикой индивидуального существования, но основанием социального бытия личности, ее способности к нравственному самоопределению и ответственному участию в жизни общества.

В истории философской мысли свобода осмысляется И. Кантом как врожденное свойство человека, позволяющее ему самому определять цели и характер поведения; это и есть человек [2, с. 45]. В русской религиозной философии В. С. Соловьев утверждает безусловное значение личности и ее достоинства, а Н. А. Бердяев понимает свободу не как привилегию или право, а как обязанность и религиозную добродетель: «Свобода не есть право, а есть обязанность. Свобода – религиозная добродетель» [3, с. 78]. Экзистенциальное измерение свободы получает развитие в философии духа митрополита Вениамина (Федченкова): «Свобода не может детерминироваться бытием, свобода не определяется даже Богом. Она укоренена в небытии» [4]. Это понимание утверждает активную роль личности в формировании ценностных ориентаций, противостоя пассивному усвоению алгоритмически заданных моделей поведения. Свобода предстает не как следствие социальных условий, но как трансцендентальное условие человеческого существования, позволяющее сохранять нравственную субъектность даже в условиях внешнего давления.

Принципиальное значение имеет различение индивидуальной и личностной свободы. Индивидуальная свобода, понятая как своеволие и отделение от других, в цифровом обществе легко превращается в иллюзию, навязанную алгоритмами. Подлинная свобода предполагает открытость к Другому и ответственность, раскрываясь в со-бытии и признании. Это различение присутствует как в христианской антропологии, так и в философии. Э. Фромм различает «свободу от» (негативную, освобождение от внешних ограничений) и «свободу для» (позитивную, творческую самореализацию) [5]. И. Берлин проводит аналогичное разграничение между негативной и позитивной концепциями свободы [6]. Это разграничение, общее

для социально-философской и религиозной мысли, позволяет выявить ценностный критерий различения подлинной и мнимой свободы в цифровую эпоху. Наличие этого общего проблемного поля создает основу для интеграции светского и религиозного дискурсов. В социально-философском осмыслении свобода предстает как процесс экзистенциального самоосуществления, в котором индивид, преодолевая границы детерминации, через рефлексию ценностных оснований выходит на уровень сознательного созидания. Его бытие становится не реакцией на обстоятельства, а творческим проектом, детерминированным личными устремлениями и пониманием духовного смысла ответственности.

Свобода является необходимым условием нравственного формирования, поскольку нравственность предполагает сознательное и добровольное следование ценностям. Патриарх Алексий II подчеркивал: «Вести людей к нравственному совершенству можно только путем свободы, ведь человек должен сознательно исполнять нравственный закон и гражданские установления» [7]. Это означает, что духовно-нравственное воспитание не может строиться на принуждении или манипуляции; оно предполагает создание условий для свободного принятия личностью традиционных ценностей и их творческого воплощения. Христианская антропология разрабатывает диалектику свободы «от» (вседозволенности) и свободы «для» (осознанного служения). Свобода неразрывно связана с ответственностью: быть свободным означает не только иметь возможность выбора, но и нести ответственность за его последствия. Духовно-нравственный потенциал свободы раскрывается в единстве автономии и ответственности, что позволяет противостоять цифровому детерминизму.

Цифровые технологии расширяют возможности человека, но одновременно создают условия для манипуляции сознанием и поведением, подрывающие основания свободы. На микроуровне персонализированные алгоритмы формируют замкнутые информационные пространства, ограничивающие доступ к инаковому, что ведет к фрагментации и поляризации сознания, утрате способности к диалогу. Подлинная свобода выбора подменяется иллюзией выбора, навязанной алгоритмом. На макроуровне экспансия инструментальной рациональности вторгается в сферу личностных смыслов и ценностей, подчиняя их логике эффективности и контроля. Согласно Ю. Хабермасу, это колонизация жизненного мира: система перестает быть служебным механизмом по отношению к культуре и личности и начинает определять сами способы человеческого существования. Ценностное сознание, укорененное в традиции и сакрально-символическом универсуме, вытесняется на периферию, уступая функциональным и прагматическим ориентирам. Происходит разрушение онтологической укорененности личности, ее связей с трансцендентным и культурной памятью.

Крайнее выражение этой тенденции – формирование антропологического типа с симулятивной идентичностью, кризисом аутентичности и моральной дезориентацией. Человек перестает быть субъектом собственного бытия, превращаясь в совокупность ситуативных проекций и социальных масок. Свобода утрачивает онтологическое измерение, редуцируясь к выбору между предзаданными установками, а нравственное самоопределение подменяется адаптацией к изменчивым алгоритмическим требованиям.

Сохранение свободы личности требует развития критического мышления, медиакомпетентности, способности к рефлексии и сопротивлению манипулятивным воздействиям. Нравственная культура предполагает не только знание норм и ценностей, но и способность к их практической реализации. Свобода является условием этой реализации, поскольку нравственное поведение не может быть навязано извне – оно должно быть результатом свободного выбора.

Теоретический анализ ценности свободы требует практического дополнения: обращения к эмпирическому измерению – исследованию того, какое место занимает свобода в реальной иерархии ценностных ориентаций молодежи и как это связано с ее конфессиональной принадлежностью и отношением к вере. Результаты социологического опроса, проведенного кафедрой всеобщей истории и политологии БрГУ имени А. С. Пушкина в Брестской области (N=300), позволяют выявить иерархию ценностных ориентаций молодежи.

Первое место занимает семья (78,7 %), далее – здоровье (59,3 %), жизнь (53,4 %), любовь (48,5 %) и счастье (47,8 %). Ценность «независимость и самостоятельность» занимает седьмое место (23,5 %) [8, с. 43].

Свобода не входит в ядро ценностных ориентаций (28,7 %), но опережает материальные блага (19,0 %), религиозную веру (19,8 %), интеллектуальные способности (18,7 %), безопасность (14,6 %), карьеру (11,2 %), развлечения (5,6 %), богатство (5,2 %) и патриотизм (5,2 %). Свобода занимает срединное положение, что свидетельствует о ее потенциальной роли как духовно-нравственной ценности, способной объединить молодежь независимо от конфессиональной принадлежности.

Выявлена устойчивая корреляция между значимостью свободы и конфессиональной принадлежностью: среди молодежи без конфессиональной принадлежности независимость и самостоятельность занимают второе место (50,0 %), среди православных – 20,3 %, среди католиков – 30,4 %, среди протестантов – 14,3 %. Аналогично по критерию отношения к вере: среди неверующих свободу выбирают 52,2 %, среди верующих в Бога – 18,9 %. Свобода как ценность имеет наибольшую значимость для молодежи, не идентифицирующей себя с традиционными конфессиями, что создает основу

для нравственного воспитания через актуализацию ценностей свободы и ответственности в этой категории.

Эвристический потенциал христианской антропологии в понимании свободы перед вызовами цифровой эпохи раскрывается в трех аспектах.

Во-первых, она выявляет общность категориального аппарата светского и религиозного дискурсов. Свобода, достоинство, ответственность, личность – эти понятия равно значимы для социальной философии (Кант, Фромм, Хабермас) и для религиозной мысли (Бердяев, Соловьев, Федченков), что позволяет переводить религиозные смыслы на язык социальной философии.

Во-вторых, она предлагает онтологическое обоснование свободы. Если секулярный дискурс обосновывает свободу через социальный консенсус или правовые нормы, то христианская антропология утверждает ее как онтологическую данность, укорененную в самом бытии личности, что позволяет противостоять релятивизации свободы в цифровую эпоху.

В-третьих, она предлагает ценностный критерий различения подлинной и мнимой свободы: подлинная свобода – это свобода «для» (служения, любви, ответственности), а не «от» (вседозволенности), что позволяет критически оценивать цифровые практики, подменяющие расширение возможностей выбора его иллюзией.

Таким образом, цифровая эпоха создает не только новые возможности, но и новые формы несвободы, требующие дальнейших социально-философских исследований и выработки стратегий сохранения нравственной субъектности личности. В образовательной и воспитательной работе с молодежью такими стратегиями могут стать развитие критического мышления и медиакомпетентности, создание диалогических пространств, в которых свобода не противопоставляется ответственности, а также актуализация традиционных духовно-нравственных ценностей как основания нравственного самоопределения личности. Интеграция светского и религиозного дискурсов открывает перспективу поиска новых оснований социальной солидарности в условиях цивилизационной турбулентности.

Список источников и литературы:

1. Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси. Вызов эпохи ИИ: Патриарх Кирилл предупредил об опасности превращения человека в управляемый объект // Московская область сегодня. – URL: https://mosregtoday.ru/news/actual/vyzov-epohi-ii-patriarh-kirill-predupredil-ob-opasnosti-prevraschenija-cheloveka-v-upravljaemyj-obekt/ (дата обращения: 15.09.2026).

2. Кант, И. Основоположения метафизики нравов / И. Кант // Собрание сочинений : в 8 т. – М. : Чоро, 1994. – Т. 4. – С. 153–246.

3. Бердяев, Н. А. О рабстве и свободе человека / Н. А. Бердяев. – М. : АСТ [и др.], 2010. – 320 с.

4. Вениамин (Федченков), митрополит. Мое философское миросозерцание / Митрополит Вениамин (Федченков). – URL: https://lavra.ru/news/all/moe-filosofskoe-mirosozertsanie (дата обращения: 15.09.2026).

5. Фромм, Э. Бегство от свободы / Э. Фромм. – Мн. : Современный литератор, 2007. – 383 с.

6. Берлин, И. Две концепции свободы / И. Берлин // Современный либерализм. – М., 1998. – С. 19–43.

7. Алексий II, Патриарх Московский и всея Руси. Выступление на Всемирном саммите религиозных лидеров / Патриарх Алексий II // "Патриарх Алексий II и народ" : официальный сайт. – URL: https://patriarh-i-narod.ru/slovo-patriarha/sluzhenie-mirotvorchestva/1186-rech-pri-otkrytii-sammita-religioznykh-liderov (дата обращения: 15.09.2026).

8. Лагуновская, Е. А. Социально-философский анализ ценности любви в контексте христианского вероучения и социальной практики в условиях современного белорусского общества. / Е. А. Лагуновская / Весн. Брэсцкага ун-та. Серыя 1. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. – 2025. – № 1. – С. 39–45.

УДК 101.8

МОРАЛЬНЫЙ ФОНД СОЦИАЛЬНЫХ ДОКТРИН ТРАДИЦИОННЫХ РЕЛИГИЙ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ В КОНТЕКСТЕ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО ФОРМИРОВАНИЯ МОЛОДЕЖИ: ОТ ТРАДИЦИИ К ЦИВИЛИЗАЦИОННЫМ ВЫЗОВАМ

Е. А. Лагуновская
доцент кафедры всеобщей истории и политологии,
кандидат философских наук, доцент
В. В. Сахарчук
студентка факультета физического воспитания и спорта
Беларусь, г. Брест, БрГУ им. А. С. Пушкина

Аннотация. Выявляется духовный потенциал доктрин традиционных религий Беларуси в условиях современной цивилизации. Раскрывается преемственность в осмыслении морального фонда религиозных доктрин в нравственном формировании молодежи: от гуманистически-реформационного направления XVI в. до постсоветского периода. Обосновывается, что на протяжении всей истории отечественной мысли этот потенциал сохранялся и последовательно актуализировался в качестве ценностного ресурса, востребованность которого подтверждается современными исследованиями.

Ключевые слова: моральный фонд; доктрины традиционных религий; христианство; ценности; духовно-нравственное формирование молодежи.

В противоречивых условиях нарастающего ценностного плюрализма, культурной фрагментации и поиска новых оснований социальной интеграции традиционные религии вновь обретают статус органичных элементов социокультурного пространства, формирующих моральный фонд – совокупность ценностных оснований, передаваемых от поколения к поколению, что делает их значимыми акторами формирования духовно-нравственных ориентиров молодежи. Это требует социально-философского осмысления их потенциала в ответе на вызовы современности.

Специфика исследования религиозных доктрин в отечественной мысли определяется особенностями самобытной культуры и религиозности белорусского народа, восточнославянского исторического пути, а также влиянием русской и западной философии. К числу детерминант формирования методологии исследования социальных доктрин традиционных религий можно отнести: геополитическое положение Беларуси как «своеобразного моста между Западом и Востоком» (Т. П. Короткая), что обусловило диалогический характер отечественной мысли и ее открытость к синтезу различных духовных традиций; поликонфессиональность, основанная на сосуществовании православия, католицизма, протестантизма, иудаизма и ислама, что сформировало потребность в философской рефлексии механизмов межконфессионального согласия и социальной интеграции; интеграция в западноевропейский интеллектуальный контекст, способствовавшая освоению методологических подходов к анализу религии как социального феномена; антропоцентрическая и просветительская доминанта, характерная для отечественной мысли XVI–XVII вв., акцентирующая нравственное совершенствование личности и общественное благо как цель социального устройства.

Эволюция социально-философского анализа религиозных доктрин в белорусской мысли представляет собой последовательную смену парадигм: от метафизического обоснования социального порядка через критическую деконструкцию к коммуникативной реконструкции, где религия осмысливается как равноправный участник диалога о духовно-нравственных основаниях современного общества. Категория «моральный фонд» (А. С. Лаптенок) позволяет преодолеть разрыв между нормативным и дескриптивным подходами к анализу религии: она фиксирует объективное содержание религиозных доктрин и одновременно акцентирует процессуальный характер этих ценностей, их способность отвечать на вызовы времени, трансформироваться и обретать новые смыслы в меняющемся социокультурном контексте, что позволяет раскрыть преемственность в осмыслении духовного потенциала традиционных религий в отечественной мысли и обосновать его эвристическую значимость для духовно-нравственного формирования молодежи в современных условиях.

Гуманистически-реформационное направление (XVI – первая половина XVII вв.) характеризовалось синтезом гуманистических, реформационных и просветительских парадигм. Франциск Скорина разработал концепцию практического гуманизма, основанную на философском содержании предисловий и сказаний в соответствии с понятийным языком библейской экзегезы. Скорина интерпретировал духовно-нравственные основы Священного Писания как ценностный фундамент для построения справедливого общества и правового государства. В предисловиях к библейским книгам мыслитель сформулировал принципы «общего блага» как цели социального устройства, верховенства законности, просвещения народа. На основе интерпретации социальной доктрины христианства он создал авторский синтез религиозного и светского содержания собственной социальной модели. Ответом Скорины на вызовы его эпохи – социальную несправедливость, правовой произвол, необразованность – стало обоснование необходимости нравственного воспитания через просвещение, что заложило основы морального фонда отечественной мысли. Как отмечает Е. М. Бабосов, сотворенная Ф. Скориной интегративная панорама социума – это «предощущение, намечающаяся возможность создаваемого в наши дни в процессе соработничества науки, философии и церкви антропотеокосмического союза» [1, с. 6]. Данная характеристика акцентирует междисциплинарный характер скориновского подхода, интегрирующего теологические, философские, правовые и просветительские аспекты.

Радикально-реформационный подход представлен философией Симона Будного, который подвергал системной критике положения доктрин христианских конфессий: православия (обрядоверие и иконопочитание), католицизма (власть Папы Римского и индульгенции), кальвинизма и лютеранства (компромиссный характер Реформации). В трактате «О светской власти» Будный стремился отделить рациональную этику Евангелия от положений доктрин, оправдывавших социальное неравенство, и обосновывал право народа на сопротивление тирании [2].

Лев Сапега в Статуте ВКЛ 1588 г. реализовал принцип веротерпимости, разработав концепцию христианской религии как основы правового государства. В Статутах ВКЛ была сформулирована доктрина гражданского мира, основанная на религиозном компромиссе как основе социальной стабильности и сосуществовании различных конфессий в едином правовом поле, обязанности власти защищать права всех христианских подданных, с необходимостью учитывать права подданных других вероисповеданий [3, с. 45]. Ответом на угрозу религиозных конфликтов и политической нестабильности стало утверждение веротерпимости как правовой нормы.

Контрреформационно-полемическое направление (вторая половина XVI–XVII вв.) связано с необходимостью ответа на вызовы Реформации и

католической экспансии. Представители полемической мысли православного направления (Мелетий Смотрицкий, братья Зизании) разрабатывали социальную доктрину, в которой православие, с одной стороны, выступало основой национально-культурной идентичности, обеспечивая защиту культурной самобытности восточнославянского населения ВКЛ, с другой – фактором социальной легитимации, обосновывая право приверженцев православия на равное положение в социальной иерархии Речи Посполитой. Социально-философское значение данного направления заключается в демонстрации механизмов использования религиозной доктрины в качестве инструмента социальной мобилизации и политической легитимации.

Просветительско-критическое направление (XVIII–XIX вв.) характеризовалось двухсторонним подходом к осмыслению религиозных доктрин. С одной стороны, представители религиозно-просветительского течения (Георгий Конисский и др.) разрабатывали концепцию, в которой православие выступало инструментом социальной стабилизации и культурной консолидации; а его укрепление – не только религиозной, но и социальной миссией, направленной на сохранение культурной идентичности белорусских земель в условиях интеграции в пространство Российской империи. С другой стороны, с распространением европейского Просвещения формируется критическая традиция осмысления религии как социального феномена, препятствующего прогрессу и модернизации. Этот дуализм отражал противоречивость эпохи Просвещения на белорусских землях, где потребность в сохранении культурной самобытности сочеталась со стремлением к интеграции в общеевропейские интеллектуальные процессы.

Национально-демократическое направление (конец XIX – начало XX вв.) представлено творчеством Ф. Богушевича, Я. Коласа и Я. Купалы, М. Богдановича, в котором католичество и православие рассматривались как составляющие народной культуры и этнической идентичности, а социальные мотивы выражались через религиозные образы и символы. Ответом на вызовы социального угнетения стало обращение к моральному фонду христианства как источнику духовной опоры народа [4, с. 121].

Советский период характеризовался исследованием социальных религиозных доктрин в рамках марксистско-ленинской парадигмы. Белорусскими учеными (Э. К. Дорошевич, В. М. Конон, Т. П. Короткая, А. С. Майхрович, С. А. Подокшин, Е. С. Прокошина и др.) был накоплен значительный материал о роли религии в культурно-историческом развитии Беларуси, создавший предпосылки для более объективного изучения традиционных религий в постсоветский период. Вопросы истории религии представлены в работах А. А. Круглова, В. В. Кудрявцева, М. Я. Ленсу, Г. М. Лившица, В. П. Оргиша и др.. Проблемам институционального оформления религиозной ситуации посвящены труды Е. М. Бабосова,

Т. П. Короткой, В. А. Тепловой и др. Социально-правовое функционирование религиозной системы исследовалось Л. Е. Земляковым, Н. А. Кутузовой, В. В. Старостенко и др. Религиозная идентичность стала предметом изучения Л. Г. Титаренко, Е. В. Шкуровой, С. Г. Карасевой, С. И. Шатравского и др. Новые религиозные движения анализировались Е. С. Прокошиной, О. В. Дьяченко, В. А. Мартиновичем и др. Теоретико-методологическая концептуализация социологии религии представлена в работах Д. К. Безнюка, диалог государства и церкви – в исследованиях Н. С. Щекина, а роль конфессиональных ценностей в формировании нравственной культуры – в трудах А. И. Осипова, В. В. Познякова, Е. А. Лагуновской и др.

Основными направлениями исследований доктрин традиционных религий являются: историко-философская рефлексия национального наследия, позволяющая выявить исторические корни белорусской модели межконфессионального диалога; анализ роли конфессиональных ценностей в формировании нравственной культуры и национальной идентичности; исследование межконфессионального диалога как стратегического фактора устойчивого развития общества. Современные исследования подтверждают, что моральный фонд религиозных доктрин сохраняет свою актуальность и востребованность для духовно-нравственного формирования молодежи [4–7].

На протяжении всей истории отечественной философской мысли моральный фонд религиозных доктрин – совокупность ценностных оснований, формировавшихся в ответ на вызовы своего времени, – сохранял свою актуальность. От обоснования принципов общего блага и веротерпимости у Ф. Скорины и Л. Сапеги, через рациональную этику С. Будного и просветительскую миссию Г. Конисского, через национально-культурную идентификацию у деятелей белорусского возрождения и научное осмысление в советский период – до современных исследований роли конфессиональных ценностей в формировании нравственной культуры молодежи. Эта преемственность свидетельствует о том, что потенциал религиозных доктрин в нравственном воспитании молодежи и ответах на вызовы времени был актуален всегда с момента их осмысления и продолжает оставаться таковым в условиях цивилизационных вызовов современности.

Список источников и литературы:

1. Бабосов, Е. М. Человек и солнце – два неразрывных полюса в универсуме Франциска Скорины / Е. М. Бабосов // Национальная философия в глобальном мире : тезисы Первого Белорусского философского конгресса (г. Минск, 20–21 окт. 2017 г.) / НАН Беларуси, Институт философии ; редкол.: В. Г. Гусаков (пред.) [и др.]. – Мн. : Беларуская навука, 2017. – С. 5–6.

2. Будный, Симон. Катехизис рукопись / Симон Будный, пер. Перспектива / Кассиан Сакович. – [Б.м.], XVII в. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_004995538 (дата обращения: 24.08.2026).

3. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 : Тэксты. Давед. Камент. / Беларус. Сав. Энцыкл. ; рэдкал. : І. П. Шамякін (гал. рэд.) і інш. – Мн. : БелСЭ, 1989. – 573 с. : іл.3.

4. Лагуноўская, А. А. Хрысціянскія каштоўнасці ў маральным патэнцыяле беларускага народа / А. А. Лагуноўская. – Брэст : БрДУ імя А.С. Пушкіна, 2016. – 200 с.

5. Трансдисциплинарные тренды в современной философии и науке : сб. науч. ст. XIX Респ. междисциплинар. науч.-теорет. семинара «Инновационные стратегии в современной социальной философии», 17 апр. 2025 г., г. Минск / БГУ ; редкол.: А. С. Лаптенок (отв. ред.) [и др.]. – Мн. : БГУ, 2025. – 415 с.

6. Проектирование будущего и горизонты цифровой реальности : труды VIII междунар. белорусско-российской науч.-практ. конференции (29–30 мая 2025 г., г. Минск) / НАН Беларуси, Отд. гуманит. наук и искусств, Ин-т философии НАН Беларуси, Ин-т прикл. матем. им. М. В. Келдыша Рос. акад. наук ; редкол. А. А. Лазаревич (пред.) [и др.]. – Мн. : Четыре четверти, 2025. – 294 с.

7. Христианские ценности и вопросы национальной безопасности : сборник научных статей междунар. науч.-практ. конф. / Министерство образования Республики Беларусь, Брест. гос. техн. ун-т ; редкол. : Л. Ю. Малыхина (гл. ред.), В. Н. Варич, Н. Ковалева, О. П. Бурко. – Брест : БрГТУ, 2024. – 191 с.

УДК 316.422:004

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА КАК ГЛОБАЛЬНЫЙ ВЫЗОВ СОВРЕМЕННОСТИ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ И ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ОРИЕНТИРОВ ЧЕЛОВЕКА

Н. В. Никонюк
студентка экономического факультета
*Научный руководитель: **Е. Д. Семак**, старший преподаватель*
кафедры гуманитарных наук
Беларусь, г. Брест, БрГТУ

Аннотация. В статье рассматривается процесс цифровизации общества как ключевой социально-культурный вызов современности. Анализируется влияние цифровой среды на трансформацию личностной и культурной идентичности, а также духовно-нравственных ориентиров человека. Особое внимание уделено рискам некритичного восприятия готовых мнений в социальных сетях, проблеме сохранения самостоятельности мышления и культурных традиций в контексте глобального информационного обмена на примере Республики Беларусь.

Ключевые слова: цифровая среда; цифровизация; идентичность; духовно-нравственные ценности; информационная культура.

Цифровизация значительно расширила возможности современного человека: знания, информация о событиях в разных частях мира и культурный опыт стали доступны практически мгновенно. Вместе с этим человек оказался в информационной среде, в которой ежедневно сталкивается с огромным количеством чужих мнений, ценностей и моделей поведения. Поэтому цифровизация меняет не только способы общения и получения информации, но и условия, в которых человек формирует собственные взгляды, идентичность и жизненные ориентиры.

Масштаб происходящих изменений позволяет рассматривать цифровизацию как один из определяющих процессов современного общества. По данным Международного союза электросвязи, в 2025 г. интернетом пользовались около 74 % населения мира, а среди молодых людей в возрасте 15–24 лет этот показатель достигал 82 % [1]. В Беларуси, по данным DataReportal, на конец 2025 г. насчитывалось около 8,47 млн интернет-пользователей, что соответствовало 94,3 % населения страны [2]. Таким образом, цифровая среда уже стала частью повседневной жизни значительной части человечества и непосредственно влияет на способы получения информации, общения и формирования взглядов.

Возможности и риски внедрения цифровых технологий. Одной из наиболее значимых возможностей цифровизации является расширение доступа человека к информации, образованию и культурному опыту. Интернет позволяет получать знания независимо от территориального положения, обращаться к научным и образовательным материалам, осваивать новые навыки и взаимодействовать с людьми, обладающими профессиональным опытом. Цифровая среда также обеспечивает доступ к произведениям культуры, историческим материалам и религиозному наследию. Технологии могут становиться инструментом интеллектуального и духовного развития, если человек использует их для образования, творчества, общения и самостоятельного поиска знаний. UNESCO подчеркивает, что цифровые технологии способны расширять доступ к образованию, однако их использование должно дополнять, а не вытеснять человеческое взаимодействие [3].

Однако цифровая среда имеет и обратную сторону: человеку становится сложнее отделять достоверную информацию от мнений, оценок и эмоционального контента. Особенно это заметно в социальных сетях, где популярность публикации или автора может создавать ощущение, что представленная позиция является правильной или общепринятой. Постоянное сравнение себя с другими также способно искажать представления об успехе, достатке и образе жизни, поскольку в интернете чаще демонстрируется привлекательная, но не всегда реальная сторона жизни.

Международные исследования также показывают, что проблема заключается не только в содержании информации, но и в характере ее потребления: по данным ВОЗ, в исследовании 2022 г. среди почти 280 тыс. подростков из 44 стран и регионов 11 % демонстрировали признаки проблемного использования социальных сетей; в 2018 г. этот показатель составлял 7 % [4].

В таких условиях особенно важна способность человека самостоятельно формировать свое мнение. Это требует знаний, опыта и готовности сравнивать разные точки зрения, тогда как цифровая среда позволяет быстро найти уже готовый ответ. Поэтому возникает риск не столько избытка информации, сколько ее пассивного потребления, когда чужая позиция принимается без собственного осмысления.

При этом человек сам определяет, насколько сильно цифровая среда влияет на его жизнь. Проверка информации, выбор источников и разумное ограничение потребления контента помогают сохранять самостоятельность мышления. Важен и баланс между потреблением и созданием: обучение, творчество и собственная деятельность требуют больше усилий, чем просмотр готового контента, но именно они позволяют человеку приобретать собственный опыт и развиваться.

Цифровизация влияет и на культурную идентичность человека. Интернет позволяет постоянно взаимодействовать с культурами других стран, знакомиться с их языками, традициями, музыкой, фильмами и образом жизни. Такой культурный обмен расширяет мировоззрение, становится источником новых знаний и интересов. Вместе с тем активное обращение к зарубежному культурному контенту может ослаблять связь человека с собственной культурной средой. Поэтому важным становится сохранение культурной основы при открытости к новым культурным влияниям.

Эта проблема особенно актуальна для Беларуси. При таком высоком уровне вовлеченности глобальное информационное пространство становится значимым фактором формирования культурных интересов и представлений людей. В этих условиях сохранение культурной идентичности предполагает не отказ от культурного обмена, а сочетание открытости к новым влияниям с сохранением связи с собственной культурой.

Условия сохранения духовно-нравственного выбора. Под духовно-нравственным выбором мы понимаем способность человека самостоятельно определять и сохранять систему ценностей, убеждений и жизненных принципов в условиях воздействия окружающей информационной и социальной среды. Для его сохранения необходимо развитие цифровой и информационной грамотности: умение отличать факт от оценки, первичную информацию от её интерпретации, аргументированное мнение от эмоционального или манипулятивного воздействия.

Не менее значимым является сохранение баланса между потреблением и созданием цифрового контента. Интернет целесообразно рассматривать не только как пространство развлечений и готовых мнений, но и как инструмент образования, творчества, профессионального развития и общения.

Заключение. Цифровизация кардинально изменила способы получения информации, общения, обучения и формирования представлений человека о себе и окружающем мире. Её влияние нельзя однозначно считать положительным или отрицательным: цифровая среда предоставляет широкие возможности для образования, коммуникации, культурного обмена и самореализации, но одновременно усиливает информационную нагрузку и воздействие уже сформированных мнений и моделей поведения.

В условиях глобальной цифровизации важно не отказываться от технологий, а сохранять способность человека самостоятельно определять, какую информацию принимать и какие ценности считать своими. Цифровая среда должна оставаться инструментом, которым человек пользуется для развития, общения и получения знаний, а не средой, которая формирует его взгляды без его осознанного участия.

Список источников и литературы:

1. Facts and Figures 2025 // International Telecommunication Union. – URL: https://www.itu.int/itu-d/sites/projectumc/ (дата обращения: 25.09.2026) .

2. Digital 2026: Belarus // DataReportal. – URL: https://datareportal.com/reports/digital-2026-belarus (дата обращения: 25.09.2026).

3. Global Education Monitoring Report 2023: Technology in education: A tool on whose terms? // UNESCO. – URL: https://www.unesco.org/en/articles/global-education-monitoring-report-2023-technology-education-tool-whose-terms (дата обращения: 26.09.2026).

4. Teens, screens and mental health // World Health Organization Regional Office for Europe. – URL: https://www.who.int/europe/news-room/25-09-2024-teens--screens-and-mental-health (дата обращения: 27.09.2026).

5. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляция / Ж. Бодрийяр ; пер. с фр. А. Качалова. – М. : Рипол-Классик, 2015. – 240 с.

6. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс ; пер. с англ. под ред. О. И. Шкаратана. – М. : ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.

УДК 303.62:004.8

НЕЙРОСЕТИ КАК ИНСТРУМЕНТ: ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА В БрГТУ

К. А. Перехвал, А. В. Луцык, Е. С. Курская
студентки факультета инженерных систем и экологии
Научный руководитель **Ю. Д. Данилов**, *старший преподаватель кафедры гуманитарных наук*
Беларусь, г. Брест, БрГТУ

Аннотация. В статье представлены результаты социологического опроса студентов 1–4 курсов Брестского государственного технического университета по изучению проблемы применения искусственного интеллекта. Цель исследования – оценка осведомленности респондентов об интеллектуальных технологиях, изучение частоты использования соответствующих инструментов и определение сфер, в которых их применение считается наиболее допустимым. В работе отражены мнения респондентов о преимуществах нейросетей и потенциальных рисках, вызывающих наибольшее беспокойство у участников.

Ключевые слова: искусственный интеллект, нейросетевые технологии, машинный разум, интеллектуальные системы, цифровые ассистенты, социологический опрос, отношение к искусственному интеллекту, преимущества и риски.

Тема искусственного интеллекта (далее ИИ) сегодня является одной из наиболее обсуждаемых в самых широких кругах общественности и активно дебатируется в связи с его все более активным применением. Алгоритмы помогают анализировать финансовые данные, обрабатывать медицинскую информацию, распознавать изображения и создавать цифровой контент. Нейросети уже стали не только предметом научных исследований, но и реальностью – инструментом, который влияет на все сферы деятельности людей, включая их повседневную жизнь [1].

Актуальность темы связана с распространением интеллектуальных технологий: системы от достаточно простых голосовых помощников до сложнейших комплексов промышленной автоматизации и кибербезопасности сегодня присутствуют практически во всех сферах общественной деятельности. Современные алгоритмы машинного обучения способны выполнять задачи, которые еще недавно требовали непосредственного участия человека или были даже недоступны для него. Вместе с тем, изучение возможностей таких систем и границ их применения сегодня существенно отстает по скорости от развития самого суперинтеллекта и требует дополнительных исследований.

При этом для понимания влияния нейросетей крайне важно рассматривать не только их технико-технологические возможности, но и отношение людей к результатам их использования.

Чтобы оценить, как технологии отражаются на повседневной жизни, авторами был организован социологический опрос студентов об использовании цифровых помощников, их преимуществах и возможных рисках. Исследование проводилось среди студентов 1–4 курсов БрГТУ. Величина выборки составила 270 человек, распределение респондентов по факультетам равномерное, что позволяет говорить о ее методологически приемлемом дизайне. Наибольшую активность в опросе продемонстрировали студенты факультета инженерных систем и экологии (35,2 %), чуть меньше – представители архитектурно-строительного факультета (32,6 %) и электронно-информационных систем (32,2 %). Такое соотношение показывает, что интеллектуальные технологии вызывают интерес не только у будущих программистов, но и у студентов иных технических специальностей.

В рамках исследования было важно определить общий уровень осведомленности респондентов о том, что представляет собой ИИ. Как показали результаты, подавляющее большинство участников (90,4 %) ответили, что хорошо знают, что такое ИИ. 8,9 % участников опроса заявили, что лишь что-то слышали о нем, и лишь 2 человека выбрали вариант «Нет, не знаю». Такое распределение ответов наглядно демонстрирует, что нейросетевые технологии сегодня перестали быть узкоспециализированной темой, и практически каждый студент имеет о них представление хотя бы на базовом уровне. Это вполне ожидаемо, т. к. тема машинного интеллекта активно обсуждается в медиа, он широко используется в учебной деятельности. Полученные данные подтверждают, что информационный барьер в этой сфере практически отсутствует, а сама технология воспринимается молодежью как неотъемлемая часть современной реальности.

Следующий вопрос логично вытекал из предыдущего: важно было понять, как теоретическая осведомленность отражается на реальной практике. Участникам было предложено ответить, как часто они обращаются за помощью к нейросетям в повседневной жизни. Согласно полученным данным, большинство респондентов обращается к ним несколько раз в неделю – так ответили 130 опрошенных (48,1 %). Чуть меньше участников использует их ежедневно – 96 человек (35,6 %). Наименьшая группа (41 человек, или 15,2 %) прибегает к помощи интеллектуальных систем редко, а вариант «Никогда» выбрали лишь трое студентов.

Полученные данные демонстрируют, что цифровые ассистенты воспринимаются участниками исследования как вспомогательный инструмент, а не постоянная необходимость. Наиболее распространенный режим использования – несколько раз в неделю. Это можно объяснить тем, что

люди обращаются к машинному интеллекту для решения конкретных задач: поиска информации, подготовки текстов, обработки данных или иной помощи в обучении. При этом ежедневное использование характерно для тех, чья работа или учебная деятельность напрямую связаны с цифровыми инструментами. Группа тех, кто пользуется нейросетями редко, вероятно, включает людей, которые пока не видят в них необходимости или предпочитают традиционные способы решения задач. Это позволяет сделать вывод о том, что искусственный разум постепенно становится привычной, но отнюдь не единственной частью повседневной деятельности, хотя в дальнейшем частота его использования будет расти по мере расширения доступных функций и повышения цифровой грамотности пользователей.

Отдельный блок вопросов был посвящен тому, в каких именно областях, по мнению студентов, применение машинного интеллекта наиболее целесообразно и допустимо. Результаты показали четкое разделение сфер на «безопасные» и «рискованные». Лидирующие позиции ожидаемо заняли образование (75,2 %), а также развлечения и творчество (58,5 %). Именно в этих сферах нейросети выступают в роли помощника, который генерирует идеи или ищет нужную информацию. Здесь нет фатальных последствий, если алгоритм ошибется. На втором месте по популярности оказались бизнес и экономика (46,7 %), далее следуют сбор и анализ личных данных (44,1 %), промышленность (43,7 %).

Совсем иная картина наблюдается в сферах, где цена ошибки слишком высока. Так, применение интеллектуальных технологий в медицине считают допустимым лишь 19,3 % респондентов, а в личном общении и эмоциональной поддержке – 28,9 %. Это говорит об осознанном и критическом отношении молодежи к технологическому потенциалу нейросетей: студенты понимают, что они вполне способны на каком-то этапе заменить человеческий опыт, врачебную интуицию и эмпатию там, где речь идет о здоровье или личных человеческих отношениях, а это – недопустимо. Мы видим не слепое доверие технологиям, а четкое понимание границ их использования [2].

Чтобы детальнее оценить отношение студентов к пределам применения умных алгоритмов, мы сравнили их оценки по трем ключевым сферам: образованию, медицине и личной жизни. В области образования преобладают исключительно положительные оценки: большинство респондентов выбрали варианты «Положительно» и «Скорее да». Это подтверждает, что машинный интеллект воспринимается студентами как полезный и безопасный инструмент для учебы. В медицинской сфере картина более настороженная: голоса распределились примерно поровну между положительными, нейтральными и отрицательными оценками. Студенты понимают потенциал технологий, но опасаются рисков, связанных с врачебными ошибками. А вот в личной жизни преобладает нейтральное и отрицательное отношение. Молодежь четко

обозначает границу: технологии не должны вмешиваться в интимную и эмоциональную сферы, где живому общению нет замены, хотя иногда обратиться за помощью все же можно.

Что касается оценки практической пользы ИИ, то здесь мнения студентов оказались очень схожими: главными преимуществами машинного разума они назвали быстрый поиск информации (85,2 %) и экономию времени (83,7 %). Около четверти респондентов (23,3 %) также отметили возможность общения и получения эмоциональной поддержки. Однако в целом основные достоинства интеллектуальных систем участники опроса связывают именно с эффективностью, скоростью и доступом к информации.

Вместе с преимуществами у машинного интеллекта есть и риски, которые студенты оценивают вполне осознанно, о чем убедительно свидетельствуют результаты проведенного опроса. Главные опасения связаны с достоверностью получаемых данных: распространение ложных сведений беспокоит 63 % опрошенных, а возможные ошибки нейросетей – 61,5 %. Респонденты понимают, что технологии не всегда надежны, и это формирует осторожное отношение к их использованию. Этот страх вполне обоснован, т. к. мы живем в эпоху, когда интеллектуальные системы могут генерировать очень убедительные, но абсолютно ложные тексты, изображения, видео, данные. Студенты понимают, что слепо доверять ответам машинного разума нельзя, и это требует развития навыков критического мышления и проверки фактов.

Также существенным страхом остается потеря рабочих мест (49,6 %). И это не столько страх перед «восстанием машин», а прежде всего тревога за собственное будущее в условиях глобальной цифровизации. Если основную часть функциональных задач будет выполнять программа, то работникам придется не просто осваивать новые навыки, а в целом менять направление своей деятельности, чтобы оставаться востребованными на рынке труда.

Отдельно стоит отметить психологические риски: 41,5 % респондентов выразили опасения по поводу того, что общение с цифровыми ассистентами заменит живое взаимодействие, а 39,6 % – что возникнет зависимость от технологий. Это говорит о том, что даже в цифровую эпоху молодое поколение ценит человеческий контакт и не хочет, чтобы интеллектуальные технологии подменяли реальную жизнь. Важно использовать эти системы разумно: проверять полученные сведения, беречь личные данные и сохранять баланс (дистанцию) между цифровым и реальным миром.

Можно утверждать, что результаты проведенного опроса показали, что использование интеллектуальных систем стало для студентов БрГТУ привычным и рабочим инструментом. Практически все респонденты знают, что это такое, а больше половины используют нейросети регулярно – для учебы, поиска информации или генерации идей.

Самое важное в полученных данных – насколько рационально и взвешенно молодежь подходит к применению нейросетей. Примечательно, что студенты не идеализируют возможности машинного разума, хотя в обществе распространено мнение, что новое поколение слепо доверяется любой цифровой новинке. Однако проведенное исследование показало обратное: студенты четко разделяют сферы, где интеллектуальные системы допустимы (образование, творчество), и те, где их применение вызывает опасения (медицина, личная жизнь). Это говорит о зрелом подходе молодежи к пониманию границ использования ИИ.

При этом полученные данные показывают, что опасения респондентов абсолютно оправданы. Распространение ложной информации, ошибки алгоритмов и зависимость от гаджетов – реальные вызовы современности. Нейросетевые технологии – не просто удобная программа для экономии времени, а серьезный инструмент, требующий ответственного подхода, развития навыков обеспечения кибербезопасности и способностей мыслить самостоятельно.

Таким образом, результаты исследования показали, что ИИ не заменяет мышление человека, а выступает средством расширения его возможностей. Он не способен полностью решать задачи за человека, однако предоставляет широкий спектр инструментов для поддержки деятельности в различных сферах. Владение технологиями ИИ и умение эффективно их использовать становятся важными факторами профессиональной востребованности.

Список источников и литературы:

1. Рассел, С. Искусственный интеллект: современный подход / С. Рассел, П. Норвиг ; пер. с англ. – 2-е изд. – Москва ; Санкт-Петербург; Киев : Вильямс, 2006. – 1408 с.

1. 2. Бостром, Н. Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии / Н. Бостром ; пер. с англ. С. Филина. – Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2016. – 496 с.

УДК 929:94Тураўскі+821.161.1

АСОБА І ЛІТАРАТУРНА-АСВЕТНІЦКАЯ СПАДЧЫНА КІРЫЛЫ ТУРАЎСКАГА

Я. Р. Самуйлік
кандыдат філалагічных навук, дацэнт
М. А. Новік
студэнт архітэктурна-будаўнічага факультэта,
Беларусь, Брэст, БрДТУ

Анатацыя. Артыкул прысвечаны Кірылу Тураўскаму – асветніку і царкоўнаму дзеячу старажытнай Беларусі. У працы разглядаюцца асноўныя этапы рэлігійнага жыцця пісьменніка, даследуюцца яго філасофскія погляды, канцэпцыя каштоўнасці ведаў і багатая літаратурная спадчына. Аналізуюцца адметныя стылевыя рысы, творчы почырк і ўлюбеныя прыёмы аўтара, якія сведчаць пра еўрапейскі ўзровень яго твораў як узораў аратарскага мастацтва.

Ключавыя словы: Кірыла Тураўскі; асветнік; аскетызм; стоўпніцтва; жанравая разнастайнасць; стылевая манера; вобразна-выяўленчыя сродкі; кніжныя веды; навука; царкоўнае красамоўства.

Кірыла Тураўскі – найбуйнейшы майстар слова старажытнай Беларусі, асветнік і царкоўны дзеяч (не раней за 1110 г. і не пазней за 1134 г. – каля 1182 г. ці пасля 1190 г.). Нарадзіўся пісьменнік у Тураве – тагачасным цэнтры княства. Падрабязнасці жыцця, такія як дакладныя даты нараджэння і смерці, свецкае імя і г. д., невядомыя. Магчыма, ужо ў пачатку XIII ст. ен ушаноўваўся як святы (звесткі пра яго афіцыйную кананізацыю не выяўлены). У 1984 г. Кірыла Тураўскі далучаны да Сабора Беларускіх святых. Непасрэдныя дакументальныя дадзеныя пра Кірылу Тураўскага абмяжоўваюцца “Жыціем” (верагодна, напісана яшчэ ў XII ст.) і адзінай летапіснай згадкай (Іпацьеўскі летапіс, 1169 г.). Магчыма, паходзіў з арыстакратычнай сям’і, а яго бацька служыў Святаполку II.

Яшчэ ў маладым узросце Кірыла вырашыў прысвяціць свае жыцце Богу і прыняў пострыг у манастыры святога Мікалая. Там ен веў суровае аскетычнае жыцце, поўнае малітваў і пастоў. Сваім ладам жыцця, набожнасцю і, несумненна, вучонасцю асветнік звярнуў на сябе ўвагу суайчыннікаў. Да Кірылы пачалі прыходзіць людзі, каб паслухаць парады ці набыць кніжныя веды, і ен не адмаўляўся дапамагчы іншым. У сваіх павучаннях Кірыла асабліва падкрэсліваў неабходнасць унутраных патрэбаў цноты, пакорнасці і паслухмянасці, а не знешняга аскетызму. Як інтэлектуальны лідар і найвышэйшая духоўная асоба, ён развіваў асветніцкія традыцыі Кірылы і Мяфодзія, аказваў дзейсны ўплыў на царкоўнае і грамадскае жыцце, спрыяў

усталяванню мірных палітычных дачыненняў паміж усходнеславянскімі княствамі.

Аднак асабістыя схільнасці цягнулі будучага святога да большай самоты. Пражыўшы некаторы час у манастыры, Кірыла пачаў новы подзвіг – стоўпніцтва. Па словах жыццяпісца, ен “увайшоў на стоўп і там зачыніўся”. Стоўпніцтва – гэта форма аскетычнага жыцця, распаўсюджаная на хрысціянскім Усходзе яшчэ ў IV–V стст. Манахі, якія прагнулі самоты, будавалі сабе келлі на платформе, якая ўзвышалася над зямлею на слупах (адсюль іх назва – стоўпнікі, па-грэчаску *stuliths*, па-лацінску *stylita* ‘стыліты’).

Кліматычныя ўмовы Беларусі не дазвалялі праводзіць класічнае жыцце стоўпніка, таму Кірыла, верагодна, проста зачыніўся ў стоўпападобнай вежы. Перыяд стоўпніцтва быў для будучага святога часам інтэнсіўнай духоўнай і інтэлектуальнай дзейнасці. Вельмі магчыма, што ў гэты час ен напісаў свае малітвы і каноны, а таксама творы пра духоўнае жыцце.

Літаратурная спадчына Кірылы Тураўскага, сінкрэтычная паводле зместу, – на рэдкасць багатая. Яна ўключае каля 70 твораў у сотнях спісаў і шматлікіх выданнях розных стагоддзяў. У жанравых адносінах тэксты пісьменніка вельмі разнастайныя.

Першую значную групу твораў Кірылы Тураўскага складаюць малітвы (іх больш за 30). Да названага жанру варта аднесці і высокапаэтычныя “Дабрэйшыя вершы для тых, хто прагне безупынна і слезна маліцца за свае грахоўныя ўчынкі”, што напісаны паводле малітоўных узораў. Малітвы асветніка паводле формы з’яўляюцца зваротамі да Бога і да Маці Божай, але паводле зместу – гэта выключна шчырыя і адначасова па-філасофску заглыбленыя аўтарскія споведзі. Названыя творы пісьменніка – сапраўдныя шэдэўры старабеларускай духоўнай паэзіі. Лірычны герой малітваў адрозніваецца інтэлектуальнасцю і духоўнасцю. Ен усім сэрцам прагне дасканаласці і свабоды, гармоніі з прыродай, добрай славы, асэнсавага зямнога жыцця.

Асобная група твораў Кірылы Тураўскага – тры выразна белетрызаваныя эпічныя тэксты: “Слова на сабор 318 святых айцоў”, “Слова ў памяць усіх святых”, “Канон і сціхіры на адыход найпадобнай княгіні Вольгі, бабулі Уладзіміра”. Напрыклад, у творы “Слова на сабор 318 святых айцоў” пісьменнік звярнуўся да асвятлення гістарычных падзей, мінулага хрысціянскай царквы. У прыватнасці, ен раскрыў падрыхтоўку і правядзенне славутага Нікейскага сабора 325 г., паказаўшы сябе як бліскучы майстар гістарычных сцэн. Аўтар надзвычай яскрава перадаў драматызм дыскусій, падчас якіх было асуджана вучэнне Арыя, а ўсе арыяны былі адлучаны ад царквы як ерэтыкі.

Адметнае месца сярод твораў Кірылы Тураўскага займае сінкрэтычная ў жанравым плане “Прыпавесць пра чалавечую душу і цела, або Пра Сляпога і

Кульгавага", накіраваная супраць уладных памкненняў растоўскага епіскапа Феадорца, які меў намер парушыць адзінства праваслаўнай царквы, прагнучы самастойнасці. Непасрэдна ў тэксце прытчы есць выразнае ўказанне на яе палемічнае прызначэнне: *"Тако бо вниде, яко же се церковник недостоин ерейства и утаив грех свой, не брег же о Божии Законе, но имея деля высока и славна житья на епископский взиде сан"*. Але ў прыпавесці вельмі значны эпічны кампанент. У аснове яе белетрызаванай часткі – сюжэт, узяты з Евангелля паводле Мацвея, што ў сваю чаргу ўзыходзіць да гутаркі імператара Антаніна з равінам, змешчанай у Вавілонскім Талмудзе. На думку пісьменніка, менавіта ў старажытнай прытчы пра Сляпога і Кульгавага было схавана, зашыфравана хрысціянскае вучэнне. Таму ўласную творчую задачу ён бачыў найперш у тым, каб раскрыць чытачу таемны сэнс старадаўняй прыпавесці, раскрыць значэнне кожнага яе вобраза, кожнага слова і выразу.

Кірыла Тураўскі напісаў таксама каля 12 дыдактычных парадаў і павучанняў і адну споведзь. Найбольш значны ў ідэйна-мастацкім плане дыдактычны твор "Слова аб тым, каб не забывалі настаўнікаў сваіх". У ім асветнік звяртае ўвагу на выключную ролю людзей, якія дапамагаюць іншым стаць лепшымі, падкрэслівае, што ўдзячныя вучні трымаюць імены сваіх настаўнікаў у сэрцы, душы і розуме. Пісьменнік параўноўвае настаўніка са святым і гаворыць пра маральны абавязак вучня памінаць яго ў малітвах.

Пяру Кірылы Тураўскага належаць 16 ўрачыстых казанняў велікоднага цыкла, якія карысталіся асаблівай папулярнасцю ў славянскім свеце. Найбольш значныя з іх наступныя: на Вербную нядзелю, на Вялікдзень, на нядзелю святога Тамаша, на першую нядзелю пасля Вялікадня, на нядзелю Міраносіцаў і Іосіфа Арымафейскага, на нядзелю расслабленага, на нядзелю слепанароджанага, на Узнясенне і на нядзелю Святых Айцоў. Напрыклад, у казанні на першую нядзелю пасля Вялікадня пісьменнік паказвае перавагі хрысціянства над язычніцтвам. Пашырэнне хрысціянства асветнік параўноўвае з наступленнем вясны.

Да творчай спадчыны Кірылы Тураўскага адносяцца таксама два каноны: "Малітоўны канон" і "Пакаяльны канон" – сапраўдныя шэдэўры нацыянальнай богаслужбовай гімнаграфіі.

Як бачым, пісьмовая спадчына Кірылы Тураўскага арганічна спалучае ў сабе інтэлектуальнасць і высокую мастацкасць. Творы пісьменніка – гэта шэдэўры нацыянальнай філасофіі і літаратуры, створаныя шчырым вернікам і аўтарытэтным іерархам хрысціянскай царквы.

Шматлікія літаратурныя сімвалы і вобразы Кірыла Тураўскі чэрпаў з навакольнага свету, касмічнай прасторы, з аналаў сусветнай гісторыі, твораў філосафаў, айцоў царквы, папярэдніх майстроў мастацкага слова, а таксама з біблейскіх тэкстаў.

Антытэзы і супрацьпастаўленні – найбольш характэрная рыса творчага почырку і стылевай манеры асветніка. Унутраная логіка тэкставых адзінак часта пабудаваная на супрацьпастаўленнях – дня і ночы, святла і цемры, святасці і граху, жаночага і мужчынскага пачаткаў, зімы і лета, восені і вясны, жыцця і смерці. У творах пісьменніка наогул дамінуе матыў вясны і абуджэння прыроды, якія сімвалізавалі Хрыстову веру, яе абнаўляльную моц.

Улюбеныя прыемы Кірылы Тураўскага – паралелізм і параўнанні, з дапамогай якіх ен змог найбольш поўна раскрыць сутнасць многіх з'яў. Гэтыя вобразна-выяўленчыя сродкі ў тэкстах Кірылы Тураўскага выконвалі значную мастацкую функцыю, дазвалялі з асаблівай выразнасцю падкрэсліць аўтарскую думку, што, да прыкладу, вельмі добра бачна ў параўнанні "кніжнага розуму" з медам і цукрам: *"Сладко бо медвеный сот и добро – сахар, обоего же добрей – книгий розум. Ся убо суть сокровища вечныя жизни"*. Святых айцоў пісьменнік параўноўвае з багатымі купецкімі караблямі, грозную прамову Арыя – з рыканнем льва, абразлівыя словы – з атручанымі стрэламі.

Кірыла Тураўскі першым у беларускай філасофскай і навукова-філалагічнай традыцыі найбольш поўна сфармуляваў першаступенную значнасць для жыцця чалавека кніжных ведаў, гуманітарнай навукі і пазнання. У "Прыпавесці пра чалавечую душу і цела, або Пра Сляпога і Кульгавага" ен выказаў фундаментальную ідэю, якая прадвызначыла развіцце беларускага грамадства ў кірунку ўзмацнення інтэлектуальнасці, духоўнасці, літаратуры і навукі. Пісьменнік заклікаў чытаць кнігі, якія дазваляюць адчыніць браму вечнага жыцця, знайсці невымоўныя даброты будучага веку.

Паводле слушнай канцэпцыі Кірылы Тураўскага, інтэлектуальная і духоўная праца – шлях да маральнага ўдасканалення асобы. Менавіта веды найбольш стрымліваюць чалавека ад злых учынкаў, адводзяць ад граху. Навука – невычэрпная крыніца жыццевай энергіі і фізічнага здароўя чалавека. Шлях да сапраўднай славы таксама палягае праз навуку. Яна стварае багацці і дабрабыт, дапамагае пераадольваць жыццевыя перашкоды.

Надзелены рэдкім талентам аб'емнага, цэласнага ўспрымання рэчаіснасці, Кірыла Тураўскі бліскуча ўвасобіў уласныя глыбокія веды пра сусвет і чалавека ў арыгінальных літаратурна-мастацкіх формах. На працягу стагоддзяў яго творы распаўсюджваліся ў сотнях спісаў і друкаваных выданняў, карысталіся вялікай і заслужанай папулярнасцю ва ўсходнеславянскіх народаў. Як класічныя ўзоры аратарскага мастацтва іх змяшчалі ў спецыяльныя зборнікі-анталогіі побач з творамі класікаў грэка-візантыйскай патрыстыкі, Іаана Златавуста і іншых хрысціянскіх пісьменнікаў. Нездарма нашы продкі называлі іх аўтара *"Златоустом, паче всех воссиявших на Руси"*, а сучасныя навукоўцы ставяць яго ў адзін рад з геніяльным стваральнікам "Слова пра паход Ігаравы". Вядомы даследчык і знаўца

славянскіх старажытнасцей М. А. Максімовіч адзначаў, што няма нічога ў XI і XII ст. на заходнееўрапейскіх мовах, што пераўзыходзіла б летапіс Нестара, словы Кірылы Тураўскага і “Слова пра паход Ігаравы”. Усе гэта дае нам сення падставы лічыць Кірылу Тураўскага першым вялікім мастаком слова, першым еўрапейскага ўзроўню пісьменнікам, які жыў і тварыў на тэрыторыі сучаснай Беларусі [1, с. 230–234; 2, с. 285–286; 3, с. 229–232; 4, с. 386; 5, с. 39–41; 6, с. 22–23; 7; 8; 9; 10, с. 43–68].

Спіс крыніц і літаратуры:

1. Асветнікі зямлі беларускай, X – пачатак XX ст. : энцыкл. давед. / рэдкал. Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мн. : Беларус. Энцыкл., 2001. – 492 с.

2. Беларуская энцыклапедыя : у 18 т. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мн. : БелЭн, 1996–2004. – Т. 8 : Канто – Кулі. – 1999. – 576 с.

3. Беларускія пісьменнікі : біябліягр. слоўн. : у 6 т. / Акад. навук Рэсп. Беларусь, Ін-т літ., Беларус. Энцыкл. ; пад рэд. А. В. Мальдзіса. – Мн. : Беларус. Энцыкл, 1992–1995. – Т. 3 : Івашын – Кучар / рэдкал.: І. Э. Багдановіч [і інш.]. – 1994. – 585 с.

4. Беларусь : энцыкл. давед. / рэдкал.: Б. І. Сачанка (гал. рэд.) [і інш.]. – Мн. : Беларус. Энцыкл., 1995. – 800 с.

5. Гісторыя беларускай літаратуры: старажытны перыяд : падручнік / М. М. Грынчык [і інш.]. – 3-е выд. стэр. – Мн. : Выш. шк., 1997. – 351 с.

6. Зинкевич, Т. Е. Преемственность подвига столпников на Руси (на материале отдела рукописей Российской государственной библиотеки) / Т. Е. Зинкевич // Сб. тр. Якутской духовной семинарии. Философия, этика, религоведение. – 2021. – № 9–10. – С. 22–26.

7. Кірыла Тураўскі // Вікіпедыя : свабод. энцыкл. – URL: https://be.wikipedia.org/wiki/Кірыла_Тураўскі (дата звяртання: 13.10.2026).

8. Святы Кірыла Тураўскі // Студопедия. – URL: Студопедия — Святы Кірыла Тураўскі (studopedia.info) (дата звяртання: 13.10.2026).

9. Свяціцель Кірыл, епіскап Тураўскі. – URL: http://sppsobor.by/wp-content/uploads/sobor-belsaints.pdf (дата звяртання: 13.06.2023).

10. Старажытная беларуская літаратура (XII–XVII стст.) / уклад., прадм., камент. І. Саверчанкі. – Мн. : Кнігазбор, 2007. – 608 с.

УДК 37+271.2

ПРАВОСЛАВНЫЕ ТРАДИЦИИ ВОСПИТАНИЯ ДЕТЕЙ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ СЕМЬИ

Е. А. Сенкевич, Т. А. Хомич
студентки экономического факультета
*Научный руководитель: **Ю. Д. Данилов**, старший преподаватель*
кафедры гуманитарных наук
Беларусь, г. Брест, БрГТУ

Аннотация. В статье рассматриваются православные традиции воспитания детей и их значение для современной семьи. Раскрывается понимание семьи как «малой церкви», анализируется иерархия телесного, душевного и духовного. Основное внимание уделено вызовам, с которыми сталкивается православная традиция сегодня. Авторы обращаются к собственному опыту и показывают, что традиция передается через совместную жизнь, а не через назидание.

Ключевые слова: православное воспитание; семейное воспитание; православная семья; традиции воспитания; духовно-нравственное воспитание; современная семья.

Семейное воспитание в контексте православной традиции имеет особое значение: семья понимается не просто как социальный институт, но как «малая церковь», где ребенок впервые приобщается к духовной жизни [1, с. 107]. Об этом же говорит и апостол Павел: «Если же кто о своих и особенно о домашних не печется, тот отрекся от веры и хуже неверного» (1 Тим. 5:8). Во все времена православие определяло семью как духовный союз, в рамках которого воспитание выступало как иерархический процесс, а родительский пример – как его основа. Сегодня такое понимание не всегда находит понимание со стороны всех участников этого важнейшего социализирующего действия. Оно сталкивается с рядом противоречий современной жизни, ее реалиями, вызовами, порожденными особенностями технологического, социальными и духовно-культурного развития общества.

Первым из них можно обозначить широко распространяющуюся секуляризацию. Во многих сферах жизни религия сегодня вытеснена из публичного пространства и воспринимается исключительно как частное дело. Занимающая доминирующее положение потребительская культура формирует совершенно иную систему ценностей: значимость человека определяется успехом и достатком, а не его морально-этическими достоинствами или профессиональными компетенциями. При таком подходе семья – уже не «малая церковь», а место для достижения личных целей, что прямо противоречит православной традиции, где человек ценен потому, что он – образ Божий. Но этот тезис усваивается лишь тогда, когда подтверждается в

повседневной жизни семьи, поступками родителей, а не простыми увещеваниями вслух. Например, в семьях о вере никогда много не говорили, однако домашняя атмосфера всегда была пропитана уважением к другому человеку, независимо от его достатка или статуса. Это во многом и сформировало сегодняшнее понимание ценности личности. Можно привести пример, когда сталкиваются с обратным – в школе, где ценность ребёнка нередко измеряется только оценками и успеваемостью, возникает внутренний конфликт между тем, что он узнал из семьи, и тем, что видит вокруг.

Второй вызов – глобальная цифровая среда, в которую все больше погружается человечество. Современный ребенок с раннего возраста погружен в мир гаджетов, которые довольно часто становятся первыми «воспитателями» и предлагают готовые образы и модели поведения. Православная традиция же требует внимания, тишины, колоссальной внутренней работы человека над самим собой, она не поощряет рассеянность и постоянную смену впечатлений, свойственные эпохе Интернета. Нередко именно компьютер становится источником ценностей, прямо противоположных христианским [2].

Третий вызов – это различные модели воспитания, пришедшие к нам в основном с Запада и вошедшие в моду в 1990-е годы. В них ребенок нередко рассматривается как такой член семьи, чьи желания – закон. Согласно же православной традиции предлагается другой подход: свобода ребенка не отвергается и не отменяется, а гармонично встраивается в семейную иерархию. Именно такой подход способствует воспитанию детей в духе высоких морально-этических принципов и примеров.

Четвёртый вызов, который создает значительные риски для воспитания молодежи в духе христианских традиций – это разрыв межпоколенных связей. Урбанизация, миграция, занятость родителей на работе приводят к тому, что бабушки и дедушки часто живут отдельно и не участвуют в повседневной жизни внуков. Это особенно чувствительно, когда молодые родители сами выросли в атеистических или формально православных семьях и не имеют опыта живого воцерковления: они хотят воспитывать детей в вере, но не знают, как это сделать правильно. В такой ситуации следует помнить, что любая, а не только православная традиция никогда не наследуется автоматически, а требует от всех участников воспитательного процесса больших, и, главное – сознательных усилий.

В семьях этот разрыв был особенно заметен: наши бабушки и дедушки жили в другом городе, и мы виделись редко. Но даже в этих условиях родители старались передать детям то, что получили сами – через рассказы, через письма, через совместные поездки. Мы поняли, что традиция – это не только то, что передается само собой, но и то, что иногда необходимо выстроить заново и сделать это сознательно.

В проблеме воспитания на православных традициях всегда присутствует и внутренний вызов, свойственный каждому ребенку. Дети всегда особенно остро чувствуют несоответствие, когда им в храме говорят об одном, а дома видят, что все живут по-другому. Если связь родителей со своими детьми не подкреплена реальной духовной жизнью, то любая, даже самая важная и ценная традиция превращается в бессмысленный ритуал, который подросток либо отвергает, либо принимает исключительно формально. В какой-то степени авторы этой статьи пережили это на собственном опыте – в определённый момент вдруг стали ощущать, что ходят в храм только потому, что так делают родители, а не потому, что это верят. Это был кризис, который заставил нас задуматься: а что мы сами думаем о Боге, о молитве, о посте? И вот только тогда, когда мы начали искать ответы сами, традиция стала нашей, а не родительской.

Мы выросли в православных семьях, но в разных условиях, и это позволяет увидеть проблему с разных сторон. В одном случае традиция передавалась через повседневную совместную жизнь: молитва была не обязанностью, а частью дня, пост – временем, когда семья что-то делает вместе, праздники – событиями, к которым готовились, прощение обид перед причастием – практикой, а не теорией. Это дало понимание, что вера – не набор правил, а образ жизни. Но уже в подростковом возрасте возникал вопрос: это лично моя вера или родительская? Во другом случае родители воцерковились, когда дети уже были подростками. Традиция не наследовалась, а строилась с нуля: дети не понимали, почему вдруг меняются правила повседневности, а родители не всегда могли объяснить, почему важно то или иное. Оба этих опыта подтверждают главное: традиция передается через совместную жизнь, а не через слова.

Так что же дает православная традиция современной семье?

Во-первых, определённую иерархию ценностей, которая помогает ребёнку понять, что удовлетворение желаний не является высшей целью его жизни. Во-вторых – образец отношений с другими людьми: любовь, послушание, ответственность становятся практиками, которые ребёнок видит в семье, а затем несёт в собственную. В-третьих – опору в трудных условиях: у семьи есть ресурс – вера, молитва, поддержка [3]. Православная традиция не является музейной ценностью – она отвечает на глубинные потребности человека в духовной опоре и подлинных отношениях здесь и сейчас. Однако это не случается автоматически, а требует каждодневных усилий от родителей, от окружающих, и, главное – от самих детей, когда они вырастают.

Православные традиции воспитания предлагают современной семье не отвлеченные нормы, а целостный образ жизни, в котором вера, семья и повседневность не разделены, а органично дополняют и взаимообогащают друг друга. Именно в таких условиях традиции воспитания наиболее полно

раскрывают свою ценность – как устойчивая система ориентиров, как опыт подлинных отношений, как опора в меняющемся мире. Да, их межпоколенная трансляция не гарантирована: сохранение требует сознательных усилий родителей, их готовности жить по вере, а не только говорить о ней. Поэтому обращение к православным традициям сегодня – это не какой-то возврат в прошлое, а вполне оправданный и актуальный поиск прочной основы для воспитания человека, способного жить в сложном современном мире, не теряя себя.

Список источников и литературы:

1. Тоторкулова, А. Х. М. Семейное воспитание как социокультурный феномен / А. Х. М. Тоторкулова // Ярославский педагогический вестник. – 2004. – № 3 (40). – С. 106–109.

2. Материалы по основам православной культуры // Методическая разработка. – URL: https://sh-kd-minusinskaya-r04.gosweb.gosuslugi.ru/netcat_files/68/1903/OSNOVY_PRAVOSLAVNOY_KUL_TURY_Sinyugina_EI_2019_2020.pdf (дата обращения: 16.09.2026).

3. Конспект беседы «Семейное воспитание» // Инфоурок. – URL: https://infourok.ru/konspekt-besedi-semeynoe-vospitanie-1564140.html (дата обращения: 16.09.2026).

УДК 271.2:316.7

РОЛЬ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ФОРМИРОВАНИИ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТИРОВ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

П. А. Телипко, П. В. Водчиц
студентки экономического факультета
*Научный руководитель: **Ю. Д. Данилов**, старший преподаватель кафедры гуманитарных наук*
Беларусь, г. Брест, БрГТУ

Аннотация. В статье рассматривается роль православной церкви в формировании ценностных ориентиров молодежи в условиях постиндустриального общества. Анализируются особенности религиозности населения Беларуси, формы взаимодействия церкви с молодыми людьми, значение личного примера и духовно-образовательной деятельности. Авторы рассматривают возможности и ограничения влияния православной церкви на ценностные установки современной молодежи. В работе сделан вывод о значении диалога и современных способов коммуникации при сохранении традиционных ценностей.

Ключевые слова: православная церковь; молодежь; ценностные ориентиры; религиозность; постиндустриальное общество; Беларусь: духовно-нравственные ценности.

Как утверждается в одном из определений, постиндустриальное общество – это современный тип устройства социума, в котором главными ценностями и ресурсами стали информация, знания, технологии и сфера услуг, а не промышленное производство. В таком обществе стерты традиционные жесткие рамки, обусловленные социальными статусами, и перед людьми открываются поистине бесконечное количество дорог. Однако именно это разнообразие возможностей и делает выбор ценностных ориентиров особенно сложным, прежде всего для молодежи.

В таких условиях особое значение приобретают исторические сложившиеся традиции церкви, для Беларуси – прежде всего Белорусской Православной Церкви, которая столетиями формировала духовно-нравственные основы белорусского народа.

Чтобы продемонстрировать ее роль можно обратиться к опросу, проведенному в 2024 году, согласно которому 55,6 % жителей нашей республики считают себя верующими. Эти данные не только характеризуют общую религиозную ситуацию в стране, но и позволяют рассматривать религиозность как важнейший фактор всей общественной жизни белорусов. Примечательно, что большинство молодых людей называют себя верующими

не потому, что глубоко знают догматы, а из-за семейных традиций. Об этом можно судить по такому факту, что регулярно посещают храмы и участвуют в богослужениях менее 5–7 % от общего числа верующих юношей и девушек [1].

Данные исследований говорят о том, что нередко религиозные убеждения молодых людей носят неопределенный характер, сочетаются с верой в гороскопы, экстрасенсов, иными верованиями. Они более чем представители старших поколений воспринимают религию как личное дело каждого. Молодежь в целом одобряет социальные проекты церквей, но выступает против вмешательства религиозных организаций в светскую жизнь общества, образование и политику [2].

Что же церковь предлагает молодым людям? На наш взгляд, ответ не лежит где-то на поверхности, поскольку сама молодежь далеко не всегда ищет в церкви именно догматические знания. Мы наблюдаем, что современный молодой человек приходит в храм не столько за теологическим просвещением, сколько за поиском смыслов, ощущения устойчивости и общности. В условиях, когда социальные связи ослабевают, а цифровая среда заменяет живое общение, церковь остается одним из немногих институтов, предлагающих реальную, а не виртуальную общность и такую же реальную жизнь в ней. Это может быть общность прихода, волонтерского движения, паломнической группы или творческого коллектива. Именно в этом, как мне представляется, заключается главный ресурс церкви в работе с молодежью – не в назидании, а в создании пространства, где молодой человек чувствует себя принятым, востребованным и осознающим свои возможности для самореализации.

Смысл этих дел укоренен в Библии, так, апостол Матфей пишет: «Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного» (Мф. 5:16). Подлинность веры проявляется в действиях любви и заботы о ближнем. Но, как нам кажется, молодой человек сегодня воспринимает эти слова не как абстрактную заповедь, а как приглашение к конкретному действию творить добро, оказывать реальную помощь и поддержку.

Вместе с таем, следует признать, что и у церкви есть ограничения и препятствия.

Во-первых, молодые люди сегодня сами выбирают, во что верить: значит, церковь не может заставить – она может только убеждать.

Во-вторых, раньше слово церкви было законом, а сейчас этого нет: помогает только личный пример и разговор на равных, а не нравоучения. Сами священники говорят, что лучше всего убеждает своя жизнь. Апостол Павел наставляет Титу: «Во всем показывай в себе образец добрых дел» (Тит. 2:7). Жизненное свидетельство, в котором слово не расходится с делом, убеждает сильнее любых словесных доказательств.

В-третьих, церковь сегодня действует в условиях жесткой конкуренции за внимание молодежи. Социальные сети, искусственный интеллект развлекательный контент, субкультуры, секулярные ценности – все это предлагает молодому человеку быстрые решения, и яркие впечатления, развлечения, не требующие напряженной внутренней работы. Церковь же предлагает путь, требующий терпения, дисциплины и личных усилий. Это объективное противоречие, которое, по нашему мнению, нельзя и невозможно игнорировать. Именно поэтому главный вопрос сегодня состоит не в том, «нужна ли церковь молодежи», а в том, готовы ли церковь и молодежь говорить друг с другом на понятном обоим им языке.

Одним словом, можно говорить о том, что роль православной церкви в формировании ценностей белорусской молодежи имеет двойственный характер. С одной стороны, церковь по-прежнему остается важнейшим социальным институтом для всего общества и помогает сохранять традиционные ценности. Это то, о чем апостол Павел призывал филиппийцев: «Чему вы научились, что приняли и слышали, и видели во мне, то исполняйте» (Флп. 4:9). Этот призыв актуален и сегодня: молодежь принимает ценности церкви, но это восприятие происходит уже по иным каналам, с помощью современных способов и технологий общения. С другой стороны, реальное влияние церкви осуществляется в большей степени через семью, культуру, школу, а не через прямое воцерковление. В дальнейшем, как нам представляется, взаимоотношения церкви с молодежью зависят от того, смогут ли они наладить между собой продуктивный и устойчивый диалог, сохраняя при этом свои традиции, интересы, устремления. Важно подчеркнуть, что перечисленные выше противоречия существуют не только в Беларуси, сегодня практически во всем мире стоит этот важный вопрос.

В заключение хотелось бы отметить, что формирование ценностных ориентиров молодежи – это не односторонний процесс. Церковь не просто «передает» ценности, а вступает во взаимодействие с молодым человеком, который сам является активным участником этого процесса. И от того, насколько это взаимодействие будет уважительным, открытым и честным, зависит не только будущий диалог церкви с обществом, но и нравственный облик общества в целом, а также и роль самой церкви в жизни этого общества.

Список источников и литературы:

1. Опрос: верующими себя считают 55,6 % жителей Беларуси // БелТА. – URL: https://belta.by/amp/society/view/opros-verujuschimi-sebja-schitajut-556-zhitelej-belarusi-653761-2024/ (дата публ.: 12.08.2024).

2. Пьянов, В. В. Религиозная ситуация в Республике Беларусь / В. В. Пьянов // Научные труды Московского гуманитарного университета. – 2025. – № 1. – С. 52–59.

3. Ломакин, А. Чем можно привлечь молодежь в храм – отвечает священник // SB.BY Беларусь сегодня. – URL: https://www.sb.by/articles/ponyatnyy-molodezhi-yazyk.html?amp=1 (дата публ.: 14.12.2024).

УДК 291.11

РЕЛИГИОЗНЫЙ МЕМ В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕННОСТЕЙ МОЛОДЕЖИ

А. И. Федоскин
аспирант
Россия, Санкт-Петербург, ЛГУ им. А. С. Пушкина

Аннотация: Доклад посвящен рассмотрению роли цифровизации и развития неоархаики в современной духовной культуре, на примере российских интернет-художников и разработчиков видеоигр. Особое внимание уделяется видеоиграм как важной части культуры современной молодежи, особенностям воздействия этого вида искусства на формирование ценностных оснований молодых людей. В заключении докладчик приходит к выводу что цифровое искусство не только способно отражать ценности своих создателей, особенно в случае видеоигр, но и эффективно воздействовать на формирование ценностных оснований публики.

Ключевые слова: цифровизация; видеоигры; ценностные ориентации.

Жизнь современного постиндустриального общества все теснее связывается с процессами цифровизации. Духовная жизнь молодежи уже с самых малых лет неразрывно связана с цифровой культурой. Поэтому в вопросе исследований формирования ценностных оснований молодежи факторы цифровизации приобретают первостепенное значение. Российский религиовед Михаил Юрьевич Смирнов в одноименной статье характеризовал цифровизацию как «обнуление религий», подразумевая что религиозность в цифровом пространстве строится с нуля [0, с. 137–145.]. Таким образом, ценностные основания молодежи формируются во многом во взаимодействии со этой «обнуленной» религиозностью, что делает ее отдельным предметом для изучения.

Важное место в современной цифровой культуре занимает феномен интернет-мема, как наиболее часто встречающийся в сети в форме информации; видеоигры являются частью искусства. Ричард мема как самовоспроизводящейся и передающейся от человека к человеку единицы информации, отвечающей за ценностные установки индивида, предложил в 1976 г. биолог Ричард Докинз [0, с. 253–267]. Позднее его идея была развита

психологом Сьюзан Блэкмур, предложившей также рассматривать цифровое пространство в качестве средства распространения мемов, в частности религий как их комплексов [0]. Подобные «религиозные мемы» или неспецифические религиозности, в последствии формируют личный сакральный космос человека и его индивидуальную религиозность, согласно социологической концепции религиозности Томаса Лукмана [0]. Впоследствии, развивая их совместную с Лукманом концепцию социального конструирования реальности, Питер Бергер утверждал о возможности содержания идей в объектах материальной культуры как их объективаций, позволяющих дальнейшую интернализацию [0; 0, с.14 –21]. Эти концепции позволяют рассматривать произведения цифровой культуры как отражения, или объективации, ценностей своих авторов.

Тем не менее, возвращаясь к тезису об «обнулении религий», можно утверждать, что реальность внутри цифровых медиа существует отдельно от материальной. Так пишет в своей работе, посвященной массмедиа Никлас Луман, но, концентрируясь главным образом на взаимоотношениях между новостями и событиями в реальном мире, развлекательные же медиа он относит к разряду «социальных игр», обладающих, также как и технические средства, которыми сообщения доносятся до адресата, большей агентностью [0, с. 83–85]. Особой разновидностью таких медиа выступают видеоигры, чья внутренняя реальность воссоздается каждый раз заново во взаимодействии с игроком [0]. Эти уникальные свойства развлекательных цифровых медиа, и, в частности, видеоигр, побуждают обращать больше внимания на их исследование с целью изучения взаимодействия с ценностными основаниями их адресатов.

В качестве примера современной неоархаики и влияния видеоигр на отечественную культуру могут выступать работы интернет-художников. К таковым в первую очередь следует отнести арт-проект Романа Папсуева «Сказки Старой Руси» [0]. В своей работе автор наделяет персонажей отечественной сказочной мифологии образами и атрибутами, характерными не просто для запада, но конкретно для игровых миров, в частности больше всего прослеживается влияние вселенной «Warcraft». Так, осовременив образы родных персонажей, художник подготовил их для населения уже не мифологического пространства устной сказки, но современного интерактивного игрового пространства.

Другим примером, одновременно более эклектичной и глубокой работы с материалом может служить творчество Михаила Сидоренко [0]. Его работы из серий «Песнь Лебедя» и «Купчино-Чертановские мифы» демонстрируют стремление, иногда через гиперреализм в разработке персонажей, иногда через контраст выбранных образов, сделать классическую мифологию вновь помещаемой в пространстве современной массовой культуры. Помимо

прочего в творчестве художника заметную роль играют видеоигры и интернет-мемы, что в конце концов привело его к работе над художественной частью видеоигры «Русы против Ящеров 2», чей феномен заслуживает отдельного рассмотрения.

Примеры подобных попыток осовременить отечественную мифологию путем заимствования готовых западных форм и создания неоархаических образов, в которых аутентичная мифическая древность сочетается с актуальной современностью, уже встречались в отечественной цифровой культуре. Таким примером выступает группа «Gelios», стремившаяся в середине 90-х годов прошлого века, создать отечественные аналоги успешных западных видеоигр [0]. Игры братьев-разработчиков Андрея и Александра Разбаковых не отличались техническим или художественным совершенством, это была преимущественно попытка самореализоваться как программистам. Тем более, что молодые люди тогда сами увлекались видеоиграми и были уверены, что понимают потребности целевой аудитории. Особенно их путь как творцов отечественной неоархаики прослеживается на примере их основной серии игр: «Подземелья Кремля», выпущеной в 1995 г., затем «Смута» – в 1996 г., и «Rising Dead» – после кризиса, в 1999 г.

«Подземелья Кремля» изначально создавались под впечатлением от всемирно популярной на тот момент «Doom», поэтому основа игрового процесса калькировалась и наделялась новым смысловым содержанием. На смену марсианской базе будущего пришли подземелья современной Москвы, космическому морпеху – диггер, а демонам из параллельного измерения – славянская нечисть. Тем не менее, элементы футуризма в «Подземельях Кремля» сохранились в виде фантастического бластера, которым вооружен главный герой. Таким образом, виртуальный мир игры и формируемый ей нарратив отлично укладывается в тематику популярных в то время городских легенд. Диггер – герой-современник, спускается в ранее охраняемые подземелья не только с летучими мышами – мутантами, но и с ожившей нечистью из забытых времен, рвущейся наверх. В 1996 году разработчиками была выпущена «Смута», более технически совершенная, заявленная как прямое продолжение «Подземелий Кремля», тем не менее заметно от нее отличающаяся. Сказочность уступила мнсто реализму, теперь диггер пытается выбраться не из загадочных и сказочных подземелий исторического Кремля, а из индустриальных подземелий и канализации современной Москвы. Противники превратилась из сказочной нечисти в злобных оживших мертвецов: стрельцов, разбойников, и бояр. Оружие стало разнообразнее и реалистичнее, диггер лишился футуристичного бластера в качестве основного оружия, и только по ходу игры сможет найти автомат Калашникова, до того сражаясь с нечистью практически на равных. Последний уровень игры заканчивается подъемом из канализации на улицы современной Москвы, где

позже развернутся события «Rising Dead», городские локации которой разработчиками планировалось использовать для другого проекта, но в конце концов было решено заполонить их той же нежитью.

С точки зрения поиска объективированных ценностных оснований, наибольшее внимание привлекает такая особенность игр «Gelios» как антибонусы. Классическая для видеоигр механика подбираемых предметов была использована разработчиками в качестве отличительной черты своих проектов. В «Подземельях Кремля» появились предметы, нежелательные для подбора игроком, а в «Смуте» они стали еще и выпадать из противников. К таковым предметам относились мухоморы и «пойло», описание эффекта последнего звучало в игре как «пойло отняло 10 лет жизни», подразумевая снижение здоровья, противоположно эффекту например «горшка доброй каши». Больше игрового смысла эта механика приобрела, когда в «Смуте» игроку приходилось сталкиваться в узких проходах с черепами, которые в «Подземельях Кремля» были декорациями, а затем превратились в противников, оставляющих после себя мухоморы, а также стрельцов, оставляющих после себя «пойло». У игрока появилась возможность уничтожать эти антибонусы, если те стояли у него на пути, что уже можно расценивать как высказывание, утверждающее, по крайней мере, опасность алкоголя.

Взаимодействие с виртуальным миром видеоигры можно рассматривать как процесс социализации, с точки зрения концепции Лукмана-Бергера, являющегося главным и наиболее эффективным методом интернализации представлений о мире, к которым относятся ценностные основания. Виртуальный мир видеоигр братьев Разбаковых – это мир, в котором архаика переплетается с современностью, любознательный и свободолюбивый современник посещает запретные области и сражается с призраками репрессивной власти, но те все больше ведут себя как отравляющая стихия, а не как намеренное зло. Подобная общая интерпретация, учитывая посредственное качество самих видеоигр вряд ли с высоким шансом была интернализирована большинству игроков того периода, однако прекрасно демонстрирует какие ценности экстеранализировались разработчиками.

90-е годы XX-го века в России были периодом активного поиска и формирования новой идентичности, что остро ставило перед каждым деятелем культуры вопрос ценностных оснований в его произведении. «Gelios», копировали готовую геймплейную формулу с запада, наделяя ее близким им ценностными основаниями, отражая воззрения, царившие во всем российском обществе того периода. Подобные процессы, особенно с обращением к славянской древности, проходили и в области религии. Так, например формировались ценностные основания нового славянского язычества [0]. Затронутые разработчиками темы свободы и высказывания в пользу здорового

образа жизни, вполне совпадают с неоязыческими, впрочем, те в свою очередь не сильно отличаются от традиционных ценностей России.

Подобные процессы продолжаются и в современном обществе. Современная цифровая культура во многом испытывает влияние видеоигр, и в поисках родных образов обращается к яркой, магической архаике. В конечном итоге ценностные основания, заключенные в современных проектах, приобретают языческий оттенок. Тем не менее ценностные основания религиозных мемов, воспринимаемых молодежью, по самой их природе остаются в рамках традиционных ценностей. Примером здесь могут служить уже упомянутые «Русы против Ящеров», тематика чьего виртуального мира построена изначально вокруг шутки, и все же, отдельные фразы про Перуна забудутся, а лейтмотив защиты родной земли останется.

Список источников и литературы:

1. Смирнов, М. Ю. Цифровизация как «обнуление» религий / М. Ю. Смирнов // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. – 2019. – № 3. – С 137–145.

2. Докинз, Р. Эгоистичный ген / Р. Докинз ; пер. с англ. Н. Фоминой. – М. : Издательство АСТ : CORPUS, 2016. – 512 с.

3. Blackmore, S. The Meme Machine / S. Blackmore. – Oxford : Oxford University Press, 1999. – 264 p.

4. Luckmann, T. The Invisible Religion: The Problem of Religion in Modern Society / T. Luckmann. – New York : MacMillan Publishing Company, 1967. – 128 p.

5. Бергер, П. Социальное конструирование реальности / П. Бергер, Т. Лукман. Трактат по социологии знания. – М. : Медиум, 1995. – 323 с.

6. Бергер, П. Священная завеса: элементы социологической теории религии / П. Бергер / пер. с англ. Р. Сафронова. – М. : Новое литературное обозрение, 2019. – 208 с.

7. Луман, Н. Реальность масс-медиа / Н. Луман. – М. : Праксис, 2005. – 254 с.

8. Галанина, Е. В. Виртуальный мир видеоигры: культурфилософский анализ / Е. В. Галанина, Е. О. Акчелов // Философская мысль. – 2016. – № 7. – С. 97–111.

9. Онлайн Магазин Сказки Старой Руси. – URL: https://amokshop.ru/ (дата обращения: 19.10.2026).

10. Artstation konhis. – URL: https://konhis.artstation.com/ (дата обращения: 19.10.2026).

11. Uav1606 Поиски «Старого Золота» в «Подземельях Кремля»: интервью с создателями группы «Gelios» // Downgrade. – 2016. – № 16. – С. 8–12. – URL: http://www.dgmag.in/index.htm (дата обращения: 12.09.2026).

12. Федоскин, А. И. Новые религиозные движения в цивилизационном процессе на примере нового славянского язычества в России / А. И. Федоскин // Актуальные вопросы локальной и региональной истории : сборник статей по материалам II Всероссийской студенческой науч.-практ. конф. – Нижний Новгород : Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина, 2024. – С. 209–213.

УДК 323.15

ГРЭКІ Ў ГРОДЗЕНСКАЙ ГУБЕРНІ НА ПАЧАТКУ XX СТ.

А. У. Ціхаміраў
загадчык аддзела навукова-даследчай і экспазіцыйна-выставачнай работы, магістр культуралогіі
Беларусь, г. Гродна, Гродзенскі дзяржаўны музей гісторыі рэлігіі

Анатацыя. Артыкул прысвечаны выяўленню дадзеных аб асобах грэчаскага паходжання, якія пражывалі на тэрыторыі Гродзенскай губерні на пачатку XX ст. Асноўнай крыніцай даследвання з'яўляюцца памятныя кніжкі Гродзенскай губерні, якія выдаваліся губернскім статыстычным камітэтам.

Ключавыя словы: грэкі; праваслаўе; біяграфія; Гродзенская губерня; Беларусь.

Даследванне малалікіх этнічных груп на тэрыторыі Беларусі з'яўляецца складанай навуковай задачай. Дастаткова вузкі абсяг крыніц не заўседы дазваляе падрабязна прасачыць лесы цэлых супольнасцяў ці асобных людзей. Для перыяду XIX – пачатку XX ст. сярод апублікаваных дакументаў і матэрыялаў істотнай крыніцай з'яўляюцца памятныя кніжкі і адрас-календары, якія выдаваліся для беларускіх губерняў. Статыстычныя і біяграфічныя звесткі, інфармацыя аб губернскіх і павятовых органах улады, грамадскіх арганізацыях, духавенстве, прадпрыемствах, фірмах і іншае ў гэтых выданнях значна спрыяюць працы даследчыкаў [1]. Аднак, у выпадку малалікіх этнічных груп абапірацца на статыстычныя крыніцы, змешчаныя ў памятных кніжках складана: звычайна яны проста не згадваюцца і адносяцца да катэгорыі "іншых" без дакладнага апісання. У сувязі з гэтым варта звяртаць увагу на асабістыя звесткі аб людзях, якія займалі розныя пасады і перадусім на іх імены, прозвішчы і веравызнанне. Гэтая інфармацыя дазваляе даведацца аб прысутнасці прадстаўнікоў канкрэтнай групы, і нават прасачыць больш дакладна іх біяграфіі, выкарыстоўваючы дадатковыя крыніцы.

Грэкі ў Беларусі з'яўляюцца этнічнай групай, якая прысутнічае на беларускіх землях яшчэ з часоў раннесярэднявечных княстваў. Сувязь з грэчаскай мовай і культурнай традыцыяй, усходняй галіной хрысціянства, антычнай спадчынай прасочваецца на працягу стагоддзяў і ўздзейнічае на беларускую культуру і сення. Варта падкрэсліць, што сувязь грэкаў з праваслаўем – гэта адзін з найбольш істотных і сталых элементаў з часоў позняй антычнасці і сярэднявечча для грэчаскай культуры.

Даследванне грэчаскай дыяспары і грэчаскіх уплываў у рэлігійнай сферы

ў Беларусі працягваецца і ў 2020-я гг. [2; 3; 4; 5]. Для больш паглыбленага вывучэння гэтай тэмы варта звярнуць увагу і на асабістыя звесткі, якія змешчаны ў розных выданнях памятных кніжак Гродзенскай губерні.

У выніку даследвання памятных кніжак і адрас-календароў 1901-1914 гг. мной было выяўлена 10 асоб грэчаскай нацыянальнасці (або грэчаскага паходжання), якія працавалі на розных пасадах у Гродзенскай губерні ці службовыя абавязкі якіх ахоплівалі тэрыторыю Гродзенскай губерні ў адміністрацыйных межах пасля 1843 г. Асноўным даследчым маркерам былі прозвішчы, імены і імены па бацьку, якія непасрэдна ўказвалі на грэчаскае паходжанне. Верагодна, што прадстаўлены спіс няпоўны і можа быць пашыраны.

Большасць пералічаных ніжэй асоб займала розныя кіраўнічыя пасады ў вайсковай і грамадзянскай адміністрацыі губерні. Усе яны былі мужчынамі. Сярод іх былі камандзіры вайсковых падраздзяленняў, служачыя Міністэрства ўнутраных спраў, сістэмы шляхоў зносін, пошты і тэлеграфа, фінансавай сферы.

Дэмасфен Федаравіч Кірыякідзі (Демосфен Федорович Кириакиди) у (згадваецца па Пружанскім павеце) [6, с. 227]. У 1903 г. ен займаў гэтую ж пасаду, прычым у спісе пазначана, што ен з'яўляўся інжынерам [7, с. 50]. У 1904 г. Д. Ф. Кірыякідзі далей займаў азначаную вышэй пасаду і ўжо меў чын тытулярнага саветніка [8, с. 32]. Таксама ў спісе за 1904 г. было пазначана месца жыхарства Д. Ф. Кірыякідзі – станцыя Пагодзіна Маскоўска-Брэсцкай чыгункі ў Пружынскім павеце [8, с. 321]. Цікава, што назву Пагодзіна станцыя мела з 1903 па 1917 г., а зараз яна называецца Бяроза-Картузская. Пры гэтым знаходзіцца яна не ў межах горада Бяроза, а на тэрыторыі аграгарадка Першамайская Бярозаўскага раена Брэсцкай вобласці. Назва і гэтага населенага пункта таксама змянялася: да 1964 г. Першамайская называлася Блудзень. Цікава, што і да 1903 г. сама станцыя таксама называлася Блудзень. Змены назвы і мястэчка, і станцыі ў XX ст. хутчэй за ўсе былі звязаныя з нібыта яе "немілагучнасцю".

Вяртаючыся да кар'еры Дэмасфена Кірыякідзі, адзначым, што ў наступныя гады ён працягваў служыць на станцыі Пагодзіна: у 1905 г. (у чыне тытулярнага саветніка) [9, с. 170], 1906 г. (ужо ў чыне калежскага асэсара) [10, с. 174], 1907 г. (пазначаны як "начальник 10-го участка, службы-пути") [11, с. Пружанскім павеце за 1910 г. чамусьці няма звестак пра кадравы склад Маскоўска-Брэсцкай чыгункі [14, с. 319], але сярод членаў Пружанскага павятовага аддзялення епархіяльнага вучылішчнага савета згадваецца Дэмасфен Кірыякідзі [14, с. 321]. Пасля 1910 г. звесткі пра гэтую асобу ў памятных кніжках Гродзенскай губерні ўжо адсутнічаюць. Можна меркаваць,

што ен мог быць пераведзены на іншае месца службы. Праца на чыгунцы, займаемая пасада і класны чын, а таксама праваслаўнае веравызнанне напэўна спрычыніліся да таго, што Д. Кірыякідзі быў важнай постаццю лакальнай супольнасці. Ускосна гэта пацвярджаюць звесткі за 1910 г.: нагляд за адукацыяй быў істотнай часткай грамадскай дзейнасці.

Аляксандр Спірыдонавіч Папандопула (Александр Спиридонович Попандопуло) з'яўляецца ў спісах служачых Гродзенскай губерні ў 1904 г. Прозвішча Папандопула характэрнае для розных грэчаскіх рэгіенаў, часта сустракалася сярод прадстаўнікоў грэчаскай дыяспары ў Расійскай імперыі (галоўным чынам, у Паўночным Прычарнамор'і, Прыазоўі) і ў перакладзе значыць "сын праваслаўнага святара, паповіч". Цікава таксама, што яго бацька меў тыповае для грэкаў імя – Спірыдон. Шанаванне св. Спірыдона Трыміфунцкага на працягу стагоддзяў распаўсюджана сярод праваслаўных грэкаў [4, с. 148]. А. С. Папандопула ў 1904 г. адносіўся да Гродзенскага гарадскога паліцэйскага ўпраўлення, меў чын тытулярнага саветніка і займаў пасаду памочніка прыстава 1-ай часткі [8, с. 169]. У 1905 г. Аляксандр Спірыдонавіч працягваў служыць у Гродне, але ўжо займаў пасаду памочніка прыстава 2-га ўчастка [9, с. 27], а з дадзеных памятнай кніжкі можна даведацца і пра яго адрас: "Гродна, Акцизная пл.[ощадь], д.[ом] Каминской" [9, с. 296]. У 1906 г. А. С. Папандопула займаў тую ж пасаду, што год раней, але ўжо ў чыне калежскага асэсара [10, с. 28] і пражываў па іншым адрасе: "Гродна, Яков просп.[ект], д.[ом] Демьяновича" [10, с. 295]. У 1908 г. А. С. Папандопула ўжо служыў у Гарадскім паліцэйскім упраўленні Беластока на пасадзе выконваючага абавязкі прыстава 2-га ўчастка ў чыне калежскага саветніка [12, с.121]. Апошні раз у памятных кніжках Гродзенскай губерні ен згадваецца ў 1909 г. як прыстаў 2-га ўчастка Беластока ў чыне надворнага саветніка [13, с.

Хрыстафор Сафокліевіч Хрыста (Христофор Софоклиевич Христо) пералічаны сярод служачых у губерні ў 1906 г. Тады ен займаў пасаду паштова-тэлеграфнага чыноўніка IV класа з вышэйшым акладам у Высока-Літоўскай паштова-тэлеграфнай канторы 6-га класа [10, с. 127] (зараз – г. Высокае ў Камянецкім раене Брэсцкай вобласці). У 1908 г. Х. С. Хрыста працаваў ужо ў Брэсце, у гарадской паштова-тэлеграфнай канторы 2-га класа на пасадзе паштова-тэлеграфнага чыноўніка VI разраду [12, с. 202]. Згадваецца ен таксама ў Брэсце ў 1910 г. [14, с. 190], у 1911 г. – у Беластоцкай паштова-тэлеграфнай канторы 1-га класа як чыноўнік V разраду [15, с. 194], на той самай пасадзе ў 1912 [16, с. 201], 1913 [17, с. 129] і ў 1914 г. (але ўжо ў чыне калежскага рэгістратара) [18, с. 137].

Сцяпан Іванавіч Сімелідзі (Степан Иванович Симелиди) згадваецца ў памятных кніжках у 1905 г. на пасадзе старшага рэвізора Губернскага акцызнага ўпраўлення ў Гродне і ў чыне надворнага саветніка [9, с. 21].

Пазначаны таксама і адрас пражывання: “Гродна, Городничанская ул.[ица], д.[ом] Клемпнера” [9, с. 305]. У 1906 г. С. І. Сімелідзі займаў гэтую ж пасаду [10, с. 22], але пражываў ужо на вуліцы Пясочнай у доме Кандратовіча [10, с. згадваецца і ў 1910 г. [14, с. 97], а апошні раз ў Гродзенскай губерні – у 1911 г. на пасадзе старшага рэвізора і ў чыне калежскага саветніка [15, с. 95].

Павел Георгіевіч Варэпула (Павел Георгиевич Варепуло) у 1903 г. выконваў абавязкі справавода палкавога суда Крэпаснога пяхотнага палка ў крэпасці Асавец у чыне падпаручыка [7, с. 111]. У 1904 г. ен ужо быў на пасадзе справавода [8, с. 98], у 1905 і 1906 гг. П. Г. Варэпула выконваў абавязкі начальніка страявога аддзялення штаба крэпасці Асавец [9, с. 224; 10, с. 227].

Некаторыя асобы з тыповымі для грэкаў прозвішчамі і іменамі згадваюцца ў памятных кніжках Гродзенскай губерні на пачатку ХХ ст. толькі адзін раз. Так, у 1902 г. сярод іншых пералічаны падпалкоўнік Дзмітрый Рыгоравіч Хрызаскалеа (Дмитрий Григорьевич Хризосколео), які тады быў 3-цім батарэйным камандзірам 38-ай артылерыйскай брыгады, штаб-кватэра якой знаходзілася ў Пружанах [6, с. 226-227]. У 1905 г. сярод ваеннаслужачых 4-ай кавалерыйскай дывізіі ў Беластоку быў ад’ютант камандзіра 4-га конна-артылерыйскага дывізіену Уладзімір Пятровіч Радатопула (Владимир Петрович Радотопуло) [9, с. 213, 215]. У 1906 г. пералічаны ў кніжках яшчэ дзве асобы: палкоўнік Петр Макарыевіч Кірыякаў (Петр Макариевич Кирияков) – камандзір 2-га батальена пры штабе крэпасці Брэст-Літоўск [10, с. 223-224] і штабс-капітан Мікалай Георгіевіч Казанлі (Николай Георгиевич Казанли) – камандзір 5-ай роты 2-га батальена [10, с. 224].

З 1902 да 1913 г. у памятных кніжках Гродзенскай губерні таксама згадваецца інжынер шляхоў зносін, інспектар судаходства Васіль Федаравіч Мерыякры (Василий Федорович Мериакри), які займаў розныя пасады ў Віленскім аддзяленні водных шляхоў і пражываў у Вільні. На 1913 г. ен выконваў абавязкі начальніка аддзялення, быў у чыне стацкага саветніка [17, с. 49]. Віленскае аддзяленне водных шляхоў было ўстановай, кампетэнцыі якой распаўсюджваліся і на тэрыторыю Гродзенскай губерні.

Адным з асноўных недахопаў звестак, якія змешчаны ў памятных кніжках з’яўляецца адсутнасць дат нараджэння, месцаў нараджэння і навучання, дадзеных аб сужэнцах, дзецях і г. д. Аднак нават ужо выяўленыя звесткі дазваляюць спрабаваць прасачыць далейшыя прафесійныя шляхі згаданых асоб з дапамогай іншых крыніц. Невялікая колькасць інфармацыі яшчэ пакуль не дае падстаў для стварэння спробы прасапаграфічнага даследвання, але можа быць яго пачаткам.

Грэкі ў Беларусі – адна з цікавых і важных этнічных супольнасцяў, гісторыя якой сягае на беларускіх землях часоў хрысціянізацыі. Вывучэнне мінулага грэчаскай дыяспары дазваляе раскрыць самыя розныя аспекты

ўзаемных уплываў і міжкультурнага супрацоўніцтва.

Спіс крыніц і літаратуры:

1. Карпекін, К. Р. Памятныя кніжкі беларускіх губерняў як крыніцы па гісторыі іўдзейскіх абшчын у сярэдзіне XIX – пачатку XX ст. / К. Р. Карпекін // Актуальные проблемы источниковедения: материалы III Междунар. научно-практ. конф., Витебск, 8–9 окт. 2015 г. / Вит. гос. ун-т ; редкол.: А. Н. Дулов и М. Ф. Румянцева (отв. ред.) [и др.]. – Витебск : ВГУ им. П. М. Машерова, 2015. – С. 238–240.

2. Ціхаміраў, А. У. Грэчаская дыяспара Рэспублікі Беларусь у міжкультурным кантэксце / А. У. Ціхаміраў // Христианские ценности и межкультурное взаимодействие: сб. науч. статей Междунар. научно-практ. конф., Брест, 17–18 июня 2022 г. / Мин-во образ. Республики Беларусь, Брестский гос. технический ун-т; редкол.: Т. В. Лисовская [и др.]. – Брест : БрГТУ, 2022. – С. 184–189.

Ціхаміраў, А. У. Грэкі Беларусі ў канцы XIX – 20-х гг. XX ст. Статыстычныя звесткі і міжкультурны кантэкст / А. У. Ціхаміраў // Христианские ценности и вопросы национальной безопасности: сб. науч. статей Междунар. науч.-практ. конф. / Брестский гос. технический ун-т; редкол.: Л. Ю. Малыхина (гл. ред.), В. Н. Варич [и др.]. – Брест, 2024. – С. 180–187.

Ціхаміраў, А. У. Шанаванне св. Спірыдона Трыміфунцкага ў Беларусі як прыклад міжкультурнага дыялогу / А. У. Ціхаміраў // Молодежь. Духовность. Отечество. Просвещение и нравственность: формирование личности и вызовы времени : сб. науч. статей Междунар. научно-практич. конф. в рамках епархиального этапа XXXIV Междунар. Рождественских образоват. чтений / Брестский гос. технический ун-т; редкол.: Н. П. Яловая (гл. ред.), Л. Ю. Малыхина, Н. Н. Ковалева, С. В. Грибова. – Брест : БрГТУ, 2025. – С. 147–152.

5. Грибова, С. В. Греческая диаспора на территории Беларуси: историко-религиозный аспект / С. В. Грибова, М. М. Сонов // Молодежь. Духовность. Отечество: 80-летие Великой Победы: память и духовный опыт: сб. науч. статей Респ. научно-практич. конф. с междунар. участием в рамках епархиального этапа XXXIII Междунар. Рождественских образоват. чтений / редкол.: Н. П. Яловая (гл. ред.), Л. Ю. Малыхина, С. В. Грибова. – Брест : БрГТУ, 2025. – С. 33–37.

Памятная книжка Гродненской губернии на 1902 г. – Гродна, 1902. – Отд. II. – 408 с.

Памятная книжка Гродненской губернии на 1903 г. – Гродна, 1903. – Отд. II. – 371 с.

Памятная книжка Гродненской губернии на 1904 г. – Гродна, 1904. – Отд. II. – 381 с.

Памятная книжка Гродненской губернии на 1905 г. – Гродна, 1905. – Адрес-календарь. – 326 с.

Памятная книжка Гродненской губернии на 1906 г. – Гродна, 1906. – Адрес-календарь. – 324 с.

Памятная книжка Гродненской губернии на 1907 г. – Гродна, 1907. – Личный состав правительственных и общественных учреждений. – 424 с.

Памятная книжка Гродненской губернии на 1908 г. – Гродна, 1908. – Отд. II. Личный состав правительственных и общественных учреждений. – 440 с.

Памятная книжка Гродненской губернии на 1909 г. – Гродна, 1909. – Личный состав правительственных и общественных учреждений. – 75-452 с.

Памятная книжка Гродненской губернии на 1910 г. – Гродна, 1910. – Личный состав правительственных и общественных учреждений. – 420 с.
Памятная книжка Гродненской губернии на 1911 г. – Гродна, 1911. – Личный состав правительственных и общественных учреждений. – 73-432 с.
Памятная книжка Гродненской губернии на 1912 г. – Гродна, 1911. – Личный состав правительственных и общественных учреждений. – 73-476 с.
17. Адрес-календарь и справочная книжка Гродненской губернии на 1913 г. – Гродна, 1912. – Личный состав правительственных и общественных учреждений. –

18. Адрес-календарь и справочная книжка Гродненской губернии на 1914 г. – Гродна, 1913. – Личный состав правительственных и общественных учреждений. –

УДК 1(091):004

ОТ АНТИЧНОГО ЛОГОСА К ЦИФРОВОМУ КОДУ: ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ЭВМ

К. В. Черкасюк
студент экономического факультета
*Научный руководитель: **Е. Д. Семак**, старший преподаватель кафедры гуманитарных наук*
Беларусь, г. Брест, БрГТУ

Аннотация. В статье рассматривается основной, антропологический фактор при переходе от античного логоса к цифровому коду. Показывается, что современная ЭВМ – материализация античного рационализма, а цифровой код – онтология, в которой смысл замещается операцией. Делается вывод о необходимости философской рефлексии в отношении «цифрового разума».

Ключевые слова: логос; число; формализация; цифровой код; человек.

Введение. За инженерными решениями, лежащими в основе современной ЭВМ, стоит длительная философская традиция, уходящая корнями в античность. Идея о том, что реальность исчислима, а мышление может сводиться к формальным операциям, впервые возникает в греческой философии. Цель работы – показать, что цифровой код есть закономерный процесс развития древнегреческой традиции и одновременно ее радикальная трансформация: античный логос был заложен в смысл бытия, а цифровой код – есть долгосрочное следствие формальной операции. Отсюда – вопрос о пределах аналогии между человеческим мышлением и системными операциями современных машин.

Понятие «логос» (λόγος) как первая парадигма рациональности в греческом мире V в. до н. э. было принципиально многозначным – в истории западноевропейской науки оно обозначало: слово, речь, довод, причина, мера, правило, разум [1, с. 669]. Гераклит, впервые придавший логосу философский смысл, не дал ему дефиниции – и в этом не было случайности: многозначность понятия отражала его природу. Логос Гераклита – не субстанция, а атрибут. В греческом ἔχει («обладать») душа обладает логосом, значит, логос есть не первоначало, а свойство. Это не бог, не огонь и не судьба, а мысленно-речевая проекция миропорядка в разуме человека [1, с. 673–674].

При этом логос обращен ко всем, но понят немногими: «Эту-вот Речь (Логос), сущую вечно, люди не понимают...» [1, с. 672]. Причина не в недоступности логоса, а в «варварских душах»: грубость, страсти и зависимость от мнений толпы мешают его воспринять. Истинная мудрость состоит в знании единого: «мудрость в том, чтобы знать все как одно».

Пифагорейцы сделали решающий шаг дальше: если все есть число, то реальность в принципе исчислима. Платон в «Тимее» развернул эту интуицию в целую космологию. Демиург творит космос, «взирая на неизменно сущее» как на первообраз [3]. Душа космоса сотворена как числовая структура: демиург делит целое по пропорциям 1, 2, 3, 4, 8, 9, 27, заполняя промежутки интервалами 3/2, 4/3 и 9/8. Это уже не просто «все есть число», а алгоритмическая процедура. Развивая мысль в том же направлении, Платон определяет время как «движущееся подобие вечности», движущееся «от числа к числу» [3].

Однако между античным числом и цифровым кодом есть принципиальное различие. Платон разграничивает два рода причин: «одаренные умом» и «лишенные разума». Логос принадлежит к первому роду, код – ко второму. Античная философия родилась из созерцания: «глаза открыли нам число... а из этого возникло то, что называется философией» [3]. Цифровая эпоха рождается не из созерцания, а из операции. Это и есть точка расхождения, из которой вырастает вся дальнейшая история математических расчетов.

От счета к машине: материализация логоса. Первыми вычислительными устройствами были человеческая рука и камешки. Отсюда – пятеричная и десятичная системы счисления. Абак, известный уже в Древнем Египте и Греции, служил не столько для вычислений, сколько для запоминания промежуточных результатов: техника выступала как внешняя память, протез мышления [5, с. 48].

Следующий шаг – суммирующие машины. Леонардо да Винчи оставил эскиз 13-разрядного устройства; Шиккард построил 6-разрядную машину; Паскаль в 1641–1645 гг. сконструировал 8-разрядную и наладил ее серийное производство. Принцип переноса десятков через вращение колес, найденный

Паскалем, используется и в современных ЭВМ. Логос перестает быть метафорой и становится инженерной реальностью.

Формализация мышления в период европейского средневековья проходила путь от христианской мистики к созданию математической логики, комбинаторики и концепции компьютера: от Луллия к Лейбницу. Средневековая схоластика и «Ars Magna» («Великое искусство») Раймунда Луллия предприняли первые попытки механизировать логический вывод. Но решающий шаг сделал Готфрид Лейбниц. В «Истории идеи универсальной характеристики» он изложил программу Characteristica universalis – универсального языка, в котором любое рассуждение сводилось бы к вычислению. Исходная интуиция Лейбница прямо восходит к пифагорейско-платоновской традиции. Отсюда – идея «алфавита человеческих мыслей», с помощью которого «все может быть и открыто, и разрешено» [2, с. 414].

В трактате «Об универсальной науке, или философском исчислении» Г. Лейбниц формулирует цель: «Никогда не кончатся споры... пока от путаных рассуждений... мы не перейдем к простым исчислениям и определенным характерам» [2, с. 497]. Идеал – ситуация, когда «нужда в дискуссии между двумя философами была бы не большей, чем между двумя вычислителями». В «Элементах универсальной характеристики» он даёт конкретное правило: каждому термину приписывается число, а составному – произведение чисел составляющих [2, с. 506]. Так, «человек есть разумное животное», если «животное» – 2, а «разумное» – 3, то «человек» – 6.

Мечта Лейбница не была реализована при его жизни, но она стоит у истоков современной западноевропейской логики и информатики: алгебры логики Буля (1854), «Begriffsschrift» Фреге (1879), машины Тьюринга (1936), теории информации Шеннона (1948), архитектуры фон Неймана. Лейбниц мыслил свое исчисление как усовершенствование мышления. XX век реализовал эту программу как машину, которая не вооружает умственное зрение, а заменяет его. Это и есть точка перехода от логоса к коду.

Цифровой код и современные знания можно рассмотреть как новую онтологию. Параллельно с формализацией логики менялось и само сознание человека. Античный ум созерцал космос как живое целое; новоевропейский ум расчленил его на исчисляемые элементы. Т. Кун показал, что научные революции – это смены парадигм. М. Фуко описал эпистемы как глубинные структуры знания. Переход от эпистемы сходства к эпистеме исчисления и есть переход от логоса к коду.

Современная ЭВМ сводит любое содержание к бинарному различению: 0/1. Это предельное выражение пифагорейской интуиции, но с одной существенной подменой – логос как смысл замещается кодом как операцией. Алгоритм не понимает, он исполняет. Это было показано через эксперимент «китайская комната»: человек, не знающий китайского языка, манипулирует

символами по формальным правилам, и его ответы неотличимы от ответов носителя языка – но сам он не понимает ни слова. Вывод Серла: «манипуляция формальными символами сама по себе не обладает никакой интенциональностью... они имеют лишь синтаксис, но не имеют семантики» [4]. Логос у Гераклита был смыслом бытия, открытым для понимания; код – формальной операцией, лишенной смысла. Информация без интерпретации – не информация, а лишь формальная структура.

Заключение. Современные ЭВМ – закономерный итог античного рационализма, прошедшего через научные революции и формализацию логики. Но цифровой код – это логос без смысла, вычисление без понимания, информация без значения. Вопрос не в том, может ли машина мыслить, а в том, не утратит ли человек способность мыслить, доверив мышление машине. Античный логос был путем к истине; цифровой код – лишь средство. Сохранить различие между ними – задача философии.

Список источников и литературы:

1. Кочеров, С. Н. В поисках логоса Гераклита / С. Н. Кочеров // ΣΧΟΛΗ. – 2021. – Т. 15, № 2. – С. 668–680.

2. Лейбниц, Г. В. Сочинения : в 4 т. / Г. В. Лейбниц ; ред. и сост., авт. вступ. ст. и примеч. Г. Г. Майоров, А. Л. Субботин ; пер. Я. М. Боровского [и др.]. – М. : Мысль, 1984. – Т. 3. – 734 с. – (Философское наследие ; т. 92).

3. Платон. Тимей / Платон // Платоновское философское общество. – URL: https://plato.today/TEXTS/PLATO/LosevH/0312.htm (дата обращения: 19.09.2026).

4. Серл, Дж. Сознание, мозг и программы / Дж. Серл ; пер. А. Л. Блинова // Аналитическая философия: становление и развитие. – М., 1998. – URL: https://scilib-biology.narod.ru/Searle/MindsBrainsPrograms/mbp_ru.htm (дата обращения: 19.09.2026).

5. Энциклопедический словарь юного математика / сост. А. П. Савин. – М. : Педагогика, 1985. – 352 с.

УДК 299.4:355.01

ЯЗЫЧЕСКИЙ ВЫБОР УЧАСТНИКОВ СВО: ПО МАТЕРИАЛАМ ГЛУБИННЫХ ИНТЕРВЬЮ

Р. В. Шиженский
главный научный сотрудник, Центра религиоведческих и этнополитических исследований; ведущий научный сотрудник Центра этноконфессиональных исследований и изучения традиционных российских духовно-нравственных ценностей ИЭА; доктор философских наук, доцент
Россия, г. Пушкин – г. Санкт-Петербург, ЛГУ им. А.С. Пушкина
г. Москва, РАН

В реалиях специальной военной операции (СВО), контроль государственных структур направлен на особенности формирования воинского духа в России. Фактические данные свидетельствуют о том, что «духовные стандарты» России в зоне СВО представлены не только традиционными конфессиями (в первую очередь православием), но и возрождаемым этноориентированным язычеством – ярким примером новых религиозных движений (НРД), что вызывает обеспокоенность Русской Православной Церкви (РПЦ).

Патриарх Кирилл не единожды указывал на проблему возрождаемого, конструируемого язычества. В частности, заявил, что неоязычество, распространяемое в воинской среде, представляет угрозу национальной безопасности и противопоставляет вымышленное прошлое реальному наследию нашего народа. Так, на заседании Высшего церковного совета 24 сентября 2024 года глава Русской православной церкви обозначил ситуацию, требующую решения: «В окопе нет атеистов… Но верно также и то, что война порождает к жизни деформированные формы духовности…Армия – это место, где проявляется человеческая сила, поэтому есть большой риск того, что невоцерковленных, далёких от православия военнослужащих может привлекать риторика неоязыческих проповедников».

Таким образом, изучение идеологического аспекта «боевого язычества» заслуживает особого внимания. Одним из ярких проявлений неоязычества на передовой следует признать **синкретизм религиозного сознания военных-язычников: смешение славянской и скандинавской мифологий.** Данное утверждение подтверждается массивом глубинных интервью представителей современного российского язычества, участвующих в СВО, собранных руководителем нашей лабораторией Р. В. Шиженским в период с 2024–2026 гг.

Синкретизм славянского и скандинавского мировоззрения громко заявил о себе в зоне проведения СВО через религиозную атрибутику и пантеон особо почитаемых богов, провозглашающих принцип силы, бесстрашия и мужественности. Одновременно с верой в Перуна, бойцы могут иметь рунические ставы, татуировки, связанные со скандинавской мифологией, верить, что попадут в Вальхаллу. Отсюда возникает вопрос почему в сознании адептов славянского язычества возникают отсылки к скандинавскому мировоззрению и, по их мнению, это является «безошибочно сочетаемым»?

Часть ответа мы находим у участника проводимого опроса – Норманна, который на вопрос: «Можем ли мы говорить о синкретизме славянских и скандинавских верований в СВО» дал следующий ответ: «Конечно можем. Но это не новое явление. Точно таким же был синкретизм славянского и скандинавского язычества в русской дружинной культуре Средневековья. На русской почве он неизбежен».

Чтобы понять, насколько данный ответ корректен и имеет исторические обоснования, следует обратить внимание на последние данные археологических раскопок Восточной Европы XI–XIII вв., которые продемонстрировали увеличение количества находок бронзовых амулетов-топориков (аналогов молота Тора) на территории России. Сегодня, в исторической науке, возникло много вопросов, связанных с причинами появления и существования этих предметов в материальной культуре русского Средневековья.

В 1961 г. В. П. Даркевич высказал точку зрения о связи найденных амулетов с культом Перуна, древнерусского бога Грома. Именно эта точка зрения получила наибольшее распространение среди специалистов. Однако в 90-е годы академик Н. А. Макаров дополнил эту версию. Исследователь обратил внимание на следующий факт: такие амулеты чаще встречаются в контекстах, связанных с профессиональными воинами — в городах, военных крепостях, дружинных посёлках. Кроме того, устойчивая «иконография» амулета-топорика сложилась в XI в., когда святилища Перуна были уже разрушены.

В 2017 г. исследователь Меньшиков в статье «Секира Перуна или топор Святого Олафа» показал, что картина намного сложнее. Параллельно с языческим восприятием амулета существовала и другая – христианская традиция. В XI–XII вв. развивался культ **святого Олафа** – норвежского короля – покровителем скандинавских воинов. Дружины викингов, для которых была характерна традиция ношения подвесок в виде молоточка или секиры Тора, распространяли этот символ на территории Руси.

Из этого мы делаем вывод, что последние годы учёный мир не отвергает связь оберега в виде секиры Перуна=молоточка Тора со скандинавский

традицией в воинской среде средневековой Руси, хотя вопросов для обоснования данного явления ещё много.

Обратимся к современному состоянию ситуации языческого синкретизма в военной среде. В ходе нашего исследования было опрошено 54 респондента, были получены следующие выводы. 34 человека – 74 % респондентов, считают, что в языческой среде присутствует синкретизм, считают это нормой и подчёркивают проявление скандинавской мифологии во внешних символах (тату, амулетах или веру в Вальхаллу). 5 человек – 9 % уверены, что – нет. 3 человек – 5 % – воздержались, 4 человека – 7 %, считают, что синкретизм присутствует, не комментируя этого.

Мнения респондентов можно разделить на несколько категорий.

1**) Обращаемся к древнескандинавскому язычеству, потому что оно более изучено, чем славянское – 5 человек (9 %).**

Варяг: «Если говорить о смешении культов славянской и скандинавской мифологии, то это реально так, но связано это с тем, что по скандинавским верованиям сохранилось намного больше информации. Смешение идет. Часто Перун ассоциируется с Тором, Один – с Даждьбогом либо Родом».

Феликс: Да, вполне. Многие язычники, особенно молодые, осознают фрагментарность славянской традиции – прежде всего из-за нехватки достоверных источников и материальной базы – и потому совмещают её со скандинавским язычеством. Тем более что, корень у них общий, и серьёзных мировоззренческих компромиссов это не требует.

2) Скандинавская традиция ассоциируется с неким культом силы, подчёркивает культ воина и веру в загробный рай древних скандинавских язычников (Вальхалла) – 5 человек (9 %)

Перун: «Да и в принципе язычество особенно скандинавское и древнерусское само по себе воинственное (если так можно сказать). Их история основана на войнах, а поэтому она так близка военным».

Инкогнито: «Нательный татуаж служит для поднятия боевого духа носителя и устрашения боевого духа врага».

3) Влияние скандинавов на создание Русского государства, поэтому их мифология близка к нашей, роль и функции богов схожи – 13 человек (24 %).

Бык: «Славянские и скандинавские верования, ну по крайней мере, с кем я здесь общался, идут рядом, то есть, например, идя на штурм, была фраза у нас: «мы все попадем в Вальхаллу», хотя это скандинавское. И конечно тату, либо символы, амулеты присутствуют как скандинавские, так и славянские, я не считаю, что это плохо».

5) Неосознанный выбор на основе популяризации культа «викинга» в художественном кинематографе – 7 человек (13 %).

Вепрь: «Да, несомненно. Вероятно, в этом большая заслуга «пиара» скандинавов, комплекс этнического самоуничижения у русских и просто путаница».

Демон: «Для большинства непосвящённых – можем, но они очень разняться! Тату присутствуют у каждого бойца, но, к сожалению, больше половины бьют их бездумно, и руководствуясь только эстетической красотой или устрашающим фактором. Более того, просто не задумываясь, и в пьяном состоянии».

Значительная часть информантов связывает начало погружения в собственное языческое мировоззрение с предыдущим опытом нахождения в православной традиции. Некоторые респонденты отмечают, что выросли в православной семье, ссылаются на воцерковленность родственников, другие останавливаются на анализе собственной практики знакомства с христианской религией. В восемнадцати интервью воинов, сославшихся на свой христианский опыт, степень погружения в православие имеет весьма неоднородный «описательный ряд»: от общих фраз из серии – «читал Библию» до пространных рассуждений на заданную тему.

Среди причин отхода от православия фигурирует неприятие:

– иноэтничной религиозной системы («стал задаваться вопросом, почему названия городов, имена людей и в целом культура, указанная там, не Русская, не Славянская? Все действия происходят в 3000 км от моей земли, и почему речь идет о народе Израиля, а не о моем народе?»);

– самонаименований (богословских метафор) и положений («почему мы рабы божьи, почему мы должны поклонятся, бояться, а не чтить?»);

– навязывания веры (крещение в детстве);

– насильственной христианизации Руси («во времена крещения Руси всех не согласных сжигали на кострах, убивали и не давали права выбора, был геноцид истинных язычников»);

– религии слабых («в 25 [лет] в армии перечитал Библию и понял, что эта религия не для воина»);

– пороков церкви («доходы росли, а идейность, честь, достоинство – уходили»);

– поверхностного православия («вера в христианского Бога была как и у большинства: перманентно и фоном. Где-то были иконки, повседневные фразы, не несущие смысловой нагрузки – но вроде как православные»).

Ряд интервью содержит информацию о религиозных исканиях респондентов перед утверждением в сегодняшнем мировоззренческом статусе. Наряду с православием выделяют погружение в ислам, ницшеанство, баптизм, инглиизм, неопятидесятничество, иеговизм.

Катализаторами, пробудившими интерес участников СВО к язычеству, выступили так же литература, кинематограф, анимационное кино. Как

правило, масса ответов «безлика» – абстрактна и ограничена констатацией прочтения неназванных статей, книг, сказок. Из конкретных авторов и произведений упоминаются книги Марии Семеновой, серия романов «Сокровища Валькирии» Сергея Алексеева и «Удар Русских Богов» Владимира Истархова, «Велесова книга». Источниковая база представлена карело-финским эпосом «Калевала», исландскими сагами, немецкой эпической поэмой «Песнь о Нибелунгах». Продукты киноиндустрии ограничены канадско-ирландским художественным сериалом «Викинги» и отечественным короткометражным мультфильмом «Детство Ратибора».

Интернет-пространство – ещё одно поле приобщения к языческой традиции. Весьма показателен пример, когда интернет-канал воина-язычника, действующего в зоне СВО, мотивировал на вступление в движение неофита из «мирной» России. Кроме этого, бойцы обращают внимание на поиск данных о вере предков в различных группах и форумах («содержащих кучу противоречивой информации»), отмечая, что данные «исследования» зачастую носили вынужденный характер из-за отсутствия знакомства с носителями.

Группа родственников, знающих людей, наставников-служителей культа (жрецов, волхвов), оказавших влияние на выбор мировоззрения, так же присутствует в анкетном материале. Некоторые респонденты отмечают прямое участие в обрядовых практиках, проводимых языческим духовенством (в частности, выделяют обряд «имянаречение»).

Отдельного внимания заслуживает индивидуальная военная языческая хронология. Информанты подчеркивают факт принятия язычества «недавно» и именно в условиях проведения специальной военной операции, конкретного боевого опыта, полученного на ЛБС: «К родным Богам, пришел в 13 году, повстречал людей что посеяли во мне интерес к познанию старых сил. Но лишь на войне почувствовал родство, по-другому и не скажешь»; «Очень давно в боевых действиях я видел, и не один раз, как люди [рыкари] свирепели и с нечеловеческим криком летели во вражеские окопы и укрепы, и разносили там всё в пух. Иногда даже в рукопашную. И я не видел ни ангелов рядом, ни кого-либо еще, просто человек в моменте обрел веру в себя, кто яростью и желанием мести взрывался, кто отчаяньем, кто в желании помочь товарищу, много таких случаев, но этот крик, его не сравнить ни с чем, он вселяет ужас и даже сковывает движение других».

К причинам, определившим актуальный религиозный статус бойцов, следует отнести и трактовку язычества как «пути сильных людей», «дороги воинов», мистический опыт (голод), «зов корней», выбор хобби: реконструкцию, занятия боевыми искусствами, субкультуру ОФ (около футбола), национал-патриотические сообщества, природоцентризм, увлечение историей в рамках школьного курса.

Подводя итог, отметим, что в зоне СВО действительно присутствует синкретизм славянской и скандинавской традиции. В результате анализа ответов респондентов лидирующую позицию занимает причина, связанная с влиянием «скандинавов, на создание Русского государства». В том числе, как демонстрируют данные археологии, синкретизм в воинской среде, не новое явление, а имело свои исторические корни в средневековой Руси. Важно отметить, что данные анкетного материала также подтвердили, выявленную РПЦ проблемную область, в которой отмечается, что обращение к неоязычеству, в том числе к скандинавской мифологии, связано с обоснованием силы и мужества в зоне СВО.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, № 26-18-00202, проект «Homo post-Sovieticus» в поисках себя: религия в системе гражданской идентичности.

СОДЕРЖАНИЕ

Архиепископ Брестский и Кобринский Иоанн. «Всё мне позволительно, но не всё полезно»: православное осмысление влияния научно-технического прогресса на душу человека …… 3

Парфиевич А. Н., Яловая Н. П., Духовный мир современной белорусской молодежи: между традиционным менталитетом и глобальным прагматизмом .

Аннамырадова О. А. Духовно-нравственное воспитание студенческой молодежи в условиях цифровизации образования: ценностные ориентиры и педагогические практики …….

Бурко А. В., Бурко О. П. Волонтерская деятельность как фактор развития эмоционального интеллекта молодежи …….

Бурко О. П. Развитие морально-нормативных характеристик социальной компетентности у студентов технических специальностей …….

Волкова Ю. А. Языческий синкретизм участников СВО по материалам стандартизированных интервью ……..

Восович С. М. Протоиерей Евстафий Игнатьевич Пастернацкий как исследователь Мирского церковного братства Минской епархии ……..

Грибова С. В. Артюхевич Д. А. Человек как проект: границы допустимого в эпоху цифровизации и биотехнологий …….

Гронский А.Д. «… Кто-то прибегнул ко временному союзу с врагом …»: попытка украинских учебников истории вписать националистов в Движение сопротивления ……...

Жигалова М. П. Воскресные школы на Малоритчине конца XX – начала XXI века как средство формирования христианского сознания учащихся

Игнатюк Ю. Д. (науч. руководитель *Е. Г. Кудрицкая).* Проблема одиночества молодежи в эпоху цифровизации ……..

Карпович О. В., Будник Д. В. Роль низших иерархов католической церкви в подготовке восстания 1863 – 1864 годов …….

Ковалева Н. Н. Реализация государственной политики Республики Беларусь по сохранению историко-культурного наследия (на примере культовых объектов Брестской области) …….

Кудрицкая Е. Г., Бурко О. П., Данилов Ю. Д. Профессиональные ценности молодежи в контексте проведения конкурса инфографики …….

Игумения Евфросиния (Куракевич). Хранение сердца в мире лайков и репостов: святоотеческие принципы в эпоху социальных сетей …….

Лагуновская Е. А. Эвристический потенциал христианской антропологии в понимании свободы личности перед вызовами цифровой эпохи ……..…

Лагуновская Е. А., Сахарчук В. В. Моральный фонд социальных доктрин традиционных религий в отечественной мысли в контексте духовно-нравственного формирования молодежи: от традиции к цивилизационным вызовам …….

Н

трансформация идентичности и духовно-нравственных ориентиров человека ……

Перехвал К. А., Луцык А. В., Курская Е. С. Нейросети как инструмент: опыт социологического опроса в БрГТУ ……..

Самуйлік Я. Р., Новік М. А. Асоба і літаратурна-асветніцкая спадчына Кірылы Тураўскага ……..

С

е

Телипко П. А., Водчиц П. В. Роль православной церкви в формировании ценностных ориентиров молодежи в условиях постиндустриального общества ……

Федоскин А. И. Религиозный мем в цифровом пространстве как фактор формирования ценностей молодежи ……..

Ціхаміраў А. У. Грэкі ў Гродзенскай губерні на пачатку XX ст. ……

Черкасюк К. В. (научный руководитель: *Е. Д. Семак).* От античного логоса к цифровому коду: философские основания современных ЭВМ ……

Шиженский Р. В. Языческий выбор участников СВО: по материалам глубинных интервью ……